

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

☞ ЭДМУНД ☜

КРИСПИН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ
В КРОВИ

ЭДМУНД КРИСПИН

Эдмунд Криспин — псевдоним, под которым писал детективы английский композитор Роберт Брюс Монтгомери (1921—1978). Он создал лишь девять романов и два сборника рассказов, однако они принесли ему всемирную славу классика детективной литературы, а некоторые из них вошли в легендарный список «100 лучших детективов XX века» по версии «Times». С персонажа его романов Джервейса Фена создатели сериала «Доктор Кто» списали своего заглавного героя.

ЭДМУНД

КРИСПИН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ
В КРОВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Серия «Золотой век английского детектива»

Edmund Crispin
SWAN SONG
LOVE LIES BLEEDING

Перевод с английского *Л. Г. Мордуховича* («Лебединая песня»),
В. Н. Соколова («Любовь покоится в крови»)

Компьютерный дизайн *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения The Estate of Rights Limited
и литературных агентств Peters, Fraser and Dunlop Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Криспин, Эдмунд.

К82 Лебединая песня ; Любовь покоится в крови : [сборник:
перевод с английского] / Эдмунд Криспин. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (Золотой век англий-
ского детектива).

ISBN 978-5-17-095898-6

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагнера. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но незадолго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную партию, был найден повешенным в собственной гримерке. Полиция считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри. Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уверен — Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным характером, убили...

В респектабельной частной школе для мальчиков совершено двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса и протезировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убийства тесно связаны, более того, причины случившегося следует искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем доме во время ремонта...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Rights Limited, 1947, 1948

© Перевод. Л. Г. Мордухович, 2016

© Перевод. В. Н. Соколов, 2016

ISBN 978-5-17-095898-6

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ
В КРОВИ

Посвящается клубу «Карр»

Глава 1

LASCIVA PUELLA¹

Директор школы вздохнул. Вздох получился удрученным и даже жалким, но сдержаться ему не удалось. Он извинился.

— Жара... — Директор вяло махнул рукой в сторону окна, за которым под ярким солнцем раскинулась просторная лужайка. — Все из-за жары.

Это объяснение вполне могло сойти за правду. В самом деле, день выдался знойным, почти тропическим, и в темном кабинете с высокими потолками, где тяжелые шторы были наполовину опущены, чтобы избежать выгорания дерева и тканей, стояла тягостная духота. Но голос директора прозвучал неубедительно, и его посетительница поняла, что это отговорка.

— Простите, что отнимаю у вас время, — затапаторила она. — Разумеется, вы должны быть очень заняты подготовкой к актовому дню. К сожалению, у меня нет выбора. Родители настоятельно требуют провести расследование.

Директор мрачно кивнул. Это был невысокий щуплый мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый, с острым носом, гладко прилизанными черными волосами и обманчивым выражением рассеянности и добродушия на лице.

---

¹ Соблазнительная малышка (*исп.*).

— Ну да, родители, — пробормотал он. — Разумеется. Вечно их пустые тревоги, на которые приходится тратить столько времени...

— В данном случае, — возразила посетительница, не желая уходить от темы разговора, — кое-что действительно произошло.

Директор уныло взглянул на нее из-за стола. Безудержная энергия мисс Пэрри действовала на него угнетающе. Его немного пугали все эти самоуверенные, прямолинейные и неутомимые женщины средних лет, с одинаковым успехом проявлявшие себя в организации благотворительных ярмарок, посещении бедных и больных, разбивке приусадебных садов или обучении прислуги. По каким-то причинам, в которые он не вдавался, мисс Пэрри сошла с этой орбиты, но вокруг нее продолжала царить атмосфера кипучей деятельности; и директор не сомневался, что ее высокая должность в Кэстривенфордской школе для девочек скорее укрепила, чем развеяла этот дух. Он стал набивать свою трубку.

— Неужели? — уклончиво произнес он.

— Информация, доктор Стэнфорд. Мне нужна информация.

— Вот как? — Директор вытащил из трубки табачный стебелек и снова кивнул, на сей раз твердо и уверенно. — Позвольте, я закурую?

— Я и сама не откажусь.

Мисс Пэрри вежливо, но решительно отклонила предложенные ей сигареты и достала из сумочки портсигар.

— Предпочитаю американские сорта, — объяснила она. — В них меньше химии.

Директор чиркнул спичкой и поднес огонь к сигарете.

— Наверное, будет лучше, — заметил он, — если для начала вы изложите мне все обстоятельства дела.

Мисс Пэрри выпустила длинную струю дыма с таким видом, будто это был сильный яд, от которого она хотела скорее избавиться.

— Полагаю, вы догадываетесь, — сказала она, — речь пойдет о постановке пьесы.

Услышав ее слова, директор решил, что, возможно, все не так плохо, как он думал. На протяжении многих лет Кэстривенфордская школа для девочек и Кэстривенфордская школа для мальчиков совместно разыгрывали пьесу для актового дня. Эта старая традиция создавала для обоих учреждений множество проблем, смягчавшихся отчасти тем, что все они были хорошо известны и легко предсказуемы. Главным образом проблема сводилась к тому, что ученики и ученицы норовили украдкой обниматься за кулисами, и для подобных случаев у руководства были предусмотрены соответствующие меры, отработанные почти до автоматизма.

Директор немного повеселел:

— Значит, эта девочка играет в пьесе? В последнее время я почти не следил за постановкой. Кажется, будут давать «Генриха V»?

— Да. Не самый лучший выбор, как считают мои девочки. Мало женских ролей.

— Уверен, мальчики расстроены не меньше.

Мисс Пэрри рассмеялась, но тут же замолчала, словно давая понять, что никакие шутки — как бы они ни были полезны для беседы, — не должны отвлекать их от серьезной темы.

— В общем, сплошное разочарование, — отозвалась она. — Девочка, о которой я говорю, играет роль Екатерины. Ее зовут Брэнда Бойс.

Директор сдвинул брови и поднес вторую спичку к своей трубке.

— Бойсы? Кажется, они из местных? Пару лет назад к нам поступил мальчик с такой фамилией. Насколько я помню он из светской семьи.

— Скорее всего, это ее брат. Слово «светский» характеризует их семью. Богатые родители, вечеринки с коктейлями...

— Да, я их помню. — Директор аккуратно положил использованную спичку в серебряную пепельницу в форме слона. — Приятные люди... Впрочем, это не имеет отношения к делу.

— Почему же, родители как раз имеют. — Мисс Пэрри откинулась в кресле и решительно скрестила крепкие ноги. — Дело в том, что их искушенность в современной жизни позволяет, так сказать, исключить некоторые варианты. Брэнда, как легко догадаться, довольно бойкая девица, — кстати, ей уже шестнадцать, и это ее выпускной класс, — причем миленькая. Вряд ли ее могут смутить какие-либо проявления... юношеского эротизма. — И мисс Пэрри взглянула на собеседника с подчеркнутой серьезностью.

— Продолжайте, — попросил директор.

Он знал, что мисс Пэрри не нуждается в подбадривании, но вежливость требовала заполнить образовавшуюся паузу.

— Как вы уже знаете, — произнесла мисс Пэрри, — вчера вечером состоялась репетиция «Генриха V». Когда в половине десятого Брэнда вернулась домой, ее поведение, по словам родителей, было необычным.

— То есть?

— Взвинченным. Нервным. Испуганным.

Было слышно, как секретарша в соседней ком-

натке печатает на машинке, а на окне сонно жужжат мухи.

— Разумеется, — продолжила мисс Пэрри, — родители спросили у нее, что произошло. Но Брэнда ничего не ответила — как и мне, когда я беседовала с ней сегодня утром.

— Родители вам позвонили?

— Да. Они обеспокоены — а это плохой признак, доктор Стэнфорд. Какую бы жизнь ни вели эти люди, они не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков.

— Что сказала вам девушка?

— Уверяла, будто родители все придумали и говорить не о чем. Но я заметила, что ей по-прежнему не по себе, и убедилась, что она лжет. Иначе я не стала бы вас беспокоить.

Директор задумался, машинально обводя взглядом знакомую обстановку комнаты: густо-синий обюссонский ковер, репродукции Констебля и Коро на стенах, мягкие кожаные кресла и просторный стол, за которым он сидел. Помолчав немного, он промолвил:

— Вы правы, семья в данном случае важна. Значит, вы считаете, что если кто-то стал приставать к этой юной леди...

Он запнулся, и мисс Пэрри закончила за него:

— Это бы ее несколько не смутило. Боюсь, наоборот, скорее понравилось бы.

— Вот как? — Директор пытался осмыслить этот пример женской эмансипации. — То есть вы полагаете, что произошло нечто более серьезное?

Мисс Пэрри кивнула:

— Похоже, что так.

Директор посмотрел на нее с сомнением. Они уже и раньше обсуждали темы секса, но всегда не-

определенно и в общих чертах, а теперь требовалась грубая прямолинейность.

— Совращение? — предположил он.

— Да, я уже об этом думала, — кивнула она, но тут же сделала нетерпеливый жест. — Хотя мне кажется, дело не в этом. Вы позволите говорить откровенно?

— Естественно.

Мисс Пэрри улыбнулась нервной и натянутой улыбкой, не вязавшейся с ее обычной прямоотой, и для директора это стало своего рода откровением. Он вдруг осознал, что прежде она избегала скользкой темы не из ханжества или напускной жеманности, а из-за строгих представлений о приличиях, которые теперь ей приходилось нарушать. Это вызвало в нем уважение и симпатию, и он улыбнулся.

— Есть две возможности, — продолжила мисс Пэрри. — Изнасилование, которому она не могла помешать; или совращение, о котором она позднее пожалела. Понимаю, что говорить в таком тоне о шестнадцатилетней девушке не совсем корректно, но... боюсь, у нас нет выхода. Если допустить изнасилование, мне трудно представить, чтобы кто-нибудь из ваших мальчиков...

— Вы правы, — кивнул директор. — Я не знаю ни одного, кто осмелился бы на подобный поступок.

— Что касается совращения, то, во-первых, Брэнда — неглупая и вполне самостоятельная девочка, которая может позаботиться о себе. А во-вторых...

— Да?

— Сегодня утром я прямо спросила, не случилось ли с ней что-нибудь такого. Ее единственной реакцией было удивление — по-моему, искреннее.

— Рад слышать. — Директор вынул из нагрудного кармана носовой платок и вытер взмокший лоб. — В таком случае я не понимаю, что могло так расстроить девушку и почему она не хочет об этом говорить?

Мисс Пэрри пожала плечами.

— Я тоже. Ясно, что секс тут ни при чем, а строить какие-то другие версии можно лишь на конкретных фактах.

— Так чем я могу вам помочь?

— Единственное, чего я хочу, — удостовериться, что во время репетиции или непосредственно перед ней не случилось ничего необычного.

— Что ж, это не так уж трудно. Я поговорю с Матисоном, постановщиком пьесы... и если хотите, мы сделаем это прямо сейчас. Он должен находиться в преподавательской, я могу его вызвать.

— Срочность ни к чему. — Мисс Пэрри встала и погасила сигарету. — Вероятно, вся эта история — легкое недоразумение. Если вы позвоните мне позднее...

— Разумеется. — Директор тоже поднялся и указал на статуэтку Афродиты, стоявшую на столике из розового дерева. — Я очень рад, — добавил он, — что эта дама тут ни при чем. Обычно, когда у нас возникают проблемы с постановкой пьесы, можно с уверенностью сказать, что они связаны именно с ней.

Мисс Пэрри улыбнулась:

— Платоновские половинки...

— Платоновские половинки следует держать по-дальше друг от друга, пока они не закончат школу. В конце концов, принудительное воздержание только обостряет чувства. — Он спохватился, вспом-

нив про долг гостеприимства: — Хотите остаться на обед?

— Нет, спасибо. Я должна вернуться до окончания утренних занятий.

— Жаль. Но вы придете... завтра на церемонию?

— Конечно. Кто будет вручать награды?

— Мы ждали лорда Уошбертона, — ответил директор, — но в последний момент он заболел, и мне пришлось заменить его одним своим знакомым, профессором английского из Оксфорда. Интересный человек — честно говоря, я боюсь, что даже слишком интересный. Сомневаюсь, что он впишется в рамки того светского лицемерия, которое требуется в подобных случаях.

— Я останусь послушать речи. Вы знаете, что обычно я избегаю их.

— Хотел бы я сказать то же самое о себе, — вздохнул директор. — Не только в этом случае, но и вообще... Хотя все эти мелкие неприятности оправдывают мои три тысячи фунтов в год.

Он проводил мисс Пэрри и вернулся к своей корреспонденции, разложенной на столе. Миссис Бродриб подробно рассказывала о результатах экзаменов в Школе Генри — предмет, о котором сам директор имел довольно смутные представления. Сообщалось, что в ближайшие две недели состоится съезд школьных директоров. Кто-то предлагал учредить премию за лучшее эссе года на тему «Будущее Британской империи»... Директор застонал. Премий у них и так хватало. Учащиеся тратили уйму времени на то, чтобы выиграть конкурсы, а преподаватели — чтобы их организовать. Увы, за этим предложением стоял солидный спонсор, и с его мнением необходимо было считаться. Оставалось надеяться, что, проявив долж-

ный такт, ему удастся уговорить щедрого благотворителя самому читать все эти эссе и самому же награждать.

Директор бегло просмотрел оставшиеся письма и отложил их в сторону. История про *lasciva puella* вызвала в нем любопытство, и он решил, что поскольку ему все равно придется заниматься этим делом, незачем откладывать его в долгий ящик. Директор подошел к металлическому шкафчику с картотекой и просмотрел его содержимое: судя по документам, в настоящий момент Матисон преподавал английский в пятом классе. Директор взял свою мантию и шапочку и, сунув их под мышку, направился к двери.

Глава 2

СВИДАНИЕ КАК УЛИКА

— «Я теперь, — продекламировал Симблфилд, робкий прыщеватый коротышка, строки Вордсворта, — не так природу вижу, как порой бездумной юности, но часто слышу тихую мелодию людскую, печальную, без грубости, но в силах смирять и подчинять».

Ученик замолчал, и на его непривлекательной физиономии появилось выражение удовлетворения. По мнению Симблфилда, высший класс в изучении поэзии заключался в том, чтобы суметь процитировать выбранный отрывок, не пропустив ни единого слова; и этой цели он добился. Правда, у него возникли подозрения, что за пределами этой нехитрой задачи существуют еще какие-то тонкости, связанные с интерпретацией прочитанных строк, но, упо-

енный своим успехом, он не обратил на них внимания.

В тишине, наступившей после его унылого речитатива, стало слышно, как в соседней комнате мистер Харгрейв, самый строгий из учителей школы, обрушивает на своих подопечных безжалостную латынь. Симблфилд выжидающе уставился на мистера Матисона, который молча сидел на стуле, сложив руки на коленях, и смотрел в окно. Поскольку Симблфилд был исключительно глупым и наивным юношей, то решил, будто мистер Матисон не находит слов, чтобы оценить его замечательное выступление. Однако его предположение было ошибочным. Мистер Матисон просто задремал и не слышал, что Симблфилд закончил декламацию. Это был грузный мужчина средних лет, неопрятный и неуклюжий, в мешковатых серых брюках и старом пиджаке с кожаными вставками на локтях.

Поднявшееся вокруг шушуканье заставило его очнуться от грез и вернуться к суровой реальности урока. Классная комната представляла собой просторное помещение с высокими стенами, нижняя часть которых была щедро разрисована чернилами. Учительский стол, старомодный и монументальный, возвышался на постаменте возле выщербленной доски. На стенах висели тусклые и расплывчатые картины с пасторальными и классическими сюжетами. Все покрывал толстый слой меловой пыли. Десятка два учеников, сидевших за расшатанными столиками, старались воспользоваться короткой передышкой, убивая время самыми бессмысленными способами.

Матисон заметил, что Симблфилд больше не двигает языком, а смотрит на него с самодовольным видом.

— Симблфилд, — произнес Матисон, — вы хоть поняли, о чем это стихотворение?

— Сэр... — в замешательстве пробормотал ученик.

— Как мы относимся к природе «порой бездумной юности», Симблфилд? Мне кажется, вы как раз тот самый человек, кто может ответить на данный вопрос.

В классе раздались смешки.

— Тупица Симблфилд, — шепнул кто-то.

— Итак, Симблфилд? Я жду ответа.

— Простите, сэр, я не знаю, сэр...

— Но вы должны это знать. Подумайте, мой юный друг. Вы не слишком обращаете внимание на природу, верно?

— О, да, сэр.

— Вы вообще ее не замечаете. Для вас она не более чем фон, обрамляющий вашу собственную личность.

— Да, да, я понимаю, сэр, — поспешил согласиться Симблфилд.

— Боюсь, что нет. Хотя кто-то в этом классе, возможно, понимает.

Ученики сразу оживились. Послышались возгласы: «Я понимаю, сэр!» «Только такие олухи, как Симблфилд, могут этого не понять». «Это как, например, вы идете на прогулку, но не замечаете деревьев». «Сэр, а зачем нам нужно читать Вордсворта?»

— Тихо! — грозно воскликнул мистер Матисон. Ученики замолчали. — Короче говоря, именно так Вордсворт отказывается воспринимать природу.

— Вордсворт — старый козел, — раздался шепоток.

Мистер Матисон, нахмутив брови, мрачно окинул взглядом комнату, но, решив, что не следует обращать внимания на наглеца, продолжил:

— Иными словами, для Вордсворта природа — нечто большее, чем просто фон.

— Сэр!

— Да?

— А правда, что Вордсворту чуть не отрубили голову во время Французской революции?

— Нет, он побывал во Франции уже после революции. Так вот, как я сказал...

— Сэр, почему во Франции отрубают голову, а в Англии — вешают?

— А в Америке — сажают на электрический стул?

— А в России — расстреливают?

Ученики дружно загалдели. «В России не расстреливают, болван, а рубят голову топором!» «Сэр, это правда, что когда человека вешают, у него после смерти еще долго бьется сердце?» «Ну, ты и осел, Бэгшоу». «Что за чепуха: как человек может быть мертв, если у него бьется сердце?»

Матисон ударил кулаком по столу:

— Еще одно слово, и я сообщу о вашем поведении заведующему пансионом!

В классе мгновенно воцарилась тишина — это было безотказное средство, когда следовало установить порядок. В Кэстривенфорде попасть на заметку заведующему пансионом считалось серьезным проступком.

— Превосходно, — произнес мистер Матисон, — а теперь вернемся к нашей теме. Симблфилд, что, по-вашему, имел в виду Вордсворт, говоря про «мелодию людскую, печальную, без грубости»?

— О, сэр... — Это испытание было явно непосильно для его скромного ума. — Я думаю, он имел в виду... если мы возьмем, например, гору, или птицу, или что-нибудь такое...

К счастью для Симблфилда, пытавшегося сказать хоть что-то вразумительное при полном молчании остального класса, продолжать ему не пришлось: именно в этот момент в комнату вошел директор. Ученики торопливо вскочили с места, загремев стульями и хлопнув крышками столов. Директор редко появлялся в классе во время урока, и они терялись в догадках, какое из их недавних прегрешений могло послужить причиной столь неожиданного визита.

— Садитесь, джентльмены, — благожелательно промолвил директор. — Мистер Матисон, можете уделить мне пару минут?

— Конечно, господин директор, — ответил тот и повернулся к ученикам: — Продолжайте читать, пока я не вернусь.

Они вышли в коридор. Это было пустое и гулкое помещение с неровным полом, к тому же довольно плохо освещенное. Изначально учебный корпус строился для других целей, и когда-то в нем располагалась психиатрическая лечебница — факт, на котором не одно поколение учеников оттачивало остроумие. Зато по сравнению с классными комнатами в нем царила приятная прохлада.

— «*Aequam mentem* memento rebus in arduis servare mentem»¹, — бубнил мистер Харгрэйв в соседней комнате, — вовсе не означает «Не забывай держать месячный запас воды для сухих дорог», и только такой болван как вы, Хьюит, мог предположить, будто Гораций сочинил столь идиотский стих.

— Как прошла вчерашняя репетиция, Матисон? — спросил директор.

---

¹ Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах (*лат.*). — Гораций. Оды. II, 3

— Неплохо, господин директор. Думаю, у нас получится хороший спектакль.

— Никаких недоразумений и проблем?

— Нет. Вроде все в порядке.

— Ясно.

Директор помолчал, прислушиваясь к тому, что происходило в классе: шум голосов там то накатывал как волна, достигая полного крещендо, то вдруг обрывался после чьего-то испуганного окрика, призывавшего к тишине. Он прижал указательный палец к нижней губе.

— Та девочка, которая исполняет роль Екатерины, — произнес он. — Что вы о ней думаете?

— Хорошая актриса, — ответил Матисон.

— Я не в этом смысле. Что вы думаете о ней?

Преподаватель замялся:

— Честно говоря, господин директор, мне она кажется весьма привлекательной особой.

— Что ж, спасибо за откровенность. Дело в том, что вчера вечером она вернулась домой крайне взволнованной, и мы не можем понять, что с ней произошло.

— Во время репетиции она выглядела спокойной, — заметил Матисон. — Разве что очень жизне-радостной.

— Прекрасно. Рад это слышать. В какой-то степени это снимает с нас ответственность... А вы не в курсе, есть ли у нее... отношения с кем-нибудь из мальчиков?

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что с Уильямсом.

— С Уильямсом? Каким? У нас полно Уильямсов.

— С Дж.Х. Уильямсом, господин директор. Из старшего класса. Он играет Генриха.

— Ах, да, конечно. Пожалуй, мне надо с ним побеседовать. Кстати, генеральная репетиция состоится сегодня вечером?

— Да, сэр.

— Я постараюсь прийти, — пообещал директор, — если смогу выкроить время.

Попрощавшись с начальством, Матисон вернулся обратно в класс, чтобы вдалбливать метафизические рассуждения Вордсворта в пустые головы своих учеников, а директор нанес визит школьному привратнику и попросил направить к нему в кабинет Дж. Х. Уильямса, как только тот закончит утренние занятия.

Войдя в старший класс за десять минут до окончания последнего урока, Уэллс, школьный привратник, услышал, что мистер Этеридж объясняет своим подопечным основы демонологии и черной магии. Уэллса это не удивило. Мистер Этеридж был одним из тех старых оригиналов, которые часто встречаются в престижных школах Великобритании и живут в них достаточно долго, чтобы со временем получить негласное право преподавать все, что заблагорассудится. Мистер Этеридж питал склонность ко всему необыкновенному и эзотерическому: в числе его последних увлечений были йога, монах Ноткер Заика, затонувшая Атлантида, творчество одного малоизвестного поэта восемнадцатого века Сэмюела Смитерсона и художественные достоинства американского блюза. Не было такого ученика, кто ушел бы из его класса без основательных, но абсолютно никчемных знаний о каком-нибудь темном и запутанном предмете, который интересовал мистера Этериджа в данный момент.

Рамки общепринятых стандартов всегда тесны для подобных педагогов, но в данном случае они откровенно и грубо попирались. Разгадка заключалась в том, что все крупные школы нуждаются в «адвокате дьявола», и мистер Этеридж как раз являлся одним из них. Его абсолютно не интересовала общественная жизнь. Он никогда не посещал съезды или конференции. Его не волновало нравственное воспитание учеников. Он не питал уважения к школе как к государственному институту. Короче говоря, у него была репутация отъявленного индивидуалиста. На первый взгляд, эти качества нельзя было назвать похвальными, но их следовало рассматривать в нужном контексте. Такие школы, как Кэстривенфорд, всегда наполнены гражданским духом, который при отсутствии должного контроля может превратиться в настоящий фетиш. Поскольку мистер Этеридж помогал держать его в узде, директор ценил его не меньше, чем своих самых добросовестных сотрудников. Его отклонения от допустимых норм считались необходимым злом, а размеры причиненного им ущерба старались свести к минимуму, устранив из его расписания наиболее важные предметы.

Осторожно обогнув начертанную на полу пентаграмму, Уэллс сообщил учителю просьбу директора, и тот, сделав недовольную гримасу, передал ее Дж. Х. Уильямсу. Когда Уэллс удалился, мистер Этеридж начал торопливо объяснять ученикам значение «Большого гримуара» и делал это до тех пор, пока звонок не возвестил об окончании утренних занятий. Затем он встал, наспех пробормотал какое-то заклятие, защищавшее, как он объяснил, Уильямса от телесных повреждений во время посещения директора, и вышел из класса. Уильямс — смуглый, симпатич-

ный и неглупый паренек лет шестнадцати — немедленно начал прокладывать себе путь сквозь толпу орущих сверстников, охваченный самыми дурными предчувствиями, которые не смогла рассеять даже обещанная мистером Этериджем волшебная защита.

Когда он вошел в кабинет директора, тот стоял около окна, держа руки за спиной.

— Уильямс, — без предисловий произнес он, — вам не следует встречаться с молодыми леди.

После недолгих раздумий директор решил, что такое начало лучше всего подойдет для их беседы. Он считал Уильямса спокойным и разумным парнем, который не станет отрицать справедливых обвинений.

Ученик покраснел.

— Да, сэр, — пробормотал он. — Мне очень жаль, сэр.

— Будьте осторожнее в выражениях, Уильямс, — предостерег директор. — Если в вашем возрасте вы начнете сожалеть о том, что встречаетесь с привлекательной девушкой, то придется обследоваться у врача... В подобных случаях лучше использовать выражение: «Прошу прощения».

— Да, сэр.

— Так где произошло ваше свидание?

— В научном корпусе, сэр.

— Вероятно, вы условились о нем во время последней репетиции?

— Да, сэр. Репетиция закончилась без четверти десять. У нас еще оставалось свободное время перед тем, как идти домой.

Директор отметил, что в следующем году эту задержку надо будет исключить.

— И это свидание, — продолжил он, — состоялось по вашей инициативе?

— Как вам сказать, сэр... — Уильямс рискнул улыбнуться. — Я бы назвал это коллективным решением.

— У вас есть какое-нибудь оправдание?

— Не знаю, сэр, видели ли вы когда-нибудь Брэнду, но...

— Да, да, разумеется, это единственное, что вы можете ответить: «Венера, мыслью всей прильнувшая к добыче». Полагаю, в старшем классе вы хорошо знаете Расина.

— Как вы сами сказали, в моем возрасте это естественно, сэр, — попытался вывернуться Уильямс.

— Я так сказал? В таком случае это было опрометчиво. Если мы станем следовать нашим естественным импульсам, то скоро вернемся в каменный век. Что конкретно произошло на вашем свидании?

Уильямс посмотрел на него с удивлением:

— Ничего, сэр. Я на него не пришел.

— Что? — воскликнул директор.

— Мистер Паргитон поймал меня, как только я вышел в коридор. Как вам известно, сэр, мы должны возвращаться домой сразу после репетиций, даже если они заканчиваются рано. Ну, а я направился в другую сторону. И мистер Паргитон, — в голосе Уильямса прозвучала горечь, — заставил меня остановиться и вернуться к мистеру Фраю.

Директор подумал, что назойливость Паргитона, обычно весьма утомительная, все же имеет свои положительные стороны.

— И вы готовы поклясться, что после той репетиции больше не виделись с этой девушкой? — уточнил он.

— Да, сэр. Так оно и есть.

Директор сдвинул брови и опустился в кресло за столом.

— Как я уже сказал, вы не должны встречаться с молодыми леди.

— Да, сэр.

— Кроме того, выйдя за пределы этого кабинета, вы не должны распространяться о своих «естественных» желаниях, которые якобы подавляют преподаватели-мракобесы.

— Сэр, я и не думал...

— Боюсь, Уильямс, ваше сознание отравлено плохо понятым фрейдизмом.

— Честно говоря, сэр...

— Забудьте об этом. Никто не говорит, что вы всю жизнь обязаны соблюдать целибат. Но до конца последнего семестра осталось всего двенадцать недель, и если вы не состоите в воздерживании от общения с противоположным полом без серьезных физиологических нарушений, значит, ваш разум является более слабым инструментом, чем я ожидал.

Уильямс молчал, ошарашенный этой отповедью.

— В заключение, — добавил директор, — хочу предупредить, что любые попытки вновь увидеться с этой девушкой будут иметь для вас самые неприятные последствия. Вы свободны.

Ученик удалился, одинаково восхищенный как магическими способностями мистера Этериджа, так и здравомыслием и прямоотой директора. Ему не приходило в голову, что здравомыслие и прямоота были тщательно продуманы и взвешены, чтобы произвести должное впечатление на его юношеский идеализм, смешанный с долей цинизма. Директор имел большой опыт в умении добиваться нужного эффекта.

Заметив, что Паргитон все еще слоняется возле учебного корпуса, директор решил проверить —

и проверил — правдивость показаний Уильямса. После этого он позвонил в школу для девочек и сообщил мисс Пэрри обо всем, что ему удалось выяснить.

— Ясно, — кивнула она. — Что ж, тогда я снова примусь за дело. Как долго Брэнда пробыла в научном корпусе?

— Примерно до половины одиннадцатого, когда Уэллис запер дверь.

— Большое вам спасибо.

— Кстати, буду рад, если сообщите мне о результатах.

— Разумеется, — произнесла мисс Пэрри. — Я позвоню позднее.

«Позднее» наступило примерно за десять минут до начала дневных занятий.

— Послушайте, — начала мисс Пэрри, — вы уверены, что молодой человек сказал правду?

— Абсолютно, — ответил директор. — А что?

— Брэнда утверждает, будто в тот вечер даже не приближалась к научному корпусу.

— Может, она просто морочила парню голову?

— Не знаю.

— Она отрицала, что условилась о встрече с Уильямсом?

— Нет. Сначала пыталась, однако лишь для того, чтобы защитить его. А потом сказала, что они назначили свидание, но она передумала и вернулась домой.

— Больше ничего?

— Девчонка упряма как мул. Я уверена только в одном.

— В чем?

— Вчера ночью кто-то напугал ее до полусмерти.

Глава 3

ОГРАБЛЕНИЕ

Кэстривенфордская школа расположена на прямоугольном участке, обрамленном с запада рекой Кэстривен, а с востока — магистральным шоссе. В остальных местах его граница размыта: на севере спортивные площадки постепенно переходят в окрестные поля, а на юге школьные строения причудливым образом перемешаны с кучкой зданий, которые называются Снэгсхилл и представляют собой окраину как Кэстривенфорда, так и самой школы. Главный корпус — большое, но неуютное строение восемнадцатого века из красного кирпича, с увитыми плющом стенами и крошечным двориком для игр — одиноко высится на западной оконечности участка, выделяясь своей часовой башней и черепицей из потускневшей меди. Далее пологий склон, поросший вязами и буками и усеянный вольерами для кроликов, спускается к реке. Здесь находятся пристань и сарай для школьных лодок. На противоположной стороне реки простираются леса и поля с далекой фермой, а еще дальше, милях в трех к западу, видны шпили и крыши Кэстривенфорда.

По периметру этой территории расположены здания семи школьных пансионатов. На северо-западном углу торчит часовня, довольно уродливый реликт поздневикторианской эпохи, возводившаяся так поспешно и на такие скудные средства, что местные власти до сих пор живут в страхе, как бы она не рухнула и не развалилась на куски. Школьные ворота открываются на главную дорогу. От ворот длинная аллея, обсаженная дубами, ведет к учебному корпусу.

су, про который достаточно сказать, что его назвали Домом Хаббарда. Рядом с воротами находится столовая, простая на вид и чисто утилитарная конструкция. Научный корпус, домик скаутов, манеж и библиотека образуют тесную группу на южной стороне рядом с Давенантом, самым крупным из пансионатов. Здесь же расположен и кабинет директора, поскольку его собственный дом стоит в полумиле от школы.

Остальную площадь занимают игровые площадки, поле для игры в сквош, пять теннисных кортов, гимнастический зал, бассейн, кондитерская и оружейная. Между ними протянута сложная сеть асфальтовых дорожек, она, на взгляд учеников, словно нарочно устроена так, чтобы как можно дольше растянуть их путь от пансионатов к Дому Хаббарда.

Все это великолепие — или, по крайней мере, его часть — разглядывал директор, стоя у окна своего кабинета и размышляя о проблеме Брэнды Бойс. Без пяти два зазвонил школьный колокол, и директор, отвлекшись от мыслей, подумал о том, нельзя ли, вопреки мнению консерваторов, навсегда заглушить этот жуткий перезвон. Само собой, колокол должен был способствовать пунктуальности учащихся, но когда на время войны его бой отменили, а потом вернули снова, оказалось, что он почти никак не влияет на число опаздывающих учеников. В Кэстривенфорде вообще было слишком много звона. Башенные куранты, педантично отбивавшие не только часы, но и половинки с четвертями; колокола в научном корпусе; электрический звонок, раздиравший тишину в начале и конце каждого урока; ручные колокольчики в пансионатах; колокол часовни, дребезжавший так, словно его сделали из мятой жести...

Между тем к Дому Хаббарда шумным пото-

ком стекались ученики с учебниками и папками под мышкой. В их толпе директор заметил мистера Филпотса, бежавшего по сухой траве в сторону Давенанта.

Мистер Филпотс, учитель химии, отличался невероятной прытью, проявлявшейся в самых разных формах. Это был худой коротышка лет пятидесяти в тяжелых роговых очках, с длинным носом и утомительной привычкой к бессвязной болтовне. В том, что химик спешил, не было ничего удивительного: он вообще предпочитал бегать, а не ходить. Кроме того, мистер Филпотс обладал мнительным характером, склонным к постоянным жалобам и склокам: любая мелочь повергала его в отчаяние и заставляла мчаться в директорский кабинет, кипя возмущением и гневом. Заметив его в окне, директор уже не сомневался, что через минуту-другую тот появится у него в комнате, чтобы поведать о своих новых горестях.

На самом деле подобная перспектива не слишком тяготила его: он знал, что страдания мистера Филпотса легко унять, проявив чуточку внимания и такта. Поэтому, когда учитель химии действительно постучал в дверь, директор радушно пригласил его войти. Однако вскоре ему стало ясно, что на сей раз мистер Филпотс явился с чем-то более серьезным.

— Кошмарная история! — выпалил он. — Безобразный, отвратительный скандал!

Директор предложил сесть, но учитель отказался.

— Преступник должен быть схвачен и наказан! — заявил он. — Самым суровым образом! За всю мою учительскую карьеру еще не было случая...

— Что произошло, Филпотс? — нетерпеливо перебил директор. — Давайте с начала, прошу вас.

— Ограбление, вот что! Настоящее ограбление — ни больше, ни меньше!

— Что украли?

— В том-то и дело, — стремительно затараторил мистер Филпотс, — я не знаю. Но это неважно. Я не обязан следить за инвентарем! У меня нет времени. Вступительные экзамены, актовый день, квартальные отчеты...

— Что-то пропало в химической лаборатории? — вставил директор, мысленно успев перебрать все варианты.

— Мой шкафчик вскрыли! Вскрыли и обыскали! Сразу хочу заявить, что я снимаю с себя всякую ответственность. Сколько раз я заявлял, что в нем ненадежные запоры! Сколько раз...

— Никто не пытается вас в чем-либо обвинить, — холодно заметил директор. — Что находилось в шкафчике?

— Кислоты, — с неожиданной лаконичностью ответил химик. — В основном, кислоты.

— То есть ядовитые вещества?

— Именно. Вот почему я считаю это происшествие серьезным. — Мистер Филпотс глубоко вздохнул. — Надеюсь, вы разделяете мое мнение, господин директор?

— Разумеется, разделяю. Странно, но я пока сохранил здравый смысл. Вы не знаете, что именно украли — если вообще украли?

— Что-то украли, это несомненно, — желчно произнес мистер Филпотс. — Иначе зачем было взламывать шкафчик? Одно могу сказать: я не заметил большой пропажи каких-то конкретных химикатов.

— Замечательно, — кивнул директор. — Я подумаю над этой проблемой. А пока не могли бы вы

проследить за тем, чтобы кабинет химии был заперт на то время, когда там нет занятий? Конечно, осторожными следовало быть раньше, но если мы не хотим повторения случившегося... Кстати, когда вы это обнаружили?

— Сегодня утром, на последнем уроке. Это было мое первое занятие. Но я могу заверить, что вчера в пять часов вечера шкафчик был в полном порядке: как раз в это время я поставил в него новый препарат.

— Хорошо, Филпотс, — вздохнул директор. — Я дам вам знать, когда решу, что делать дальше.

Мистер Филпотс важно кивнул, покинул кабинет и помчался в сторону научного корпуса. К тому времени, как директор вернулся к окну, колокол уже затих, и опаздывавшие ученики перешли с ходьбы на бег. Через несколько секунд часы пробили два, и в Доме Хаббарда прозвенел звонок. По дорожке пролетел последний ученик, в отчаянном рывке пытавшийся нагнать своих товарищей, и исчез из виду. Все затихло.

Но директора не радовала тишина. Пропажа ядовитых веществ — пока только предполагаемая — являлась, как справедливо заметил мистер Филпотс, весьма серьезным делом. Кроме того, было не совсем понятно, какие действия следует предпринять. Вероятно, кражу совершил не ученик: при отсутствии явных доказательств директор больше склонялся к тому, чтобы отвергнуть эту версию. Но оставались еще местные рабочие, преподавательский состав, случайные посетители, свободно разгуливавшие по территории школы, и Брэнда Бойс, которая, если верить Уильямсу, вчера вечером ждала его в научном корпусе.

Директор раздраженно прикусил кончик трубки. Меньше всего ему хотелось обращаться в полицию, но в сложившейся ситуации у него не было выхода. Он тяжело вздохнул и протянул руку к телефону.

Примерно в это же время мистер Этеридж вышел из учительской вместе с Майклом Сомерсом. Оба направлялись в одну сторону, и между ними завязался разговор.

Сомерс — высокий, худой, жилистый мужчина с гладкими черными волосами и привлекательным, но слишком женственным лицом — был самым младшим преподавателем в Кэстривенфорде. Его внешности соответствовал приятный голос, в музыкальных нотках которого иногда слышались неуверенность и фальшь. Он преподавал английский, и преподавал неплохо, но ученики его не любили, а директор, всегда отдававший должное безжалостной интуиции подростков, считал это достаточной причиной, чтобы держаться с ним настороже. Опыт подсказывал, что главной, если не единственной причиной непопулярности учителя является его неискренность. Суровость педагога не настроит против него учеников, если к ней не примешиваются лицемерие и лживость. И, напротив, снисходительность — а Сомерс был на редкость снисходителен — часто является только взяткой, которая не заслуживает их симпатий.

Коллеги Сомерса относились к нему со смешанными чувствами: многих отталкивало его высокомерие, подспудно проявлявшееся в каждом слове и поступке. Но мистер Этеридж, по общему мнению, лишенный не только морали, но и каких бы то ни было человеческих симпатий, видел в своих сотоварищах

лишь аудиторию для собственных речей. Поскольку в разговоре с ним Сомерс неизменно проявлял заинтересованность и внимательность, мистер Этеридж считал его практически безупречным.

— Ну, как? — спросил мистер Этеридж. — Что там происходит с Лавом?

Сомерс удивленно приподнял брови:

— Происходит? Я не знал, что с ним что-то происходит. Вы о чем?

Мистер Этеридж разочарованно потряс головой. Помимо своей пресловутой эксцентричности он имел репутацию главного потребителя местных сплетен и скандалов. Каким-то чудесным образом ему удавалось получать самые деликатные сведения обо всем, что происходило в школе, и затем распространять их дальше. Но теперь, оставшись без нужной информации, он приуныл. Если уж Сомерс не смог сообщить ему ничего интересного о причудах мистера Лава, вряд ли он найдет более надежный источник. Сомерс жил в пансионе Мерфилд, которым заведовал Лав, и считался его протеже. Мистер Этеридж вздохнул.

— По правде говоря, — с упреком произнес он, пока они поднимались по каменным ступенькам, — мне казалось, вы должны были это заметить.

— Я почти не видел его в последнюю неделю, — пожал плечами Сомерс.

— Похоже, он весь кипит от ярости, — продолжил мистер Этеридж. — Всегда раздраженный, вспыльчивый, угрюмый. Конечно, он и раньше был не сахар: что взять с пуританина? Но сейчас все зашло слишком далеко. У меня такое чувство, будто его что-то грызет изнутри.

— Он легко впадает в хандру, если что-то идет не так.

Мистер Этеридж, очевидно, счел этот комментарий скучным и банальным, чтобы реагировать на него.

— В школе происходят загадочные события, — пробормотал он. — Кстати, как ваше запястье? — Он кивнул на правую руку Сомерса, крепко перевязанную бинтом.

— Спасибо, уже лучше. Какие загадочные события?

— Вы, конечно, слышали о краже в научном корпусе?

— Ах, вы об этом. Да. Филпотс рассказал мне по дороге на занятия.

— А насчет ученицы из женской школы?

— Нет. Что за ученица?

— Она назначила Дж. Х. Уильямсу свидание в научном корпусе, — объяснил мистер Этеридж. — В этом, конечно, еще нет ничего необычного. Но, во-первых, Уильямс на свидание не явился, потому что его задержал проныра Паргитон. А во-вторых, девушка вернулась домой подавленной и испуганной. Что вы об этом скажете?

Они подошли к классной комнате Сомерса. Внутри слышался гул голосов. Сомерс пожал плечами и ответил:

— Думаете, она как-то связана с кражей?

— До сих пор, — мистер Этеридж поднял палец, — она отказывается что-либо говорить. Но дело плохо, Сомерс, поверьте мне, очень плохо. Именно такие ситуации заканчиваются убийством.

Учебный день близился к завершению. Позвонив в полицию и поговорив с суперинтендантом, который пообещал зайти вечером, директор начал дик-

товать и подписывать письма и заметки. В два сорок пять он отпустил Гэлбрейта, своего секретаря, в его комнату и подошел к окну, выходящему на школьный двор. По пятницам в колледже проходил парад кадетов, поэтому вторая смена начиналась не без четверти три, а без четверти пять. В Доме Хаббарда прозвенел звонок, и по коридорам разлился легкий гул, словно вся школа вздохнула с облегчением. Этот слабый звук быстро перерос в оглушительный рев, смешанный из грохота поднимавшихся парт и передвигаемых стульев, хлопанья учебников и топота ног, бежавших по деревянным лестницам под аккомпанемент звонких голосов и пронзительного свиста. Еще через минуту сотни учеников хлынули из дверей, перемешивая зелень своей формы с синевой авиационных кителей и серыми робами «больных» кадетов, размахивая толстыми тетрадами, елозя по ремням рукавами блуз и приветствуя штатских преподавателей, которые, закончив работу, садились на велосипеды и выезжали из ворот. Объявили пятнадцатиминутный перерыв, и подростки торопились разбежаться по своим пансионам, стуча по тротуару крепкими ботинками. Вскоре двор почти полностью опустел, и остались лишь редкие группки школьников и учителей, дожидавшихся начала парада. Солнце пекло немилосердно, кроны вязов бросали на дорожки сетчатую тень. Безоблачное небо сияло ослепительной лазурью.

Обычно в это время к директору заходил кто-нибудь из преподавателей, чтобы получить от него новые указания или ценные советы, но сегодня посетителей не было. Постояв немного у окна, он вернулся к столу и принялся довольно вяло сочинять свою речь для завтрашней службы в церкви. Время от вре-

мени до него доносились резкие выкрики команд и дружное топание кадетов, проходивших парадным шагом через плац. Часы на каминных часах показывали ровно четыре, когда к подъезду Давенанта на совершенно неприличной скорости подкатил красный спортивный автомобиль, и из него неторопливо выбрался оксфордский профессор английского языка и литературы Джервейс Фен.

Это был тощий долговязый мужчина чуть старше сорока, чисто выбритый, с румяным лицом и веселым прищуром светло-синих глаз. Одет он был в серый костюм, зеленый галстук с фигурами русалок и причудливую шляпу. Одобрительно похлопав по капоту автомобиля, издавшего громкий хлопок, профессор огляделся по сторонам и увидел директора, который уже вышел из дома, чтобы встретить гостя и проводить его к себе. Оказавшись в кабинете, Фен немедленно плюхнулся в большое кресло.

— Что ж, замечательно, — произнес директор. — Большое спасибо, что согласились приехать к нам вот так, в последний момент. Тем более что мы давно не виделись. Чем вы занимались это время?

— Дедукцией, — рассмеявшись, ответил Фен.

— Я видел газеты. Кажется, в Оксфорде теперь плохо с преступностью.

— Вы что, не читали Мэтью Арнольда? — спросил профессор. — Оксфорд буквально набит спрятанными трупами.

Директор улыбнулся, позвонил Гэлбрейту и попросил принести чай.

— Вы прибыли вовремя, — заметил он, когда секретарь ушел. — У нас тут пара необычных происшествий.

— Неужели?

— Возможно, даже с криминальной подоплекой.

С минуты на минуту я жду суперинтенданта полиции.

Профессор приподнял брови:

— Расскажите!

Директор рассказал. Начав с эпизода в кабинете химии, он сообщил о странном поведении Брэнды Бойс. Фен внимательно слушал и, когда директор закончил, пробормотал:

— Думаю, вы не зря вызвали полицию.

Его собеседник поморщился:

— Боюсь, они не обрадуются, узнав, что мы хранили химикаты в доступном месте.

— Вы можете рассчитывать на их деликатность?

— Разумеется. Стэгг разумный человек. — Директор выдержал паузу. — Что вы об этом думаете?

— Ничего, мой дорогой Гораций. У меня есть много разных объяснений — большинство из них, впрочем, вполне невинны, — но ни одной возможности проверить их. Проще говоря, нам не хватает данных. А что вы вообще хотели бы от меня услышать?

— По сути дела, — протянул директор, — эта девушка не моя забота. Что бы с ней ни случилось, это произошло уже после того, как она ушла с репетиции. Правда, существует определенная связь между происшествием в химической лаборатории и тем фактом, что она ждала Уильямса в научном корпусе.

— Видимо, надо сделать объявление о краже в школе.

— Сомневаюсь, что это поможет. К тому же я уверен, что ученики тут ни при чем. Я знаю, как обычно ведут себя школьники, и сейчас явно не тот случай. Разумеется, попадаются мальчики, которые

воруют. Но когда это происходит, речь почти всегда идет о деньгах или еде.

Некоторое время оба молчали. Парад во дворе закончился, и в окне были видны толпы школьников, стекавших на вечернее чаепитие в Давенант. Фен нахмурился.

— Насчет этого Филпотса... — начал он, но замолчал, услышав, как за дверью что-то громко шлепает и скребется. — Господи, а это еще что? — воскликнул Фен.

— Сейчас увидите, — мрачно усмехнулся директор. Он встал, подошел к двери и распахнул ее. На пороге стоял огромный пес.

— Боже милостивый, — прошептал Фен.

Судя по всему, это был бладхаунд, правда, необычно крупный, вероятно, с примесью других пород. Он с пугающей неподвижностью стоял в проеме, не сводя с профессора пристального ледяного взгляда.

— Это Винни-Пух, — объяснил директор. — Старый пес, — торопливо добавил он, словно стараясь отвлечь внимание от вопиющей неуместности его клички. — Я бы даже сказал, очень старый.

— Скажите, а он... — осторожно заговорил Фен с видом Валаамовой ослицы, неуверенно пробующей только что обретенный голос, — он — ваш?

Директор покачал головой:

— Он ничей. Когда-то принадлежал одному учителю, но тот умер, и теперь пес просто живет в школе. Вообще-то, его надо отсюда убрать, — заметил он, с отвращением глядя на Винни-Пуха. — Проблема в том, что у него бывают жуткие приступы ярости, когда он набрасывается на людей.

— Вот как?

— Они случаются примерно раз в три месяца. Кстати, как раз сейчас мы ожидаем очередной приступ.

— Понятно.

— Но вам не о чем волноваться, вы ему понравились. Он от вас просто без ума.

Фена, кажется, не слишком обнадежили его слова.

— Я этого не вижу, — возразил он.

— Если бы вы ему не понравились, — объяснил директор, — он бы уже вас покусал.

При этих словах Винни-Пух внезапно сдвинулся с места и медленно направился к Фену.

— Эй, смотрите, что он делает! — воскликнул он.

— Не бойтесь, — произнес директор, на всякий случай отойдя подальше от собаки. — Он просто хочет с вами подружиться.

Но, похоже, профессора это не убедило.

— Уходи! — крикнул он собаке. — Уходи, слышишь!

— Лучше его не злить, — посоветовал директор. — Если его сильно разозлить, у него может начаться приступ. Вот почему я впустил его сюда.

Тем временем Винни-Пух приблизился к Фену, который смотрел на него с беспокойством. Все с тем же недобрим видом пес опустил голову ему на колени («Ну, вот», — успокаивающе пробормотал директор) и немного постоял в такой позе, роняя из пасти слюну. Потом отодвинулся и стал карабкаться на стол.

— Отлично, — быстро прокомментировал директор, — теперь, когда он нашел, чем себя занять... Так вы спрашивали про Филпотса?

— Да. — Фен передвинул кресло так, чтобы не упускать из виду Винни-Пуха. — Филпотс... Он временный учитель?

— Нет, постоянный. Работает у нас много лет.

— Кажется, в последнее время у вас было много перестановок?

Директор со вздохом кивнул:

— Вы правы, нам пришлось несладко. Сейчас более или менее утряслось, но тогда все это основательно потрепало нам нервы — и дело не только в войне. Люди начали разбегаться кто куда, причем безо всяких объяснений. Например, Сомс, проработав двадцать лет, неожиданно бросил школу и устроился в рекламный отдел на фабрику по производству спичек. А молодой Шеридан — блестящий педагог — очертя голову бросился на Би-би-си и стал обозревателем на Третьем канале. Мортон тоже ушел на Би-би-си, но диктором. Однажды он так громко объявлял какое-то телешоу, что упал в обморок и больше не оправился. — Директора, видимо, сильно расстроил этот случай. — Печальный конец, хотя... Господи!

Последний возглас был связан с Винни-Пухом, который пытался теперь вскарабкаться на стену. Ему это не удалось, и он с громким стуком шлепнулся на пол.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал директор. — Он может что-то повредить себе.

Хозяин кабинета порылся в ящике стола и достал резиновую кость. Винни-Пух немедленно схватил ее и начал с ней играть. Он сжимал кость в пасти и яростно мотал головой из стороны в сторону. Иногда разжимал зубы, и тогда кость вываливалась на ковер или со всего маху отлетала куда-то в сторону. Тогда Винни-Пух в один прыжок достигал беглянку, и все начиналось снова.

— Он совсем как человек, правда? — улыбнул-

ся директор. — Впрочем, сомневаюсь, что это можно рассматривать как комплимент. — В дверь постукали. — А, вот и чай.

За чаепитием они поговорили о разных малозначащих вещах. Винни-Пух тоже получил жидкий чай в полоскательной чашке, но ограничился тем, что ткнул в него лапой, недовольно фыркнул и вернулся к своей кости. Вскоре директор взглянул на часы и пробормотал:

— Странно, что суперинтенданта еще нет. Через пять минут я должен рассказывать о Лукреции в старшем классе. Боюсь, придется бросить их на произвол судьбы.

— Если хотите, я могу вас подменить? — предложил Фен.

Директор с надеждой взглянул на профессора:

— Вас это не очень затруднит?

— Нет.

— Не хочу оставлять их одних, — пояснил директор. — Они сразу соберутся в кучки и начнут играть в бридж.

— Вот и прекрасно. — Фен допил чай, сунул в пепельницу сигарету и встал. — Расскажите, как их найти, и я немедленно отправлюсь.

— Я пойду с вами и представлю вас ученикам.

— Нет, нет, мой дорогой Гораций! В этом нет необходимости: я могу и сам себя представить.

— Ну, если вы настаиваете... Первая дверь направо по дороге к выходу. Это милые и дружелюбные мальчишки, вот увидите. После урока возвращайтесь в кабинет, и я отвезу вас к себе домой. Еще раз огромное спасибо.

— Мне это доставит только удовольствие, — искренне произнес Фен и направился к двери.

Винни-Пух бросил кость и двинулся за ним. Профессор остановился.

— Он желает отправиться со мной? — возмутился он. — Наверное, думает, будто я Гилберт Уайт¹.

— Давайте я возьму кость, — предложил директор, — и отвлеку его внимание, а вы потихоньку выскользните за дверь.

— Это шантаж! — воскликнул Фен. — Пес-шантажист.

Однако он выполнил задуманный маневр, и уловка удалась. Выйдя в коридор, профессор торопливо направился в старший класс, а в спину ему продолжали нестись устрашающий звериный рык, намекавший на то, что приступ Винни-Пуха может начаться с минуты на минуту.

Глава 4

КАТАСТРОФА

Средняя школа для девочек находилась в самом городке Кэстривенфорд, недалеко от дома директрисы. Поскольку мисс Пэрри питала склонность к красивым интерьерам, ее кабинет представлял собой вполне изысканное помещение в бело-розовых тонах: светлое и просторное, с узорчатым тиснением на креслах и дрезденскими вазами на камине. В кабинете было множество живых цветов, за окном зеленела прибрежная аллея с подстриженными ивами, и поблескивала гладь реки. Послеполуденное солнце щедро изливало

---

¹ Уайт Г. (1720—1793) — ученый-натуралист, автор краеведческого труда «Естественная история и древние памятники Селборна».

теплый свет на кирпичную ограду и уютный садик, откуда в дом доносился запах чайных роз, буйно разросшихся вдоль лужайки и обрамлявших арку решетчатых ворот. Поверх стены открывались крыши убежавших к горизонту старых зданий, а за ними торчал шпиль церкви Гроба Господня с золоченым флюгером, четким и неподвижным на фоне голубого неба.

В пять часов вечера, когда мисс Пэрри сидела в кресле и обозревала все это великолепие, пытаясь переварить содержимое тридцати с лишним сочинений, посвященных понтификату Льва Десятого, зазвонил телефон. Она неохотно потянулась к аппарату. Обычно ей нравилось отвечать на звонки, но последняя неделя выдалась настолько утомительной, что сейчас ее гораздо больше тянуло расслабиться и побыть одной. Однако директриса считала это недопустимой слабостью и, обладая скорее практичным, чем аналитическим складом ума, винила во всем адскую жару. Хотя...

— Кэстривенфорд, 473, — произнесла она. — Да, это мисс Пэрри. Кто говорит? А, миссис Бойс... Брэнда не вернулась домой? Понятно. Да, насколько я знаю, она ушла после четырех. Возможно, решила зайти в магазин или в кино. Ах, вот оно как. Вы правы, это меняет ситуацию. Раз вы просили ее не задерживаться по пути из школы... Понимаю, вы обеспокоены... да... да... В школе еще осталось несколько старшеклассниц, и я их расспрошу. Разумеется. Да, я сразу перезвоню вам. До свидания.

Трубка резко звякнула на рычаге. После недолгих размышлений директриса покинула кабинет, пересекла короткий переход, соединявший кабинет с учебным корпусом, прошла через спортивный зал и оказалась в школьном коридоре. В одном из ближних

классов слышались молодые голоса, громко о чем-то спорившие. Когда она приблизилась к двери, внутри раздался жуткий грохот, напоминавший крушение «Дойчланд» у берегов Кентиш-Нок.

— Черт бы побрал эти хоккейные клюшки! — заорала одна из девушек.

— Не ругайся, Элспет.

— Хочу и буду ругаться! К дьяволу эти вонючие, поганые...

— Элспет!

Мисс Пэрри приподняла брови и вошла в класс.

Комната представляла собой скорее склад, набитый старыми книгами, запасами провизии, спортивным инвентарем и букетами сухих цветов, рассованных по банкам из-под джема. Мебели здесь почти не было, а окна выходили на теннисный корт. На оставшемся свободном пятачке с трудом умещались четверо старшеклассниц в синих плиссированных юбках, черных туфлях, школьных галстучках и белых блузках с коротким рукавом. Официально в классе проходило заседание комитета литературной секции, но на самом деле девушки просто уплетали за обе щеки. Драматичное появление директрисы заставило их мгновенно застыть, подобно корнуэльским девам, которых гнев Иеговы обратил в скалы, когда они плясали нагишом на шабаше.

Мисс Пэрри смерила их пронизывающим взглядом и спросила:

— Кто-нибудь видел Брэнду Бойс после уроков?

Все в оцепенении молчали, пока одна из девушек наконец не набралась смелости ответить.

— Нет, мисс Пэрри, — произнесла Элспет.

— Нет, мисс Пэрри! — эхом откликнулись остальные.

— Кто-нибудь из вас видел, как она уходила домой?

— Нет, мисс Пэрри, — повторила Элспет.

— Нет, мисс Пэрри! — дружно подхватили остальные.

Директриса поняла, что беседовать с этой компанией, отвечавшей как античный хор, не имеет смысла. Она переключила внимание на Дженнис Дэллоуэй — девушку, которая только что укоряла Элспет за сквернословие.

— Когда ты в последний раз видела Брэнду? — спросила мисс Пэрри.

— Это было на уроке истории. Мы собирались уходить, но мисс Фитт задержала меня, чтобы поговорить о моей работе, а потом я направилась прямо сюда и не видела, как она ушла.

— Может, она еще в своем классе? — предположила третья девушка.

Мисс Пэрри помедлила, надеясь услышать какие-нибудь версии, но все молчали.

— Ладно, — сказала она. — Продолжайте заседание. И помните, что вы должны покинуть здание не позднее шести часов.

— Да, мисс Пэрри, — ответила Элспет.

— Да, мисс Пэрри, — послушно пропели остальные.

— Обычно я не вмешиваюсь в разговоры учениц, — добавила директриса, шагнув к двери, — поэтому все, чем вы здесь занимаетесь, остается на ваше усмотрение. Но ругательства — другое дело. — Она сделала паузу. Элспет слегка побледнела и уставилась в пол. — Если подобное повторится, у вас будут большие неприятности.

Она вышла, закрыв за собой дверь. В спину ей долетел приглушенный шепоток.

Комната для занятий, которую Брэнда Бойс делала еще с одной девочкой, — очень похожа на первый класс, но немного аккуратнее, — оказалась пуста. Мисс Пэрри уже собиралась уйти, когда заметила конверт, лежавший на столе у открытого окна. Взяв его, она обнаружила, что письмо адресовано ей, и развернула листок.

Уважаемая мисс Пэрри!

Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Я уезжаю с человеком, который сделает меня счастливой. Я сумею о себе позаботиться, не волнуйтесь. Я напишу маме и папе. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

*Искренне ваша
Брэнда Бойс.*

Мисс Пэрри невольно ахнула, но первое, что пришло ей в голову, было: до чего же это не похоже на стиль Брэнды. Никаких тебе витиеватых предложений и напыщенных фраз. Конечно, неожиданная лаконичность могла быть вызвана эмоциональным стрессом, но... Она поискала тетрадь с записями Брэнды и сравнила почерк с запиской. Да, одна и та же рука — но стиль иной. Утомительно-цветистое «путешествие во Францию, где на голых, наспех сколоченных помостках еще не высохла кровь казненных аристократов, многоголосым эхом откликнулось в ритмизированной автобиографии Вордсворта», — не имело ничего общего с сухим «я уезжаю с человеком, который сделает меня счастливой». Абсолютно ничего. Мисс Пэрри убрала письмо в карман и направилась в кабинет, размышляя о том, как сообщить о своем открытии родителям Брэнды.

К счастью, все прошло не так скверно, как она боялась: родители вели себя сдержанно и благоразумно, тем более что мисс Пэрри не стала посвящать их в сомнения по поводу подлинности оставленной записки. Мистер Бойс попросил ее немедленно сообщить в полицию о пропаже дочери. Поскольку мисс Пэрри знает больше, чем они, будет лучше, если суперинтендант встретится сначала с ней.

Но когда она связалась с дежурным в отделении полиции, тот сказал, что суперинтендант уже выехал к директору Кэстривенфордской школы. Поблагодарив, мисс Пэрри повесила трубку, подняла ее снова и набрала кабинет директора.

Звонок поступил в тот момент, когда суперинтендант уже собирался уходить. Это был высокий, плотный, моложавый мужчина, на лице которого, благодаря странной игре природы, всегда было написано выражение тревоги. Глядя на него, вы невольно начинали думать, будто где-то рядом прячется убийца. Происшествие со шкафчиком он считал несущественным и как раз излагал свою точку зрения Фену, который уже вернулся с урока в старшем классе, когда зазвонил телефон. Директор снял трубку.

— Да, мисс Пэрри, — произнес он. — Что? Пропала? Боже милостивый... Да, суперинтендант здесь. Минутку.

Он передал трубку Стэггу, и тот молча выслушал рассказ мисс Пэрри.

— Все понятно, мэм, — сказал он. — Я немедленно приеду. Мы обязательно найдем ее. Да. До встречи.

Стэгг повесил трубку и объяснил ситуацию остальным.

— Похоже, она сбежала с каким-то парнем, — заключил он и взглянул на директора. — Как вы думаете, кто-нибудь из ваших старшеклассников...

— О, нет, что вы, — запротестовал директор, — это невероятно. Если девушка в ее возрасте сбегает с мужчиной, как правило, это кто-нибудь постарше.

— И все-таки, сэр, если вы можете проверить...

— Боюсь, что не смогу, суперинтендант. По крайней мере, до десяти часов. Сегодня вечером ученики отпущены по домам и вернутся только к десяти.

Стэгг выпрямился и взял шляпу.

— В любом случае, я сделаю все, что смогу. Надеюсь, сэр, вы сообщите мне, если произойдет что-нибудь необычное — любая мелочь, даже несущественная. Никто не знает, с чем мы имеем дело.

Озвучив эту туманную угрозу, он ушел. Директор откинулся в кресле.

— И все это накануне актового дня, — пробормотал он. — Да поможет нам Господь.

— Да поможет Господь этой девушке, — мрачно промолвил Фен. — Я не верю, что она сбежала. Сбегают сентиментальные девицы, а Брэнда Бойс, судя по вашим словам, отнюдь не сентиментальна.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что ее похитили или убили.

Директор с недоверием посмотрел на гостя.

— Но зачем? С какой целью? Невероятно. Не представляю, что теперь делать с пьесой... Надо сказать Матисону.

Он подошел к окну кабинета и заметил учителя, удалявшегося на велосипеде в сторону ворот.

— Матисон! — крикнул директор. — Матисон!

Тот резко вильнул в сторону, слез с велосипеда

и покати́л его назад к окну. Директор вкратце объяснил ему суть проблемы.

— Ну, что ж, — произнес учитель, помолчав, — девочка, которая играет Изабеллу, знает роль Екатерины и, пожалуй, сможет заменить ее. Правда, завтра мне придется целый день вколачивать в нее новую роль... К счастью, текста там немного.

Директор согласился, что это кстати. Он готов был восхвалять Шекспира за подобную предусмотрительность. Вскоре Матисон удалился, а Фен отвез директора домой, где они поужинали. За чашкой кофе директор сообщил:

— Боюсь, я не смогу составить вам компанию на этот вечер. Мне нужно вернуться в школу и побеседовать с парой докучливых родителей, а потом посетить Календарный комитет.

— Что еще за Календарный комитет?

— Там мы составляем расписание до конца семестра и следим за тем, чтобы разные мероприятия не противоречили друг другу.

— А бывает, что противоречат?

— Часто. В школе шестнадцать секций и кружков, и у каждого свои занятия. Плюс всевозможные конкурсы, спортивные соревнования и праздничные службы. А также лекции, концерты, репетиции, походы в кино. Скучать не приходится, уж поверьте.

— Прекрасно, — кивнул Фен. — А я пока займусь своим детективным романом.

— Чем?

— Я пишу детективный роман.

— Вот как? — бесстрастно отозвался директор.

— Это очень хороший роман, — заверил Фен. — Действие начинается промозглой ноябрьской ночью в горах Кэтскилл...

— Да, да. — Директор поднялся. — Поговорим об этом позднее, друг мой. Мне пора идти.

— ...а в бревенчатой хижине у огня дрожит молодая женщина. Но дрожит она, заметьте, не от холода. — Фен выдержал драматичную паузу. — Она дрожит от страха!

— Понимаю, — кивнул директор, торопливо направляясь к двери. — Надеюсь, вы расскажете мне об этом, когда у меня будет время должным образом все это оценить. — И он поспешно вышел.

Когда директор сел в свою машину и отправился обратно в школу, на улице, несмотря на сумерки, все еще стояла удушающая жара. К счастью, родители оказались не столь назойливы, как он ожидал, а заседание Календарного комитета, хотя и весьма продолжительное, обошлось без сплетен и скандалов. Без четверти одиннадцать оно наконец закончилось, и директор уже собирался уходить, когда появился Гэлбрейт. Около четырех он вернулся в свою холостяцкую квартиру, но тут возникли проблемы с билетами на службу, и ему потребовался совет. Количество мест в часовне было ограничено, поэтому требовалось тщательно отбирать родителей, собиравшихся посетить службу в актовый день. По этому поводу между Гэлбрейтом и капелланом возникли трения, и в результате билетов было роздано больше, чем имелось мест. У директора был трудный день, однако он постарался решить эту проблему со всем тщанием и старанием, которых требовал от него долг.

Их беседа еще не закончилась, когда без двух минут одиннадцать зазвонил телефон. Голос Вирджинии Лав звучал так взвинченно и искаженно, что директор едва узнал его. В оцепенении он выслушал ее слова.

— Понимаю, — произнес он с запинкой. —

Это... это ужасная трагедия, миссис Лав. Я даже не знаю, что сказать... мои искренние соболезнования... Я свяжусь с полицией и доктором... Да... да, конечно... До свидания.

Директор повесил трубку и повернулся к Гэлбрейту.

— Это насчет Лава, — сообщил он. — Его застрелили.

Гэлбрейт вытаращил глаза: ему сложно было скрыть свои эмоции за профессионализмом.

— Застрелили? — повторил он. — Вы хотите сказать, мертв?

— Да. Мертв.

— Самоубийство?

— Не знаю. Его жена едва может говорить. В любом случае...

Телефон снова зазвонил. Директор взял трубку; на его лице появилось выражение недоверия и шока.

— Ладно, — пробормотал он. — Оставайтесь там и ничего не трогайте. Я дам необходимые распоряжения. — Он повесил трубку. — Это Уэллс, из Дома Хаббарда. Он только что нашел в учительской Сомерса...

Директор оперся одной рукой на спинку кресла. Его лицо побледнело.

— Сомерс тоже мертв, — сообщил он. — Убит выстрелом в глаз.

Глава 5

УЛИКИ И СЛЕДЫ

— Вы приехали вовремя, — заметил директор, и Фен, сидевший в одном из мягких кресел, мрачно кивнул. — Не сомневаюсь, что Стэгг будет рад вашей помощи. Нам всем придется несладко. Разуме-

ется, мы сделаем все, что в наших силах, однако я не могу не сожалеть о том, что эти события произошли накануне актового дня. Вероятно, вы сочтете меня бессердечным, но...

— Нет, нет, — перебил Фен. — Ваш главный долг — заботиться о школе. Полагаю, уже поздно что-либо отменять?

— Да. Вся программа должна быть выполнена. Я надеюсь, нам удастся замять эту историю хотя бы до завтрашнего вечера. Но последствия будут серьезными. Подобная огласка...

За лучом яркого света, который падал из школьного кабинета на улицу, царила такая плотная тьма, что ее почти можно было потрогать руками. Но садовые цветы — розы и вербена — казалось, только радовались наступлению вечера и пахли еще резче и сильнее, чем днем. Вокруг настольной лампы порхал ночной мотылек, его крылья трепетали и шуршали по оранжевой ткани абажура. В углах комнаты лежала густая тень, но свет уютно поблескивал на медной подставке в очаге камина, словно заменяя отсутствовавшие в нем дрова, и играл радужными искрами в граненом бокале, который Фен задумчиво крутил в своей узкой аристократической руке.

— Вы отправили секретаря домой? — спросил он.

— Да. Сразу после звонка в полицию. Нет смысла держать его здесь.

— Прекрасно. Тогда поговорим о деле. Скажите, если оставить в стороне проблемы, которые могут возникнуть у школы, лично вас расстроила смерть этих людей?

Директор резко встал и начал расхаживать по комнате. Его волосы были взлохмачены, глаза запа-

ли. Одну руку он сунул в карман, а в другой держал забытую сигарету, и она тлела, роняя на ковер пепел.

— Честно говоря, нет, — ответил он после долгой паузы. — Оба мне не нравились. Но, полагаю, сейчас это не имеет никакого значения.

Директор остановился перед старым зеркалом в золоченой раме и поправил волосы. Фен продолжал изучать яркие огоньки в своем бокале.

— Расскажите мне о них, — попросил он. — Биографию, характеры, личные симпатии — все, что знаете.

— Попытаюсь. — Директор снова начал ходить по кабинету. — Из этих двоих Лав, пожалуй, более интересная личность. Он преподает, вернее, преподавал историю и классические языки. Человек знающий, серьезный — вполне приличный учитель.

— Мальчики его любили?

— Скорее уважали: он не из тех, кто вызывает к себе симпатию. По взглядам — убежденный пуританин, но не без практической сметки. Превыше всего для него был долг. Он не то чтобы отрицал земные радости, но считал их необходимым злом, чем-то вроде лекарств, которые следует принимать в нужных дозах и в нужное время. Кстати, при всей его компетентности, — добавил директор, не уточнив, что подразумевает под этим словом, — заведующий пансионом из него был неважный.

— А я и не знал, — заметил Фен, — что он являлся заведующим.

— Не здесь, а в Мерфилде. Оставив Кембридж, приехал сюда в качестве помощника директора. Потом перебрался в Мерфилд и получил пансион. А когда достиг предела возраста, допустимого для заведующих, снова вернулся к нам помощником

директора. Это было еще во время войны, когда мы нуждались в кадрах.

— Сколько ему тогда было лет?

— Кажется, шестьдесят два.

— Обычно заведующие уходят на пенсию в шестьдесят.

— Да. Но Лав был из тех, кто держится за работу до последнего, пока есть возможности и силы. Такие, как он, не уходят на пенсию, а умирают на своем посту. — Директор снял с каминной полки серебряные часы, достал из вазы ключ и начал заводить пружину. — Честно говоря, — продолжил он, — Лав представлял для меня определенную проблему. После войны попечители стали требовать, чтобы все учителя старше шестидесяти отправлялись на покой, поэтому у меня имелись основания избавиться от него. Но я убедил совет сделать для него исключение.

— Почему?

— Я питал к нему некий пиетет, — объяснил директор, убрав часы и ключ на место. — Лав был для меня чем-то вроде памятника принцу Альберту — неумолимый и бескомпромиссный, но при этом вызывающий уважение. Я уже не говорю о его кристальной честности, проявлявшейся в самых ничтожных мелочах. Лав был одним из тех людей, которые готовы вернуть на почту простую марку, если она осталась непогашенной. Но как раз это делало его плохим заведующим. Пытаться управлять пансионом, проявляя слишком большую строгость и щепетильность, — серьезная ошибка.

— «Его узнать никто не мог и мало кто любил, — с грустью процитировал Фен, перефразируя Вордсворта. — Но он теперь в могилу слег, и стало все другим»... Как насчет личной жизни? Лав был женат?

— Да. Его жена — тихая измученная женщина, полностью растворившаяся в муже. Как говорят, живые мощи.

— Что-нибудь еще?

— Пожалуй, нет. С кем вам надо поговорить, так это с Этериджем. Он знает все и обо всех.

Фен одним глотком опустошил бокал и поставил его на пол. Голубые шторы шевельнулись от легкого дуновения, но не развеяли духоты. Мотылек перестал бить крыльями и перебрался на внутреннюю сторону абажура, став неестественно крупным и расплывчатым за прозрачной тканью. Где-то вдалеке глухо и настойчиво лаяла собака — похоже, у Винни-Пука было плохое настроение. Больше с улицы не слышалось ни звука. Казалось, здание окутала мягкая и плотная пелена.

Что ж, пелена сейчас пришлась бы кстати, подумал Фен. Он нащупал в кармане завалявшуюся сигарету и, убедившись, что это не одна из тех дешевых марок, какие ему порой приходилось употреблять за неимением лучшего, сунул ее в рот и закурил.

— Хорошо, — отозвался он, — я последую вашему совету и поговорю с Этериджем, кто бы он ни был. А как насчет Сомерса?

Директор медленно и осторожно, словно заторможенный разлитой в воздухе жарой, опустился в кожаное кресло, вытер рукавом лоб и широко зевнул.

— Боже мой, — пробормотал он, — как же я устал. Сомерс... Молодой парень. Учился в Мерфилде, где был старостой в пансионе Лава. Тот высоко ценил его. Вообще он всегда имел любимчиков — один из его немногих недостатков. В Мерфилде он так благоволил к Сомерсу, что многих это возмуща-

ло. — Директор снова зевнул и извинился. — Сомерс преподавал английский, — добавил он. — Умный, однако дьявольски тщеславный. Пришел к нам из армии.

— Женат?

— Нет. Снимает... то есть снимал квартиру в Кэстривенфорде, в симпатичном домике в палладианском стиле. Кажется, его построил Николас Реветт. То, что он предпочитал жить за пределами школы, меня не удивляет. Я бы и сам, если бы у меня была возможность... Впрочем, это неважно.

— У Сомерса есть родственники? Друзья?

— Никого. Родители умерли, а сестер и братьев нет. Что касается друзей — сомневаюсь, что он здесь с кем-нибудь сошелся. Опять же, об этом лучше спросить у Этериджа. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. — Фен выпустил струю дыма и проследил, как она растаяла в свете лампы. — В любом случае сначала надо осмотреть трупы. Надеюсь, суперинтендант не станет возражать против моего участия в этом деле?

— Вряд ли. — Директор взглянул на часы: они показывали двадцать пять минут двенадцатого. — Скоро мы это выясним.

Суперинтендант прибыл через пять минут. Он был в форме, а обычное выражение тревоги на его лице превратилось в гримасу человека, ожидающего неминуемой катастрофы. Фену показалось, будто Стэгг, как Буриданов осел, не знает, с чего начать. Вместе с ним приехали врач — коротышка с красными воспаленными глазами, аккуратной бородкой и неожиданно злым лицом, — сержант, сжимавший в руках потертый черный саквояж, и констебль.

У подъезда остановилась «Скорая», и санитары в белых халатах начали расхаживать в призрачном свете фар, ожидая, когда понадобится их помощь.

После того как с формальностями было покончено, Стэгг обратился к Фену.

— Убийства — не совсем мой профиль, — признался он. — Разумеется, если в данном случае речь идет об убийстве. Короче говоря, сэр, если желаете помочь мне, я с удовольствием воспользуюсь вашим ценным опытом.

Стэгг криво улыбнулся, и этот намек на веселость придал его мрачной физиономии еще более зловещий вид.

Фен пробормотал что-то в знак благодарности.

— Превосходно, — произнес директор, героически подавив зевок. — Надеюсь, вы понимаете, Стэгг, до какой степени я расстроен. Не говоря уже о моих личных чувствах, вся эта трагедия случилась в неудачное для школы время. Понятно, что совсем замолчать убийства не удастся, но тем не менее...

— Вы хотите, чтобы я действовал как можно незаметнее? — Стэгг поднял указательный палец, как бы приглашая оценить его догадливость и деликатность. — Я прекрасно понимаю ваше положение, доктор Стэнфорд, и постараюсь сделать все, что в моих силах. Если нам повезет, то газеты узнают обо всем только после актового дня. Впрочем, неизбежные слухи...

— Слухи непременно возникнут, — согласился директор. — И нам придется с этим смириться. К счастью, заявок о приеме в нашу школу гораздо больше, чем имеется свободных мест. Когда появятся новости, произойдет небольшой отток, и кое-кто

из родителей заберет детей, но я не сомневаюсь, что мы полностью укомплектуем учебные места.

Директор замолчал, очевидно, вспомнив, что сейчас не самый подходящий момент обсуждать школьные проблемы.

— По-моему, пора заняться трупами, — кровожадно заметил врач, — а то мы так до утра проводимся.

Стэгг кивнул, встал и неуверенно взглянул на Фена.

— Я думаю, сначала мы отправимся к Сомерсу, а потом заглянем в дом мистера Лава.

— Прекрасный план, — одобрил Фен. — Идемте.

После короткой заминки вся компания, теснясь в дверях, вышла в темноту.

Директор включил взятый с собой фонарик и в полном молчании повел гостей к Дому Хаббарда. В лицо им дул легкий ветерок, маня призрачной возможностью прохлады. Над головой в просветах облаков мерцали редкие звезды. Перейдя с лужайки на дорогу, они гулко застучали башмаками по асфальту, тяжело и медленно переводя дыхание, словно в теплом парном воздухе не хватало кислорода. Вскоре перед ними появилась увитая плющом стена, и они вошли в учебный блок.

В приемной горел тусклый свет. Они пересекли просторный двор, вымощенный каменной брусчаткой, и стали подниматься по широкой деревянной лестнице, отполированной за последние столетия тысячами ног. Высокие проемы окон, непроницаемо-зеркальные из-за внутреннего света и наружной темноты, угрюмо отражали их безмолвную процессию, разносившую по школе громкие шаги. В здании царил мертвая тишина, точно кто-то наложил на него

волшебное заклятие. Они прошли в длинный и темный коридор с голыми стенами. На тянувшихся с двух сторон дверях чернели грубые отметины от колотивших по ним ботинок, а на полу валялся выдранный из тетради белый листок, густо испещренный красными чернилами и с отпечатком чьей-то подошвы в уголке. В конце коридора имелась еще одна дверь, более массивная и внушительная, чем остальные. Снизу сквозь щель струился желтый свет. Директор толкнул створку, и они шагнули в учительскую комнату.

Это был светлый и высокий зал почти квадратной формы. На стене возле двери висела обтянутая зеленым сукном доска для объявлений, почти целиком заполненная пришпиленными к ней листочками. В дальнем углу комнаты стояли многоярусные шкафчики с медными дощечками, на них значились фамилии их владельцев. Из другой обстановки здесь имелись тяжелые полки из красного дерева, старый грязно-коричневый ковер со следами пепла и длинный ряд металлических крючков, на которых болтались две-три старые порыжевшие мантии. Всю середину комнаты занимал просторный стол, загроможденный множеством разных мелких предметов — пепельниц, чернильниц, перьевых ручек и бумажных конвертов. К главному столу примыкали несколько столов поменьше. Вокруг них стояло три удобных стула и еще около дюжины других, менее удобных. Плотные шторы были отдернуты, окно открыто. На полу, устремив неподвижный взгляд к потолку, где вяло ползали черные мухи, лежал Майкл Сомерс.

Но вошедших больше всего поразило не это, а стоявшая в комнате духота. Прямо в центре зала работала электрическая печь, от нее расходились

волны горячего воздуха. Уэллс при их появлении поспешно вскочил, вытирая мокрый от пота лоб. Он что-то сказал, но его никто не услышал. После первого шока, вызванного чудовищной жарой, все устали на тело.

Оно было распростерто на полу возле перевернутого стула. Очевидно, Сомерс сначала опрокинулся назад на стол, а потом соскользнул с него на пол, поскольку его голова лежала у ножки стола, а руки были раскинуты так, словно он пытался опереться на них. Кровь струилась на ковер по левой стороне его лица, и левый глаз превратился в черную запекшуюся дыру, в которой копошились мухи.

Присутствующие молча смотрели на эту картину, пока тошнота не заставила их отвести глаза. Директор пробормотал дрожащим голосом:

— Ради всего святого, Уэллс, зачем вы включили печь?

— Сэр, когда я нашел его, тут все так и было, — промямлил Уэллс. — Вы же сами сказали — ничего не трогать.

Он опять вытер мокрое лицо платком. Даже лысина у него на голове лоснилась от неестественного жара, а тощее и сутулое тело, казалось, едва держалось на ногах. Шаря пятерней по полированному дереву, Уэллс нащупал спинку стула и в изнеможении сел.

Фен ослабил галстук и расстегнул воротничок. Он стоял возле окна и следил, как один из полицейских, по указанию Стэгга, фотографирует труп и комнату. Потом за дело принялся врач. Стэгг приблизился к печке и с сомнением уставился на аппарат. Поразмыслив минуту, он подошел к розет-

ке, от которой тот работал, и вытащил вилку с помощью карандаша. Раскаленная решетка меняла цвет с алого до оранжевого, потом до охряного и погасла. Стэгг повернулся к Фену.

— Очень необычно, сэр, когда в такой жаркий вечер включают электронагреватель, — заметил он. Помолчав, он добавил: — Я слышал, что таким способом преступники иногда согревают тело, чтобы нельзя было установить точное время смерти.

Фен обмахивался своим блокнотом, пока не сообразил, что от этих усилий ему становится только жарче.

— Верно, — кивнул он. — Но сейчас печка стоит в нескольких футах от тела. И поскольку это переносное устройство, не думаю, что кто-то использовал его для такой цели.

Он шагнул к маленькому столу, перед которым лежал Сомерс.

— Судя по всему, — робко предположил Стэгг, хотя сказанное им было очевидно, — он за ним работал.

Все молча уставились на стол. Посередине лежал большой блокнот с промокательной бумагой, где зеркально отпечатались несколько чернильных надписей. Можно было разобрать слова «удовлетворительно», «весьма недурно», «большой прогресс с начала семестра» и бесконечные вариации инициалов «М» и «С». На классном журнале громоздилась пачка отчетных бланков, а рядом валялась горстка конвертов, похожих на те, что скопились на большом столе. Снаружи на каждом имелась надпись с названием класса и фамилией классного руководителя, а внутри лежали новые пачки с бланками. Кроме того, на столе можно было заметить пепельни-

цу с парой погашенных окурков, большую круглую лунку с черно-синими чернилами, открытую склянку из-под чернил, длинную и широкую полосу черной ткани с узелками на концах и перьевую ручку.

Стэгг повернулся к директору:

— Это отчеты для промежуточного экзамена?

— Да, суперинтендант. — Он последовал примеру Фена и ослабил галстук. Директор слишком устал, чтобы думать об условностях. — Все классные руководители и приходящие учителя должны были заполнить их сегодня до пяти вечера. После этого документы полагалось сдать заведующим пансионов, а потом — мне.

— Значит, Сомерс опоздал?

— Да. Я об этом знал. — Он кивнул на полосу черной ткани. — Это, конечно, его повязка. Несколько дней назад Сомерс вывихнул запястье и не мог писать, пока руке не стало лучше. Вчера предупредил, что закончит отчеты к утру актового дня, что меня вполне устраивало. — Директор слабо улыбнулся. — Обычно я стараюсь не затягивать сроки до последнего, потому что даже учителя порой ошибаются.

— Может, кто-нибудь из коллег писал под его диктовку? — спросил Фен.

— Не исключено. Хотя вряд ли он бы стал взваливать свою работу на чужие плечи. Это трудоемкий процесс: вы не представляете, сколько времени уходит на то, чтобы написать слово «удовлетворительно» двести раз подряд. К тому же Сомерс являлся классным руководителем, и ему приходилось заполнять множество разных граф.

— Понятно. — Фен помолчал. — Заведующие пансионатами сами собирают заполненные отчеты?

— Нет. Это работа Уэллса. Он разносит их по пансионатам и передает тем, кому нужно.

Фен посмотрел на Уэллса.

— Похоже, часть бланков вы уже унесли, — заметил он. — Здесь их не так много.

— Вы правы, сэр, — подтвердил тот. — Все, что мистер Сомерс заполнил, я забрал в свой кабинет. Здесь остались только те, которые он заполнял сегодня вечером.

Возникла пауза, и сержант, которому не терпелось приступить к делу, спросил:

— Как насчет отпечатков пальцев, суперинтендант?

Стэгг только махнул рукой:

— Позднее. Я уверен, тут все ими заляпано. — Он постучал по столу: — Очевидно, мистер Сомерс за ним работал, когда кто-то его прервал. Он встал, резко развернулся к двери, споткнулся о стул — и тут прозвучал выстрел... — Суперинтендант замолчал, хмуро обдумывая эту сомнительную версию, пока врач не закончил свой осмотр.

— Ну, что? — спросил Стэгг.

Врач отряхнул пыль с коленей и протер глаза.

— Все, как я и ожидал, — ответил он. — Выстрел был с расстояния примерно в шесть футов, а калибр скорее всего тридцать восьмой.

— Шесть футов...

Стэгг перешел на то место, где должен был стоять предполагаемый преступник, и огляделся по сторонам, словно надеясь, что его осенит какая-нибудь идея. Но, судя по всему, этого не случилось.

— Похоже, череп у него был крепкий, — добавил врач, указав на тело, — раз пуля застряла в мозге... Смерть, разумеется, была мгновенной.

— Время смерти? — спросил Стэгг.

— От получаса до полутора часов назад.

Суперинтендант взглянул на часы.

— Сейчас без двадцати двенадцать. Значит, между десятью и одиннадцатью. Что-нибудь еще?

— Больше ничего. Его можно перенести в машину?

Стэгг покачал головой:

— Пока нет. Я обыщу его карманы, а сержант снимет отпечатки пальцев. Потом можете забирать.

Он нагнулся и стал проверять содержимое карманов Сомерса, выкладывая все найденное стол. На первый взгляд в вещах покойного не было ничего неожиданного: ключи, мелочь, бумажник с несколькими банкнотами, удостоверением личности и водительскими правами, карандаш, носовой платок, черепашковый портсигар, потертая зажигалка.

— Господи, а это зачем? — удивился Фен.

В нагрудном кармане Сомерса лежал плотно сложенный листок девственно-белой промокательной бумаги. Стэгг осторожно взял его в руки и произнес:

— В принципе, я не вижу ничего странного в том, что люди носят с собой промокательную бумагу. Мне кажется...

Но Фен выхватил у него листок и сравнил с чистой бумагой, лежавшей в блокноте на столе.

— Тот же сорт, — заметил он, — цвет и размер. — Профессор оглядел комнату. — Здесь еще несколько таких же блокнотов, и все с чистыми листами. — Обернувшись к Уэллсу, он спросил: — Ведь это вы отвечаете за обновление бумаги в блокнотах?

— Да, сэр. Я меняю их регулярно первого числа каждого месяца.

— Уэллс очень пунктуален в подобных вопросах, — вставил директор.

— А сегодня как раз первое июня...

Уэллс подтвердил его слова кивком: после того как в комнате выключили печь, он заметно оживился.

— Да. Я сменил бумагу после обеда, сэр.

— Возможно, Сомерсу просто понадобилось немного бумаги, — предложил свою версию директор, — и он вырвал ее из блокнота. Люди иногда делают так.

Но Фена это не удовлетворило. Он снова обратился к Уэллсу:

— Где вы держите новую бумагу?

— В шкафчике, в своем кабинете.

— А откуда она к вам поступает?

— Из школьной канцелярской лавки.

— Ученикам и учителям продают одну и ту же бумагу?

— Да, сэр.

— А когда вы ее меняете, то кладете в каждый блокнот определенное количество листов?

— Да, сэр. По три больших листа, сложенных вдвое.

— Хорошо, — кивнул Фен. — Проверьте все блокноты в этой комнате, включая тот, которым пользовался Сомерс, и посмотрите, не пропала ли в каком-нибудь из них бумага.

Уэллс, довольный тем, что для него нашлось занятие, немедленно принялся за дело. Стэгг пробормотал:

— Не совсем понимаю, к чему вы клоните, профессор Фен.

— Was ist, ist vernünftig¹, — весело ответил тот. — Нам важна каждая деталь, суперинтендант.

---

¹ Все, что существует, имеет смысл (нем.).

Этот уклончивый ответ окончательно сбил Стэгга с толку, и он угрюмо замолчал, глядя, как сержант занимается своей работой. Прочистив пальцы жертвы бензолином, полицейский прижал их к покрытой чернилами металлической пластине. Затем перенес отпечатки пальцев на листок белой бумаги. Вскоре сержант выпрямился с красным лицом.

— Как насчет наручных часов? — спросил он. — Вам они нужны?

Стэгг усмехнулся:

— Спасибо, что напомнили. — И он наклонился, чтобы расстегнуть ремешок.

Директор, следивший за его действиями, заметил:

— Они надеты не той стороной.

Фен повернул к нему голову:

— Какой?

— Да, он всегда носил часы циферблатом внутрь, на американский манер. А теперь наоборот.

Стэгг поднес часы к уху, осторожно держа их за ремешок.

— В любом случае они не ходят, — сообщил он и взглянул на циферблат. — Стрелки показывают без пяти девять.

— Сломаны? — спросил Фен.

— Понятия не имею.

— Можно отвинтить заднюю крышку?

Суперинтендант подошел к саквою сержанта Гладстона, достал баночку с серой пудрой и с помощью кисточки из верблюжьего волоса распылил ее по внешней и внутренней поверхности часов. Подождав немного, сдул порошок и взял бумажку с отпечатками пальцев Сомерса. Некоторое время он внимательно изучал узор через карманную лупу.

— Здесь везде отпечатки пальцев Сомерса, — наконец произнес он. — Других нет, что и следовало ожидать.

Суперинтендант открутил заднюю крышку часов и осмотрел их механизм.

— Сломаны, — прокомментировал он. — При чем сломаны намеренно.

— Чтобы сбить нас с толку насчет времени смерти? — предположил директор.

— На часах без пяти девять. — Стэгг кивнул на циферблат. — Не самый лучший выбор. Кстати, и стекло нетронуто.

Уэллс закончил инспектировать блокноты с промокашкой и присоединился к остальным.

— Я видел мистера Сомерса сегодня в десять вечера, сэр, — сообщил привратник. — Он был жив и здоров.

— Вот как? — отозвался Стэгг. — Хорошо, мы это обсудим.

Врач, нетерпеливо нюхавший табак в углу, поинтересовался:

— Теперь можно унести тело?

— Да, — сказал Стэгг. — Но вы никуда не уходите, Стэнфорд, — торопливо обратился он к директору. — Надо осмотреть еще один труп.

— Я подожду на улице, — буркнул доктор.

Он со скучающим видом вышел из комнаты, и сразу появились санитары, чтобы вынести тело на носилках. Когда это было сделано, все облегченно перевели дух, и Фен не без удовольствия раздавил несколько мух, которые, лишившись своего гнусного пиршества, вяло ползали по полу.

— Как насчет блокнотов? — спросил он у Уэллса.

— Не пропало ни листочка, сэр. — Фен кивнул и хотел уточнить что-то еще, но Уэллс добавил: — А по поводу часов могу сказать вам вот что, сэр. Когда я в последний раз виделся с мистером Сомерсом, тот упомянул о том, что они не ходят.

Эта новость доставила Фену еще больше удовольствия.

— Любопытная проблемка, — промурлыкал он.

— Проблемка, сэр? — повторил Стэгг.

— Посудите сами, суперинтендант. Вы говорите, что кто-то намеренно сломал часы. Допустим, этот кто-то был сам Сомерс, но... он не стал бы надевать часы обратной стороной!

— Однако мы предполагаем, сэр, — возразил Стэгг, — что часы сломал преступник.

— Неужели? Тогда почему Сомерс сказал Уэллсу, что его часы не ходят, задолго до убийства? Кроме того, преступнику не было никакого смысла ломать часы. Он мог перевести стрелки. Но для этого ему не пришлось бы снимать их с руки. Это противоречивые сведения, и объяснить их можно только... — Фен замолчал, и в его глазах что-то блеснуло; но когда он заговорил снова, голос звучал как обычно: — Я думаю, наш главный свидетель — Уэллс. Мы должны выслушать все, что ему известно об этом деле.

— Тогда нам, может, лучше присесть? — предложил директор. — Эта жара...

Все охотно последовали его предложению. Стэгг жестом пригласил присоединиться к ним сержанта и констебля.

— Мы слушаем вас, Уэллс, — кивнул он.

Уэллс, немного смущенный общим вниманием, откашлялся и с шумом прочистил нос.

— Я не совсем понимаю, сэр, что именно вы хотите от меня услышать?

— Все, — заявил Стэгг.

Уэллс робко улыбнулся, теребя свой носовой платок.

— Короче, дело было так, — начал он. — Каждый вечер я прихожу сюда и работаю в своей комнате с десяти до одиннадцати.

— Где находится ваша комната?

— Сразу за восточной дверью, сэр.

— Эта дверь, в которую мы вошли, — объяснил директор. — Кстати, когда Уэллс говорит «каждый вечер», он действительно имеет в виду каждый вечер. В школе многие посмеиваются над его педантизмом.

— Это единственный способ держать все под контролем, сэр, — заявил Уэллс с самодовольством, которое заставило профессора поморщиться. — Так вот, в одиннадцать я обычно закрываю окна, запираю дверь и иду домой. В этот вечер я пришел без четверти десять, чтобы почистить пепельницы и заменить бумагу в блокнотах. Мистер Этеридж находился еще здесь и заканчивал писать отчеты. Мы с ним немного поговорили, и примерно без пяти десять появился мистер Сомерс.

— Он выглядел как обычно?

— Я не заметил ничего особенного.

— Сомерс пришел один?

— Да, сэр. Мистер Этеридж принялся подшучивать над ним, мол, он слишком затянул свою работу над отчетами, а потом они подсчитали, сколько ему еще надо сделать, и мистер Сомерс сказал, что он успеет все закончить до одиннадцати часов.

— Один вопрос, — вмешался Фен. — Почему

он просто не отнес бланки к себе и не заполнил их дома?

— Выносить их из этой комнаты строго запрещено, — объяснил директор. — Тридцать пять учителей должны менее чем за неделю заполнить множество отчетов, и если каждый начнет уносить их к себе домой, воцарится хаос.

— Ясно. Продолжайте, Уэллс.

— Тут мне мистер Сомерс и сказал: «У меня сломались часы, Уэллс, так что сообщите, когда будет одиннадцать, но раньше этого не беспокойте». А потом он сел за работу, прямо за этим вот столом.

— Стол стоял так же, как сейчас? — спросил Стэгг.

— Да, сэр, разве что немного сдвинулся. Короче, мы с мистером Этериджем ушли, а мистер Сомерс остался один. Мистер Этеридж спустился со мной вниз. Я занялся своей работой. А около одиннадцати, — Уэллс облизнул пересохшие губы, — я поднялся сюда и увидел то, что видите вы.

Стэгг нахмурил брови:

— Но разве вы не должны были услышать выстрел?

— Нет, сэр. Я ничего не слышал.

— Ближайшее отсюда здание, — Стэгг повернулся к директору, — кажется, Давенант?

— Вы правы. Но я бы не сказал, что оно расположено совсем уж близко: даже не знаю, можно ли услышать оттуда выстрел. По крайней мере, я весь вечер провел у себя в кабинете, окна были открыты, но я ничего не слышал.

Фен внимательно оглядел окна в учительской комнате. Их было четыре, симметрично расположенные друг против друга, по два на каждой стороне.

— Западные окна выходят на реку, — заметил он. — Там есть пешеходная дорожка?

— С этой стороны реки — нет, сэръ, — ответил Стэгг. — На противоположном берегу есть, но там почти никто не ходит.

— А противоположные окна...

— Они выходят во внутренний дворик.

— Понятно. — В голосе Фена звучала легкая скука, словно он задавал все эти вопросы лишь по необходимости, не ожидая от них никакой пользы. — Наверное, нам следует провести эксперимент и выяснить, можно ли услышать револьверный выстрел из комнаты Уэллса. В старых зданиях порой возникают разные акустические причуды. Хотя преступник мог использовать глушитель.

— Вероятно, — вставил директор. Все дружно повернулись в его сторону. — В оружейной комнате есть — или, по крайней мере, был — один глушитель.

— Необычная вещь для школы, — усмехнулся Фен.

— Он принадлежал Сомерсу, — объяснил директор. — Он привез глушитель с войны — кажется, из Германии или Франции — и отдал сержанту Шелли в качестве сувенира. Я слышал об этой штуковине, но сам ее никогда не видел.

Стэгг взял блокнот и быстро написал что-то на чистой странице.

— Хорошо, я сделаю запрос. Кроме того, следует выяснить, не пропало ли еще что-нибудь из оружейной комнаты. — Он захлопнул блокнот. — Теперь насчет учительской...

— Есть только одна наружная дверь, через которую можно попасть в это помещение, — сообщил

директор. — Понятно, что это та же самая дверь, какой воспользовались и мы. Дом Хаббарда не очень удобно поделен на три изолированных отсека, каждый со своим входом.

Стэгг вновь повернулся к Уэллсу:

— Кажется, вы сказали, что ваша комната находится у входной двери?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь проходил мимо вас между десятью и одиннадцатью вечера, когда вы находились у себя?

— Нет, сэр. Я приоткрыл свою дверь из-за жары, поэтому мог не только слышать, но и видеть...

— Ясно. Значит, преступник попал сюда как-нибудь иначе. Нет никаких сомнений, — наставительно добавил суперинтендант, — что он был в этой комнате. Начать с того, что Сомерса просто не могли застрелить через окно...

— Убийца мог спрятаться в здании еще до прихода Уэллса, — предположил директор, — и выйти в тот момент, когда тот поднялся в комнату.

— Да, но это было бы слишком рискованно, при условии, что есть какой-то другой способ незаметно проникнуть в дом. Окна на первом этаже были открыты?

Уэллс утвердительно кивнул.

— Ну, вот вам и одно из объяснений. Я должен тщательно осмотреть эти окна, — продолжил Стэгг, — хотя будет лучше сделать это днем. Ладно, теперь у нас складывается следующая картина: Сомерса застрелили из револьвера тридцать восьмого калибра между десятью и одиннадцатью вечера, причем убийца заранее спрятался в здании или проник в него через одно из нижних окон. — Суперинтендант с сомнением почесал нос кончиком ка-

рандаша. — Жаль, что мы не можем точнее определить время.

— Почему? — возразил Фен. — Это довольно просто.

— Каким образом, сэр?

— Сомерс писал отчеты, — ответил тот, подавив зевок. — По словам Уэллса, Этеридж точно знал, сколько бланков ему оставалось заполнить до того, как он приступил к работе. Мы можем собрать заполненные бланки и попросить какого-нибудь человека с похожим почерком проделать ту же самую работу, что и Сомерс. Так мы примерно установим, сколько времени понадобилось ему на то, чтобы написать законченные им отчеты. По крайней мере, это поможет нам определить минимальный срок.

Стэгг щелкнул пальцами:

— Отличная идея, сэр! Я об этом позабочусь.

— Более того, — продолжил Фен, — я могу заранее предсказать результат: на работу у него ушло чуть менее часа.

Стэгг уставился на профессора:

— Вы хотите сказать, что его убили перед самым приходом Уэллса?

— Позвольте мне не отвечать на ваш вопрос и не утомлять вас своими рассуждениями. Это всего лишь догадки, они требуют подтверждения или опровержения.

— Наш долг — потакать всем вашим капризам, — шутливо промолвил Стэгг, но в его голосе звучала нотка сожаления. — Уэллс, просмотрите отчеты и выясните, успел ли Сомерс закончить работу.

Все сидели и ждали, пока Уэллс соберет и изучит бланки. Наконец он заявил:

— Да, все заполнено.

— Боюсь, мне придется конфисковать их, — обратился Стэгг к директору. — Разумеется, я верну при первой же возможности. — Он вопросительно взглянул на директора. — Полагаю, теперь самое время отправиться в дом мистера Лава... и начать все сначала. Господи, что за ночь!

— Я тут подумал, — произнес Фен с закрытыми глазами, — что мне вряд ли хотелось бы стоять в этой комнате и стрелять в человека при включенном свете и открытых шторах. Уэллс, когда вы пришли сюда в десять вечера, шторы были открыты?

— Да, сэр. Так же, как и в тот момент, когда я обнаружил мистера Сомерса.

— Ясно. Хотя это ничего не доказывает. Да, и еще одно: какова вероятность, что Сомерса мог потревожить кто-нибудь из коллег?

— Небольшая, сэр. В такое время здесь почти никто не бывает.

— Однако есть туалет, — неожиданно заметил Фен. Все с удивлением повернулись к нему. — Ведь в этом здании имеется туалет, не так ли? — добавил он капризным тоном.

— Прямо у входа, — торопливо ответил Уэллс. — Первая дверь направо.

— В любом случае, — вставил Стэгг, поднимаясь с места, — нам пора идти, иначе миссис Лав решит, что мы куда-то пропали. — Он сложил в стопку конверты с бланками и сунул их под мышку. — К сожалению, доктор Стэнфорд, нам придется опечатать эту комнату.

— О, друг мой, это неудобно. Учителя наверняка захотят прийти сюда и забрать свои вещи.

— Я сделаю необходимые распоряжения, — заверил Стэгг. — Кстати, как вы намерены объяснить

ситуацию своим подчиненным? Сомневаюсь, что нам удастся сохранить ее в тайне.

Директор нахмурил брови:

— Если не возражаете, я расскажу им обо всем завтра, когда мы соберемся перед службой, и попрошу хранить молчание. Уверен, мы можем рассчитывать на их благоразумие.

— Пожалуйста, никаких деталей, сэр. Только факты.

— Разумеется, мой дорогой Стэгг.

Все поднялись и вышли из комнаты. Суперинтендант закрыл окна, запер дверь и спрятал ключ в карман. Уэллс первым начал спускаться вниз.

— Кстати, — обратился директор к суперинтенданту, — есть какие-нибудь новости о той девочке? Все эти события стали шоком, и я про нее почти забыл.

— Пока нет, сэр, — ответил Стэгг. — Я разослал обычные запросы — на железнодорожные вокзалы и тому подобное, — но без особых результатов. Честно говоря, мы работаем на грани возможностей. Вероятно, придется попросить начальника полиции позвонить в Скотленд-Ярд.

Он покосился на Фена, но тот его не слышал. Профессор думал о Брэнде Бойс и о фактах, которые доказывали, что бедная девушка, судя по всему, тоже мертва.

Глава 6

ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ В КРОВИ

Они вышли в темноту, где их дожидался врач. Уэллс задержался, чтобы запереть дверь. Директор, потоптавшись у машины, выразил сомнение, что ему имеет смысл ехать в дом мистера Лава.

— Мне кажется, — заметил он, — мои соболезнования миссис Лав будут плохо сочетаться с вашим расследованием. К тому же я очень устал и, честно говоря, не понимаю, какой от меня там будет толк.

— Вы правы, сэр, — кивнул Стэгг. — Но завтра утром...

— Служба начинается в десять часов, но я приеду не позднее девяти. После этого вы сможете в любое время застать меня в школе, и, разумеется, я с удовольствием послушаю, как продвигается расследование. В остальном, — директор закурил, и пламя спички рельефно обрисовало его скулы, бросив на глаза густую тень, — меня ждет трудный день. Я буду постоянно занят, но если возникнет срочная необходимость... — Он погасил спичку, и темнота вокруг стала еще непрогляднее.

— Мы станем действовать с максимальной деликатностью, — пообещал Стэгг. — Я все равно собирался приехать на актовъй день, так что мое присутствие здесь никого не удивит.

— Что ж, спокойной ночи. Джервейс, я оставлю вам дверь открытой, а в гостиной будут сэндвичи и виски. Еще раз спокойной ночи. И всем удачи.

Он сел в свой автомобиль и уехал. «Скорая помощь», полицейская машина и «Лили Кристин III» Фена последовали за ним. Дорога оказалась длиннее, чем предполагал Фен, и он прикинул, что пешим ходом она заняла бы не менее пятнадцати минут. Наконец все снова собрались перед воротами.

— Даже не представляю, где мы находимся, — признался Фен. — Я просто следовал за вами.

— Мы в дальнем конце Снэгсхилла, сэр, — пояснил Стэгг, и Фену пришлось довольствоваться этой

информацией, поскольку сплошная тьма вокруг исключала какую бы ты ни было ориентацию.

Они поднялись по дорожке к входной двери, и суперинтендант позвонил. Семья Лав жила в большом и ничем не примечательном доме, представлявшем собой нечто вроде скромного коттеджа из крашеного кирпича. Через минуту дверь открыла пожилая женщина с взлохмаченными седыми волосами и опухшим от слез лицом. Близоруко щурясь, она заморгала.

— Это полиция? — спросила женщина. — Я думала, вы уж не придете.

Она шагнула в сторону, пропустив их в холл. Это было узкое, переходившее в коридор помещение, застеленное линолеумом и казавшееся еще более тесным от наполнявших его вещей: резиновых сапог, зонтиков, оленьих рогов, пропылившейся одежды. В доме витал аромат кофе, смешанный с не менее крепким запахом мастики для натирания полов. Под потолком тускло горела единственная лампочка, а на почерневшем серебряном подносе врассыпную лежали визитные карточки. Сама миссис Лав удивительно точно подходила под выражение «живые мощи», которое употребил директор, но, как не без удивления заметил Фен, в ней не было заметно признаков истерики. Это навело его на мысль, что, наверное, вечное подчинение своему супругу не так уж соответствовало ее натуре. Несомненно, она была подавлена, но, глядя на эту женщину, нельзя было сказать, что случившееся потрясло ее до глубины души.

Стэгг кратко описал причину их задержки, и ее глаза расширились.

— Майкл! — воскликнула она. — Какая ужасная, чудовищная новость... Мой муж так о нем заботился.

Боже, что за кошмарная ночь. — Слова вдруг хлынули из нее сплошным потоком. — Нет, сначала все было в порядке — я хочу сказать, вот так сидеть одной рядом с Эндрю, — но потом я испугалась, потому что никто не приходил, и мне стало казаться, — вы, наверно, подумаете, что я сумасшедшая, — что все это просто страшный сон, когда события происходят не совсем так, как в обычной жизни, и... — Спohватившись, она замолчала и покраснела с таким видом, словно сделала что-то неприличное. — Ах, да, вы, конечно, хотите его увидеть.

— Если позволите, миссис Лав, — тихо промолвил Стэгг.

— Я с вами не пойду, — заявила она. — Мне там нечего делать. И я не могу... не хочу...

Она говорила, запинаясь на каждом слове, жадно и судорожно глотая воздух. Врач, профессиональной скороговоркой пробормотав слова утешения, посадил ее в кресло. После последовавшей затем заминки и минуты тяжелого молчания все направились в другой конец коридора и с облегчением покинули холл.

Помещение, в которое они вошли через минуту, являлось кабинетом мистера Лава. Обстановка выглядела непритязательной, но по-своему роскошной. На полках громоздились тяжелые тома, выровненные строго по размеру: странная привычка к украшательству, которую Фен не выносил. Мебель состояла из нескольких картотечных шкафчиков, письменного стола и двух глубоких мягких кресел. Французские окна выходили в маленький сад, а неплотно задернутые шторы были сотканы из тонких алансонских кружев. На высоком треножнике рядом с входной дверью покоился медный поднос

в индийском стиле, на нем разместились нетронутый натюрморт из кофейника, блюда с печеньем и двух чистых чашек. Гибкая хромированная лампа на столе вызывала ассоциации с лабораторией. Это сходство еще более усиливала царившая в кабинете хирургическая чистота, странно контрастировавшая с неяршливостью холла. Фен обратил внимание, что все вещи на письменном столе были расставлены в идеальном порядке.

Войдя в кабинет, немедленно уставились на Лава, который сидел, сторбившись и подавшись вперед, в одном из кресел у французского окна. Очевидно, он умер так же быстро, как и Сомерс, хотя, может, не столь ужасной смертью. Одна его рука вяло лежала на колене, другая была стиснута в судорожном спазме. Жидкая прядь седых волос откинулась на выпуклый высокий лоб. Грудной клеткой он навалился на левый подлокотник кресла, беспомощно повесив голову и вытянув жилы на тощей шее. На коленях убитого лежала открытая книга. Фен шагнул ближе, чтобы лучше рассмотреть ее: Пилкингтон, «Французская грамматика: использование сослагательного наклонения. Часть I». На страницах книги запеклась кровь. Смерть ведет себя на редкость беспардонно, подумал Фен. Отправляет людей в вечный мир, пока они поглощают пирог со свиной, подобно Питту, или, как теперь, скромно штудируют французскую грамматику.

— Он ни о чем не подозревал до последнего момента, — заметил Стэгг. — Стреляли явно сзади, из французского окна. Его голова, торчавшая над спинкой кресла, являлась хорошей мишенью. — Не касаясь тела, суперинтендант присел, чтобы заглянуть ему в лицо. — Шея прострелена навывлет. — Он вы-

прямылся, внимательно оглядел комнату и приблизился к столу. — А вот и застрывшая пуля.

Стэгг достал перочинный ножик и начал выковыривать ее из дерева.

В кабинет вошел врач, сообщив, что оставил миссис Лав в гостиной. Вся процедура, проделанная полицией в учительской комнате, повторилась. Сначала сделали несколько фотографий, а затем с наиболее значимых поверхностей вроде дверных ручек и оконных рам сняли отпечатки пальцев. Доктор, обследовавший труп, снова заявил, что стреляли из револьвера тридцать восьмого калибра и смерть наступила от полутора до трех часов назад. Общая картина убийства была вполне ясна. А в карманах мистера Лава не обнаружили ничего интересного.

— Никаких зацепок, как и в прошлый раз, — буркнул Стэгг. — В общем, все похоже: стреляли с такого же расстояния, из оружия того же калибра, между десятью и одиннадцатью часами. Все, кроме этого...

Он указал на французское окно и вышел из него в темный сад, где какое-то время бродил среди кустов, светя себе электрическим фонариком. Фен, оставшись не у дел, начал без особого оптимизма рыться в ящиках стола. Стэгг вернулся с обескураженным видом.

— Там асфальтовая дорожка, — сообщил он, — тянется от дома до ворот. Земля вокруг твердая как камень. Ни следов, ни окурков, ни клочков ткани, зацепившейся за кусты. Ничего.

— Зато тут, похоже, кое-что есть, — пробормотал Фен, просматривая пачку найденных в столе бумаг. — Думаю, это поможет нам установить мотив.

Прочитайте. — Он протянул Стэггу листок бумаги с написанным от руки текстом.

Тот прочитал его вслух:

— «Считаю своим долгом заявить, что двое моих коллег из Кэстривенфордской школы вступили между собой в сговор для совершения действий, которые нельзя охарактеризовать иначе, как откровенное мошенничество...» — Стэгг замолчал. — И это все. Впрочем, вы правы, сэр, записка — важная улика.

— Самое интересное в ней то, что он наполовину зачеркнул слово «коллег».

— Да, странно. И еще удивительнее, что не закончил текст. Наверное, его прервали или он решил, будто записка не имеет смысла.

— Ну, да, — туманно отозвался Фен. — Одолжите мне свою лупу?

Он внимательно рассмотрел листок, сравнив его с другими образцами почерка Лава, найденными в кабинете.

— Запись подлинная и, судя по состоянию чернил, сделана сегодня утром.

Фен вернул лупу и бумагу Стэггу и хотел что-то добавить, но тут его взгляд упал на стопку школьных сочинений, проверенных Лавом. Он взял верхнюю тетрадку и стал читать текст.

— Послушайте, что пишет этот ученик, — произнес он. — «Фраза «ἀρχόμενος ὡσεί ἐτόν τριάχοντα» у святого Луки звучит двусмысленно». А вот примечание Лава: «Слово «двусмысленно» используется в тех случаях, когда нечто сказанное или написанное может иметь только два разных значения, но не более. Синонимы: неясно, неопределенно».

Стэгг уставился на него непонимающим взглядом:

— Не понимаю, к чему вы клоните, сэр?

Фен вернул тетрадь на место.

— Неужели? — воскликнул он. — По-моему, это важный момент. Что теперь?

Суперинтендант сверился с часами.

— Уже половина второго. Вряд ли мы сумеем сделать что-нибудь полезное. Разве что побеседовать с миссис Лав... Она может отвечать на вопросы, доктор?

— Думаю, да, — ответил врач. — Разумеется, у нее шок, но я бы не сказал, что она убита горем. Я немного знал Лава: в семье он всегда был довольно деспотичен, хотя внешне это почти не проявлялось. Его жена кажется бесхарактерной, но я подозреваю, что она была недовольна своей кабалой.

— По-вашему, она могла убить его? — с интересом спросил Стэгг.

— Чисто психологически? Почему бы нет?

— Если не считать того, что она этого не делала, — заметил Фен безапелляционным тоном, который покоробил суперинтенданта.

— Как раз это нам и предстоит выяснить, — сухо возразил он. — Доктор, пока мы станем беседовать с ней, вынесите отсюда труп.

В отличие от кабинета гостиная выглядела захламленной и неприбранной: обстоятельство, столь же ярко характеризовавшее жену, сколько идеальный порядок в кабинете — мужа. Самой примечательной вещью в комнате являлась большая картина, которая висела в позолоченной раме над камином и изображала жену Лота, обращенную в соляной столп. В городе за ее спиной полыхало пламя, а сам Лот созерцал все происходившее с таким видом, словно это был какой-то любопытный

технический эксперимент, устроенный исключительно для его развлечения. Под исполинским холстом, будто предметы, принесенные в дар языческому божеству, на столах и стульях лежали всевозможные образчики вязания, вышивки и штопки. Даже беглый взгляд на дом свидетельствовал о том, что миссис Лав вела свое хозяйство со скрипом. Представив, какой должна была быть семейная жизнь между помешанным на аккуратности мужем и неряшливой женой, Фен уже не удивлялся, что события этого вечера не погрузили миссис Лав в пучину горя.

К хозяйке дома, хотя она еще комкала в руке влажный платок, вернулась ее прежняя разговорчивость, а в глазах появился нездоровый блеск. Стэгг, пробормотав несколько соболезнующих фраз, в замешательстве замолчал.

— Кто это сделал, мистер Стэгг? — воскликнула женщина. — Он застрелился? Что произошло?

Суперинтендант постарался сохранить невозмутимый вид.

— Мы не думаем, что ваш муж застрелился, миссис Лав, поскольку оружие в комнате не найдено. А по поводу того, что произошло... Мы надеемся, что вы поможете нам выяснить это.

В наступившей паузе стало слышно, как в коридоре разговаривают медики. Миссис Лав спросила:

— Но чем я могу вам помочь, мистер Стэгг? Я ничего не знаю, абсолютно ничего! Все это поразило меня как удар грома! А бедняжка Майкл — такой милый! Я хорошо помню его в Мерфилде. У мужа там был пансион, вы знаете, он назывался Питерфилд, хотя, по-моему, гораздо лучше, когда пансионы называют по имени их управляющих. Бедняга Майкл

являлся старостой за год до того, как он ушел, — или нет, это было в год его выпуска...

— Да, да, мэм, — торопливо перебил Стэгг, — мы знаем. Но что касается этого вечера...

— Все из-за кофе, — неожиданно произнесла миссис Лав.

— Простите, мэм?

— У нас закончился кофе, наверное, его выпила миссис Фиске, моя домработница. Прислуга теперь такая странная, никогда не знаешь, что она выкинет, если повернуться к ней спиной... Но я понимала, что Эндрю не станет пить чай или какао, он очень придирчив, например, в том, чтобы не употреблять ни капли спиртного. Я подумала...

— Миссис Лав, давайте по порядку. Когда вы в последний раз видели мужа живым?

Похоже, ее удивил этот вопрос.

— Разумеется, за ужином. После ужина Эндрю всегда работает в кабинете до без четверти одиннадцать и просит, чтобы никто не беспокоил его в это время. А это неудобно, ведь часто приходят люди, которые не знают о его привычках, и я вынуждена объяснять, что он не может принять их, а посетителей это обижает...

Фен, терпеливо ждавший своей очереди, решил вмешаться:

— Но другие учителя об этом знают?

— Да, и даже подшучивают над его педантичностью. Говорят, что могут ставить часы по Эндрю, и время будет абсолютно точным, да иногда я и сама его ругала, мол, нельзя превращаться в затворника, но он не хотел ничего менять. Мне приходилось к нему подлаживаться, а поскольку я не очень пунктуальна, это было довольно трудно, но нельзя же иметь сразу все, правда?

Стэгг согласился с ней — не потому, что счел это замечание особенно умным, а просто понимал, что если немедленно не возьмет инициативу в свои руки, то ему придется допрашивать вдову до утра.

— Что случилось после ужина? — спросил он.

— После ужина Эндрю работал в своем кабинете, а я писала письма. По правде говоря, ненавижу это занятие и всегда стараюсь оттянуть его до последнего, хотя Эндрю настаивает, чтобы на письма отвечали в день их получения, что вполне естественно, иначе потом они повиснут на вас как камень.

— Вечером никто вам не звонил?

— Нет, мистер Стэгг. Как я уже сказала, Эндрю постоянен в своих привычках. Он всегда...

— Да, да, вы уже говорили. Я вас понял. Вы не заметили в этот вечер ничего необычного?

— Хм. — Миссис Лав впервые сделала паузу, обдумывая его вопрос. — По радио передавали странный спектакль, интеллектуальный, я такие не люблю, они иногда передают подобные вещицы. Наверное, Эндрю такое бы понравилось, с ним я всегда чувствовала себя так, словно мне еще многому надо учиться, а это, знаете ли, было нелегко.

— Конечно, конечно, это было нелегко. И вы совсем не выходили из дома?

— Выходила. Я отправляла письма.

— В какое время, мэм?

— Могу сказать точно, потому что обычно я внимательно слежу за временем. И в тот момент я подумала, что если немного поспешить, у меня еще есть возможность бросить письма с вечера, чтобы их разослали с утренней почтой, несмотря на то что ящик находится довольно далеко. Но я все-таки заставила себя выйти, ведь два письма надо было отпра-

вить еще на прошлой неделе, хотя, видимо, не так уж важно, посылать их утром или вечером, но каждый делает, что может.

Стэгг подавил раздражение.

— Но вы так и не сказали нам, мэм, в какое время вышли из дома?

— Это было в двадцать пять минут одиннадцатого. Я поставила чайник, чтобы выпить на ночь чашку кофе, и...

— А когда вернулись?

— Без двадцати одиннадцать, мистер Стэгг. Только тут я обнаружила, что у нас нет кофе, обычно я варю его на воде или молоке, но в банке не было ни крошки. Уверена, дело не обошлось без миссис Фиске, я с ней об этом еще поговорю, и я знала, что Эндрю рассердится, потому что он любит, чтобы кофе подавали без четверти одиннадцать, минута в минуту. Я побежала в дом миссис Филпотс, чтобы занять немного кофе, это было единственное, что пришло мне в голову, а она такая болтушка, вы не представляете, некоторые люди могут часами трещать без умолку, даже дыхания не переведут. Не знаю, как им это удается! Короче, было уже одиннадцать часов, когда я приготовила кофе, отнесла его в комнату Эндрю, и тут... тут я его нашла. — И она промокнула глаза платком.

— Еще один вопрос, мэм, — произнес Стэгг, воспользовавшись секундной паузой. — Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать зла вашему мужу?

В ответ на него обрушился поток слов, содержащий, однако, мало полезной информации и не дававший никаких намеков на возможные мотивы преступления. Последний вопрос был чистой формальностью, и, задав его, Стэгг решил, что больше его ничто

здесь не удерживает. Он поднялся и бросил выразительный взгляд на Фена, который, с трудом стряхнув с себя сонную одурь, послушно последовал за ним.

Стэгг пробурчал:

— Вы оказали нам большую пользу, миссис Лав. — Но эта фраза прозвучала так фальшиво, что он невольно покраснел. — Нам пора идти. Постарайтесь немного отдохнуть.

— Вы... вы увезете его?

— С вашего позволения, мэм. — Стэгг замялся. — Не знаю, есть ли у вас какой-нибудь друг, который может остаться с вами на ночь...

— Не волнуйтесь. — В голосе вдовы прозвучала неожиданная твердость. — Со мной все будет в порядке. За последние сорок лет это первый раз, когда я смогу побыть наедине с собой.

У ворот они встретили сержанта, констебля и полицейского врача.

— Мы занесли его внутрь, — сообщил врач, указав на машину «Скорой помощи». — По-моему, нам всем пора спать.

Стэгг щелкнул кнопкой своего фонарика.

— Вы правы, — кивнул он. — Даже не знаю, сделал ли я все, что требовалось? Как я уже говорил, это не совсем мой профиль.

— На мой взгляд, — произнес Фен, — вы справились замечательно. Особенно в такой затруднительной и деликатной ситуации.

Стэгг немного повеселел:

— Вот и хорошо. А что вы сами думаете об этом деле?

— Лава могли застрелить, когда его жена ушла из дома. Хотя, если убийца использовал глушитель...

— Все говорит за то, — добавил Стэгг, — что Лава убили раньше, чем без четверти одиннадцать, когда жена обычно приносила ему кофе. Я хочу сказать — если преступник знал его распорядок дня. В кабинете стояли две чашки, значит, миссис Лав пила свой кофе вместе с мужем. Ладно, я поразмышляю на досуге, сэр, а завтра мы все обсудим.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Фен, выяснив, как добраться до дома директора, отправился своей дорогой, чувствуя себя совсем измученным. Садясь в машину, он с содроганием вспомнил, что впереди его ждет самая глухая пора ночи — время, когда обычно умирают больные люди. Он погрузился в глубокую задумчивость и оставался в этом состоянии, пока его автомобиль мчался сквозь ночной мрак.

Глава 7

САТУРНАЛИИ

Утро актового дня выдалось солнечным и ясным — редкий случай, очень порадовавший директора. По крайней мере, теперь ему не придется в спешке переносить уличные мероприятия под крышу. Небо оставалось безоблачным и после завтрака, когда Фен рассказал директору обстоятельства смерти мистера Лава.

— До чего все это скверно и досадно, — сокрушенно пробормотал Стэнфорд. — Я всю ночь не сомкнул глаз. Чувствую себя как пьяница с похмелья, только голова абсолютно ясная — наверное, чтобы четче сознавать весь этот ужас. Кстати, надо не забыть написать Габбитасу, что нам нужны два новых учителя. — Он сделал глоток кофе. — Господи, как

я не люблю перемены! Порой мне кажется, будто от них лишь зло. Не сомневаюсь, что в раю все пребывает в полной неподвижности.

— Перемены — основа всякого прогресса, — устало заметил Фен.

Во время завтрака он обычно был не в форме.

— Об этом я и говорю! — подхватил директор. — Любые перемены — чистое зло, по крайней мере в материальном смысле. Все эти так называемые естественные потребности — уж не знаю, почему — требуют внутреннего равновесия. Стоит нам нарушить старый баланс, как происходит болезненный переход к новому. У человека есть велосипед, и он доволен. Потом он начинает хотеть машину — и становится несчастным. Прежнее равновесие между ним и его желаниями нарушено, и он не успокоится, пока не получит то, что хочет. И так до бесконечности.

— Я склонен думать, что удовлетворение или неудовлетворение желаний никак не влияет на общую сумму человеческих несчастий, — возразил Фен. — История доказывает: они всегда остаются примерно на одном и том же уровне, если не качественно, то количественно. Наука избавила нас от чумы, но наградила атомной бомбой. Филантропия выступила против непосильного труда, однако заменила его ужасами политиканства. Мы можем выбирать между двух зол, только и всего.

— Вы пессимист, — вздохнул директор. — Впрочем, сейчас не подходящее время для философии. У вас есть идеи насчет этих убийств?

— Кое-какое подозрения. Но мы пока не собрали всех необходимых данных.

— Да. — Стэнфорд допил свой кофе и закурил вишневую трубку. — Пожалуй, я пойду к себе

и переоденусь. Вы весь день будете в парадной форме?

— Нет, сегодня слишком жарко. Только на время выступлений. Кстати, у вас не найдется лишнего каталога школы?

— Есть один, на столике в прихожей, — ответил директор, направляясь к двери. — Можете его забрать.

Он поднялся наверх, а Фен взял книжицу и устроился на террасе, наслаждаясь ранними лучами солнца, пробивавшимися сквозь туман, и звонким щебетом птиц. Каталог школы выглядел как маленький буклет в желтой обложке. На три четверти он состоял из списка учеников, но Фен не обратил на них внимания, сосредоточившись на первых трех страницах, где содержались фамилии, адреса и телефонные номера учителей и другого персонала школы. Больше всего его интересовали начальник службы подготовки младших командиров, его заместитель, казначей, библиотекарь, секретарь директора, заведующая медицинским центром, санитарный врач, владелец школьной лавки, старший смотритель стадиона, привратник и плотник. Фен заметил, что в список не включена домашняя прислуга, но для него это было неважно. Он достал карандаш и начал рисовать на полях рунические знаки.

Директор вскоре вернулся, облаченный в малиновое одеяние доктора юриспруденции, и они вместе отправились на машине в Давенант. По дороге он рассказал Фену о программе дня.

— В десять будет служба в часовне — это ненадолго. Без четверти одиннадцать — спортивный парад на стадионе под аккомпанемент школьного оркестра. Затем перерыв на обед: школьники обычно

едят с родителями, а преподаватели идут в таверну «Боров» и пьют джин. Речи и раздача наград назначены на половину третьего. Параллельно с этим, поскольку в зале все не поместятся, крикетный матч между старшекласниками и выпускниками, чтобы и остальным было чем развлечься. В четыре — грандиозная вечеринка в моем саду, с последующим чаепитием. После ужина — пьеса, если Матисону удастся найти замену Брэнде Бойс. Ну а завтра — да поможет нам Бог — собственно праздник.

Когда они подъехали к дубовой аллее, на залитой солнцем площадке было еще пусто: в этот день школьники завтракали позднее обычного. Только пара-тройка мальчишек в темно-синей форме и с алыми гвоздиками в петлицах — привилегия, дозволявшаяся в праздник даже самым юным и скромным участникам торжеств, — уже болталась возле корпуса. Они вежливо здоровались с проезжавшим мимо директором, который внимательно смотрел на небо, вопрошая его о погоде, и, кажется, был готов принести ему в жертву кого-нибудь из учеников. В глубине двора маячила фигура Уэллса, направлявшегося куда-то по своим административным надобностям. Мистер Винни-Пух, охваченный глубокой мизантропией, неуверенно чесал за ухом на лужайке. А из открытых окон Давенанта, словно приветствуя их появление, доносились дружный рев и свист.

Директор сразу устроил совещание с Гэлбрейтом, поручив ему собрать преподавательский состав в одном из классов, и тот отправился делать телефонные звонки. В четверть десятого прибыл Стэгг. Темные круги под его глазами свидетельствовали о том, что ему не спалось, однако он старался держаться бодро и уверенно.

— Я поставил у двери учительской констебля в штатском, — сообщил Стэгг. — У него есть ключ, и если кто-нибудь из преподавателей захочет что-то взять, ему надо только попросить. Разумеется, за ним будут присматривать. Прошу вас, предупредите своих людей.

— Конечно, суперинтендант. Надеюсь, скоро все будут здесь.

— Я тоже надеюсь, — мрачно произнес Стэгг. — Кстати, мне понадобится ваша помощь. Сообщите, пожалуйста, все ли будут на месте, а если нет, кто отсутствует и почему. Как вы думаете, кто-нибудь может не прийти?

— Вряд ли, если мой секретарь сумеет до всех дозвониться. Никто не болен, и у нас есть неписанный закон, что каждый преподаватель должен присутствовать на актовом дне. До моего приезда многие учителя старались сбежать в Лондон, чтобы не встречаться с родителями, но я это пресек.

Стэгг удовлетворенно кивнул.

— У вас уже есть какие-нибудь... новости? — спросил директор.

— Почти нет, сэр. Я изучил две пули, и хотя их все равно отправят специалистам по баллистике для дальнейшей экспертизы, не сомневаюсь, что они были выпущены из одного оружия. Все, что нам теперь нужно, это выяснить, откуда взялось само оружие и куда исчезло.

— Выбросили в реку, — промолвил Фен.

— Боюсь, это возможно, сэр. Однако...

— Какие у вас планы на день? — поинтересовался директор.

— У нас много дел, сэр. Есть два трупа, и необходимо дождаться результатов вскрытия. Потом нам

следует тщательно обыскать учительскую комнату и квартиру мистера Сомерса. Определить происхождение орудия убийства, проще говоря, кто его владелец. Кроме того, мы должны выяснить, как долго Сомерс заполнял свои отчеты. И самое трудное — узнать, где вчера вечером учителя находились между десятью и одиннадцатью часами. Я выделил на это трех сотрудников и прошу вас предупредить своих людей, что их могут допросить сегодня днем. Если у кого-то из них есть что скрывать, пусть они будут готовы, чтобы не оказаться замешанным в какой-нибудь скандал и не повредить репутации школы.

— Мой дорогой друг, я чрезвычайно ценю вашу деликатность.

— Вы можете на нее рассчитывать, сэр, пока она не вредит пользе дела. И еще — если у вас найдется свободная минутка, ответьте мне на несколько вопросов.

— Каких именно?

— Насколько я понимаю, сэр, вчера вечером до моего приезда вы находились в своем кабинете?

— Совершенно верно. С половины девятого.

— Вы куда-нибудь выходили?

— Нет.

— И не слышали ничего необычного?

— Ничего.

— Может, кто-нибудь проезжал мимо на машине или велосипеде? — вставил Фен.

Директор задумался.

— Трудно сказать, но мне кажется, что нет... Подождите, — торопливо добавил он, — вроде Гэлбрейт приезжал на своем автомобиле. А, нет. Теперь вспомнил. В Календарном комитете тоже все пришли пешком.

— Хорошо, сэр, — кивнул Стэгг. — Теперь на-счет Календарного комитета. Когда состоялось совеща-ние?

— В половине десятого. Обычно мы стараемся собирать заведующих пансионов позднее, чтобы они успели завершить свои вечерние дела.

— Когда он закончился?

— Примерно без четверти одиннадцать. Приехал Гэлбрейт, и люди стали расходиться.

— Ясно. — Стэгг достал блокнот. — Вы можете назвать мне участников совещания? Только фами-лии.

Директор нахмурил брови и затынулся трубкой.

— Филпотс, ответственный за крикет. Уимс, му-зыка. Солтмарш, кадеты. Матисон, кино клуб. Дю Канн, приглашенные лекторы. Питеркин, экзамены. Стаут, капеллан, — церковные службы. Мортон, бас-сейн. Лэмб, гребля.

— Спасибо, сэр. Кто-нибудь из них отсутствовал на встрече?

— Нет. Полная явка.

— Они ушли вместе?

— Да, всей компанией. Разумеется, ничто не ме-шало им разойтись на улице. Но я был слишком рад от них избавиться, чтобы думать о подобном.

— И после этого вы оставались в кабинете вдво-ем с секретарем, пока не узнали о том, что произо-шло?

— Именно так.

— В это время намечались еще какие-нибудь официальные мероприятия?

— Нет. Зато много неофициальных. Вечер нака-нуне актового дня — время вечеринок.

— Ясно. — Суперинтендант закрыл блокнот

и убрал его в карман. — Это нам поможет. Мы постараемся составить список тех, у кого нет алиби на указанный период — с десяти до одиннадцати часов вечера. Затем мы выясним, как долго мистер Сомерс работал над отчетами, и еще больше сузим область поиска.

— Значит, вы уверены, что эта история не могла быть делом рук кого-нибудь... со стороны?

— Мы ни в чем не можем быть уверены, сэр, — ответил Стэгг официальным тоном, исключавшим дальнейшие вопросы, — пока не соберем достаточно сведений. Да, еще один момент: я хотел бы услышать ваше личное мнение о надежности школьного привратника, Уэллса, и мистера Этериджа.

Директор с удивлением посмотрел на него.

— По-моему, им вполне можно доверять. Уэллс работает в школе более двадцати лет. У него вздорный характер, но он честный человек. Что касается Этериджа, тут сложнее. Любит совать нос в чужие дела, но я никогда не слышал от него ни слова лжи. Впрочем, если я ему и доверяю, то на том шатком основании, что он любит думать, читать и говорить и поэтому не станет всерьез заниматься тем, что выходит за рамки его повседневных потребностей вроде сна, одежды и еды. Не знаю, понятно ли я выразился...

Он не успел прояснить свою мысль, потому что стоявший у окна Фен провозгласил:

— Делегации прибыли!

Директор и Стэгг присоединились к профессору.

На плацу у Дома Хаббарда собралась толпа учителей, к которой примыкали все новые группы. Белые капюшоны бакалавров, красные накидки магистров, разноцветные пятна бутоньерок, пламенные

одеяния двух-трех докторов — все это вспыхивало сочными мазками на фоне коричневой брусчатки и зеленого плюща, сияя и колеблясь на ярком солнце. Остальная часть площади тоже кипела жизнью. Бесчисленные автомобили парковались на посыпанной гравием стоянке и по обочинам дороги. Ученики валили со всех сторон большими толпами, приветствуя своих родных и помогая им сориентироваться среди оглушительного гомона и толкотни. Мистер Филпотс мчался через двор одиннадцатого класса в длинной мантии, развевавшейся подобно флагу. И везде были родители: скромные, тихие, агрессивные, хмурые, встревоженные, подавленные, возбужденные. Гигантское сборище людей, все больше бурлившее и разраставшееся под голубым небом. «И ради чего?» — спросил себя директор. Уж точно не для собственного удовольствия. И даже не для удовольствия своих детей. Но все же во всей этой картине было нечто величественное и будоражащее кровь, некое грандиозное великолепие, заражавшее энергией даже самого директора, который долго смотрел на площадь из широкого окна.

— Почти без четверти, — весело заметил он. — Мне пора. Вы пойдете со мной, суперинтендант?

— Нет, сэр, нет необходимости.

— Хорошо. Но имейте в виду — с этой минуты я весь в делах. — Он произнес это почти с удовольствием.

— Я постараюсь действовать незаметно, — заверил Стэгг, — а если случится что-нибудь важное, найду способ вам сообщить.

— А вы, Джервейс? Идете?

— Да, — кивнул Фен. — Увидимся через десять минут! — бросил он Стэггу.

— Гэлбрейт! — позвал директор, и секретарь немедленно появился в дверях. — Пойдемте со мной и захватите свои записи, чтобы проверить всех по списку.

— Я уже лично позвонил каждому, сэр.

— Прекрасно. Но все равно идемте.

Директор приблизился к вазе с розами, выбрал подходящий бутон, отломил его от стебля и вдел в петлицу Стэгга.

— Это покровительственная окраска, — объяснил он. — Теперь вы сможете сойти за родителя.

Затем он взял свою профессорскую шапочку и нахлобучил ее себе на голову.

— Все готовы? Тогда вперед.

Директор энергично шагал через плац к Дому Хаббарда. Фен и Гэлбрейт следовали за ним с двух сторон, словно рыбы-лоцманы, сопровождавшие акулу. Ученики здоровались, отцы приподнимали шляпы, матери улыбались и кивали. Директор отвечал всем доброжелательной улыбкой. Профессор, хотя его и уговорили избавиться от галстука с русалками, выглядел по-праздничному щеголеватым и нарядным.

— Все подумают, будто вы лорд Уошбертон, — заметил директор.

— Всегда хотел им быть, — отозвался Фен.

Преподаватели, увидев приближение начальства, стали заходить в дом. Их троица тоже подошла к дверям, и в этот момент часы на башне пробили три четверти.

Через несколько минут все собрались в классной комнате, той самой, где накануне Фен дал свой импровизированный урок. Тридцать с лишним мужчин

разных возрастов расселись по столам и подоконникам, перебрасываясь короткими фразами и с любопытством ожидая, что произойдет дальше. Фен и Гэлбрейт пристроились в дверях. Директор, приглушив свой праздничный пыл ради серьезности момента, направился к кафедре.

— Джентльмены, — громко произнес он, и присутствующие сразу замолчали. — Простите, что устроил внеплановую встречу, но для этого есть веские причины. Полагаю, вы уже заметили, что среди нас нет Сомерса и Лава. С прискорбием должен сообщить, что оба мертвы и обстоятельства их смерти указывают на убийство.

По классу пролетел тихий вздох, но никто не сказал ни слова. Директор, быстро оглядев собравшихся, продолжил:

— Сомерс скончался вчера вечером в учительской. В настоящий момент комната закрыта, но у входа стоит полицейский в штатском, и вы можете к нему обратиться, если вам понадобится что-нибудь забрать. Надеюсь, вы с пониманием отнесетесь к временному неудобству и окажете всемерное содействие полиции.

Он выдержал паузу. В комнате царил тишина. Слышалось лишь тихое шуршание карандаша коротышки Гэлбрейта, который привстал на цыпочки, чтобы сосчитать присутствующих.

— Далее, — сказал директор, — полиция предупредила меня, что в течение дня каждого из вас могут допросить. Поскольку они любезно согласились действовать тихо и без шума, прошу вас также избегать данной темы в разговорах между собой или с кем-нибудь другим. Уверен, вы прекрасно понимаете, какой ущерб подобные слухи могут нанести нашей сегод-

няшной программе. Мы обязаны защищать интересы школы, и, конечно, нет ничего бездушного или аморального в том, чтобы воздержаться от обсуждения трагедии на несколько часов, пока она не станет достоянием общественности. Прошу вести себя так, будто ничего не случилось, несмотря на ваши личные чувства. Это все, джентльмены. Вероятно, вас интересуют подробности, но пока я не могу сказать вам больше. Разумеется, вечером вы обо всем узнаете. А пока давайте не будем омрачать наш общий праздник.

Он жестом показал, что они свободны, и после секунды колебания вперед выступил Питеркин, помощник учителя.

— Полагаю, сэр, я выражу общее мнение, заверив вас, что мы сделаем все, чтобы... выполнить ваше пожелание.

Это неуклюжее заявление было встречено одобрительным гулом. Затем учителя стали медленно и молча расходиться. Фен многое бы отдал, чтобы прочитать их мысли. Он присоединился к директору.

— Все на месте, сэр, — сообщил Гэлбрейт.

— Отлично, — ответил директор. — С этим мы, слава богу, покончили. А теперь служба.

Они вышли из Дома Хаббарда в тот момент, когда ударили колокола и к часовне потянулись священники. Люди на площади развернулись в их сторону и шумной толпой двинулись следом. Стэггу, который стоял у входа, приподняв лацкан пиджака, чтобы лучше вдыхать аромат желтой розы, доложили о результатах встречи. Гэлбрейт покинул их компанию и поспешил обратно в директорский кабинет.

— Ну, что теперь? — спросил Фен.

— Пожалуй, я осмотрю учительскую, пока там никого нет, — ответил суперинтендант.

— Тогда я отправлюсь пока на службу, и мы встретимся позднее.

— Хорошо, сэр. А потом я собираюсь заняться комнатами мистера Сомерса. Если хотите присоединиться...

— Я к вам подойду, — пообещал Фен.

Он проводил директора до часовни, и еще некоторое время ждал на крыльце, наблюдая за прибывавшей толпой, пока умолкшие колокола не уведомили о том, что можно заходить внутрь. Билета у Фена не было, но он уговорил Уэллса пропустить его на одну из галерей и всю службу простоял у перил, с любопытством глядя на необычное волнение в рядах стоявших внизу учителей. Школьный хор, облаченный в красные и белые одежды, торжественно прошествовал через зал с капелланом и директором. Ученики с чувством пропели положенные гимны и молитвы. Директор произнес расплывчатую речь, равно пригодную для педсовета и церковной службы, а «Иерусалим» сэра Пэрри достойно завершил мероприятие.

Когда действие подходило к концу, Фен потихоньку выскользнул на улицу и, закурив, направился через пустой плац к Дому Хаббарда. В просветы деревьев голубела река с одиноким лебедем, который с царственным достоинством окунал в воду голову и клюв, словно разборчивый гурман, опускающий ложечку в чашку с кофе. Необозримое море зелени, изумрудно-яркое на фоне вытоптаных спортплощадок, обозначало место, где находилось поле для крикета, а от раскаленного солнцем асфальта поднимался тяжелый жар. В тени дерева, растянувшись, лежал Винни-Пух, и птичка на ветке смотрела на него с безразличием уличного мальчишки. Где-то высо-

ко в небе монотонно журчал невидимый жаворонок. На стеклах и крышах припаркованных машин ослепительно сияли солнечные блики. Подойдя к Дому Хаббарда, Фен обернулся и увидел, как из дверей часовни, словно струя медленно расплывшегося дыма, вытекает огромная толпа. Часы пробили половину.

Внутри дома Стэгг, раскрасневшийся и испачканный в пыли, все еще работал в учительской комнате. Он хмуро сообщил, что не нашел ничего интересного и ему надо осмотреть несколько классов в нижнем этаже. Фен ограничился тем, что выразил сочувствие, и опять вышел на улицу. После службы ученики временно расстались со своими родственниками и разошлись по пансионатам, чтобы переодеться к следующему действию. Директор со светской любезностью переходил от одной группы к другой. Вчерашние выпускники с независимым видом расхаживали по площадке, дымя трубками и стараясь подавить инстинктивное почтение к своим бывшим наставникам и учителям. Возвращение школьников в белых фуфайках, синих шортах и красных кроссовках возвестило о начале представления. Военный оркестр, сверкая начищенными инструментами, устроился на трибуне стадиона. Вокруг поля для крикета собралась толпа зрителей, состоявшая из родителей, учителей, выпускников и обслуживающего персонала. Ученики выстроились на траве в ровные ряды. Майор Персиваль, командующий кадетским корпусом и по совместительству инструктор по гимнастике, взгромоздился с мегафоном на стремянку и оглядел строй. Часы пробили без четверти одиннадцать. «Смирно!» — гаркнул майор Персиваль, и все мгновенно выполнили команду. Сержант Шелли поднял

дирижерскую палочку. Винни-Пух зашелся в истощенном лае. Разговоры стихли. Оркестр подтянулся, вскинул инструменты и грянул марш.

Следующие двадцать минут, под гортанные команды майора Персиваля и аккомпанемент оркестра, исполнявшего поочередно марши, попури и вальсы, школьная команда с точностью швейцарских часов проделывала всевозможные акробатические фокусы и трюки, вызывая восхищенные возгласы родителей и одобрение наставников. Зрелище получилось красочным и интересным, снисходительно подумал Фен, но тут же с сожалением добавил, что мог бы заняться чем-нибудь более полезным, чем созерцание приятных зрелищ. Еще не все вопросы решены. В целом дело казалось ясным и простым, не считая мотивов преступления, однако ему требовалось сопоставить пару фактов. Оглядевшись по сторонам, он увидел невдалеке учителя средних лет и направился к нему.

— Простите, — произнес Фен, — вы не подскажете, как найти мистера Этериджа?

— Я — Этеридж, — ответил преподаватель. Он пожал Фену руку и сразу ее отдернул, словно ожегся о крапиву. — Рад с вами познакомиться, — продолжил он. — Ваш сын делает большие успехи. Уверен, у него прекрасное будущее.

— Нет, нет, — торопливо возразил Фен. — Я не родитель.

— В самом деле? — вежливо промолвил мистер Этеридж и опять пожал ему руку.

Его аккуратно подстриженные волосы редели на макушке, а на лице блестели потертые очки в толстой роговой оправе. Несмотря на затрапезного вида пиджак и светлые фланелевые брюки, торчавшие из-

под красной мантии, он держался спокойно и уверенно, словно обедневший, но сохранивший достоинство аристократ. Фен представился, и мистер Этеридж, похоже, собрался пожать ему руку в третий раз, но в последний момент передумал и вместо этого указал на поле для крикета.

— Вам нравится? — поинтересовался он.

— Весьма недурно, — ответил Фен. — По-моему, в этих упражнениях есть нечто от гуттаперчевой эстетики балета.

— Они символизируют дисциплину, — изрек мистер Этеридж, для которого любой вопрос был лишь поводом для того, чтобы разразиться речью. — А для неопытных умов, возможно, и единообразие. — В каждом его слове, обозначавшем общие понятия, чувствовалась большая буква. — Но в последнем случае это, конечно, заблуждение.

— Разумеется, — поддакнул Фен. Проповедь собеседника явно требовала подтверждений, а не спора.

— Заблуждение, — продолжил мистер Этеридж, — поскольку любая попытка утвердить единообразие на самом деле подчеркивает эксцентricность. Собственно, именно она ее и порождает. Только когда юноша оказывается предоставлен сам себе, например в университете или на работе, он становится более или менее типичным. Люди — стадные животные. В школе унификация принудительна и неизбежна, поэтому приводит к своей противоположности. Но в большом мире, когда человек хочет общаться с себе подобными, ему приходится втискиваться в более или менее привычную категорию: «спортсмен», «художник», «ученый» и так далее — и тем самым обтесывать острые углы собственной

индивидуальности. Только в таких местах, как это, еще можно найти настоящих оригиналов.

— Ясно, — кивнул Фен.

— На самом деле значительная часть критики против частных школ связана с элементарной психологической ошибкой — утверждением, будто юные умы скорее впечатлительны, чем критичны. В действительности все наоборот. Вот почему упреки левых, что на должности учителей принимаются в основном люди консервативного склада, — чистейшая глупость. В подобных вопросах старшеклассники всегда настроены диаметрально противоположно тому, что проповедают их педагоги. Если сделать учителями социалистов, то по всей стране начнется национальное возрождение консерватизма.

Озвучив это удивительное пророчество, мистер Этеридж замолчал, и Фен воспользовался моментом, чтобы сменить тему.

— Любопытно, — промолвил он. — Значит, Лав должен был стимулировать распущенность, а Сомерс... Чему содействовал он?

— Сомерсу не хватало индивидуальности, — ответил мистер Этеридж, — поэтому он не мог ничему ни содействовать, ни противодействовать.

— И средств ему, похоже, тоже не хватало.

— Жалованье Сомерса составляло сто семьдесят фунтов в год, — невозмутимо сообщил мистер Этеридж. — После его смерти на банковском счету осталось не более ста пятидесяти фунтов. Сомневаюсь, что Сомерса могли убить в корыстных целях. Он не оставил завещания, поэтому даже то небольшое, что имел, перейдет к его ближайшей родственнице — богатой тетушке из Миддлсборо. Друзей у него не

было, врагов тоже. В общем, убийство по личным мотивам маловероятно.

— Как насчет женщин?

— Его сексуальная жизнь была связана с одной молодой особой по имени Соня Делани, манекенщицей из Уэст-Энда, которую он регулярно навещал в выходные дни. Несомненно, здесь имело место чисто деловое соглашение, вряд ли грозившее какими-либо осложнениями.

— Значит, у вас нет предположений, что послужило мотивом для убийства?

— Никаких, — смиренно ответил мистер Этеридж.

Выражение его лица напомнило Фену игрока в крикет, прозевавшего самый легкий мяч.

— Ну, а как насчет Лава?

— Лав, — в голосе учителя прозвучал сарказм, — был автомат, а не человек. — Похоже, мистер Этеридж все еще злился на Лава, что тот не подбрасывал «зерна» на его безусловно работавшую мельницу. — Он и его жена были несовместимы по характерам. Она могла убить его.

— Но не убила.

— Правда? В таком случае он скорее всего раскопал чьи-то мелкие грешки, и кому-то это не понравилось.

— Соня Делани?

Мистер Этеридж покачал головой:

— Про нее он знал.

— И не возражал? Кажется, Сомерс являлся его протеже?

— Лав был пуританином, но не фанатиком. — Мистер Этеридж, уже некоторое время страдальчески морщивший нос, наконец вытащил платок

и высморкался с такой силой, точно хотел повторить подвиг Роланда, протрубившего в рог в ущелье Ронсеваль. — Сенная лихорадка, — объяснил он. — Так что я говорил?

— Лав был пуританином, но не фанатиком.

— Вот именно. Он практиковал, так сказать, коммерческое пуританство, касавшееся прежде всего денег. Лав не возражал против того, чтобы Сомерс имел любовницу, но сразу встал бы на дыбы, если бы Сомерс, например, попытался обмануть налоговую службу.

Оркестр заиграл известный вальс из «Веселой вдовы». Коммерческое пуританство, подумал Фен: это хорошо сочеталось с упоминанием «мошенничества» в записке Лава. Впрочем, он сомневался, что мистер Этеридж, при всей его впечатляющей осведомленности, был с ним в полной мере откровенен. Он решил зайти с другой стороны:

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

Мистер Этеридж одновременно и чихнул, и выразил свое согласие. Получившийся в итоге громкий звук заставил вздрогнуть соседей.

— Вот так-то лучше, — пробормотал он, энергично работая платком. — Теперь все прочистилось. Да, спрашивайте, что хотите. Со мной уже говорили насчет отчетов. Если вас это интересует, то могу сообщить, что когда я вышел из учительской в десять часов вечера, Сомерсу оставалось заполнить девяносто семь бланков.

— У вас удивительно точная информация.

— Вы правы, — не без самодовольства согласился мистер Этеридж. — Хотя в данном случае для этого есть веская причина. Вчера после первого урока

я спросил у Сомерса, когда он собирается закончить свой отчет. Я знал, что он не успеет вовремя из-за своей руки. Тот ответил, что начнет работу в десять и к одиннадцати сдаст Уэллсу. Я сделал отчеты раньше и перед уходом решил проверить, сколько бланков надо заполнить Сомерсу. Как я уже сказал, их было девяносто семь.

— А какие именно девяносто семь?

Мистер Этеридж пожал плечами:

— Ровно в десять Уэллс унес остальные в свою комнату.

— Прекрасно. Идем дальше. Факт, что Уэллс регулярно обновляет промокательную бумагу и сидит у себя с десяти до одиннадцати часов, был хорошо известен?

— Безусловно.

— А педантичные привычки Лава?

— Они стали притчей во языцех.

— Вы не замечали в последнее время каких-нибудь странностей в поведении Лава?

— Замечал. Буквально вчера я говорил об этом Сомерсу. У Лава постоянно был такой вид, словно кто-то оскорбил его в лучших чувствах. — Лицо мистера Этериджа омрачилось. — Но кто в этом виноват, — добавил он хмуро, — я не знаю. Вряд ли Сомерс.

— Как Сомерс повредил себе руку?

— Упал с велосипеда неделю назад.

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

— Человек пятьсот, наверное. Это произошло перед Домом Хаббарда, когда все выходили после первой смены. Сомерс пытался объехать какого-то безмозглого ученика, который не смотрел, куда идет. Вывих был ужасный, я сам видел.

— Сомерс всегда писал черными чернилами?

— Да, с тех пор, как я его знаю.

— Ну, что ж, — задумчиво протянул Фен, — в таком случае...

Шум аплодисментов не позволил ему закончить фразу. Парад завершился. Майор Персиваль слез со своей стремянки. Оркестр покинул трибуну, ученики отправились переодеваться, а зрители начали медленно расходиться.

— Что-нибудь еще? — спросил мистер Этеридж, потирая переносицу, чтобы подавить новый приступ чихания. — А то я уже вижу, как ко мне идет парочка родителей.

— Нет, спасибо. Вы мне очень помогли.

Мистер Этеридж прочистил нос, громко чихнул и с раздражением взглянул на приближавшуюся чету:

— Не понимаю, зачем нужно плодить потомство от таких уродов? Простите. — Он протянул руку подошедшему к нему мужчине. — Ваш сын делает большие успехи. Я уверен, у него прекрасное будущее.

Расставшись с Этериджем, Фен отправился искать сержанта Шелли и застал его на пороге оружейной. Профессор представился, и сержант вежливо приветствовал его. Шелли был профессиональным солдатом, оставившим службу из-за проблем со здоровьем. Старался держаться молодцом, но выглядел неважно. У него были опухшие веки, редкие волосы, бледное лицо с маленькими усиками и, к удивлению Фена, акцент кокни. Говорил он, как многие военные, отрывисто и скупо расходуя слова.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — начал Фен. — Полагаю, вы уже слышали о том, что произошло вчера вечером?

— В общих чертах, сэр, от Уэллса.

— Превосходно. Тогда не будем тратить время на объяснения. В обоих случаях использовали револьвер тридцать восьмого калибра, и мы хотели бы выяснить, не могли ли его взять в школьной оружейной.

— Мне это тоже пришло в голову, сэр, поэтому я сюда и пришел.

— Хорошо, тогда давайте зайдем внутрь.

Сержант вынул из кармана ключ и отпер дверь. Оружейная представляла собой длинное и узкое помещение с затхлым воздухом и почти полным отсутствием дневного света. Даже сейчас, в это солнечное утро, им пришлось включить электрическую лампу. В комнате сильно пахло машинным маслом. Вдоль стен в деревянных стойках пылились какие-то ржавые винтовки. В дальнем конце на полках горами лежала амуниция: ремни, фляги, рюкзаки. Попадшая в плен муха тщетно билась о мутные стекла. Подошвы обуви Шелли гулко стучали по неровным доскам.

Сержант сразу подошел к металлическому шкафу и открыл дверцу. Фен заметил, что она не заперта.

— Все оружие мы храним здесь, сэр, — сообщил Шелли. — Обычно оно не заряжено. Но у нас есть три револьвера тридцать восьмого калибра и прилегающие к ним патроны. — Он быстро оглядел содержимое шкафчика. — Вы были правы, сэр. Один револьвер пропал. — Сержант достал железный ящик с зеленой этикеткой и откинул крышку. — Раньше он был полным, а теперь нет.

— Как насчет глушителя? — спросил Фен.

Шелли бросил на него непонимающий взгляд.

— Ах, да! — воскликнул он. — Тот, что дал мне мистер Сомерс. Я совсем о нем забыл. — Сержант

пошарил в шкафчике. — Глушитель тоже исчез, — сообщил он.

— Оставлять шкафчик незапертым рискованно, вам не кажется?

— Нет, сэр. Когда ребята забирают и сдают винтовки, я всегда на месте. А в остальное время оружейная закрыта.

— У кого еще есть ключ?

— Один экземпляр у меня, второй хранится у дневального, третий у Уэллса — у него дубликаты всех ключей, — а четвертый у директора, в кабинете секретаря.

— И никто из посторонних не может получить доступ к этим ключам? Все места, где они хранятся, надежно заперты, пока там никого нет?

— Именно так, сэр.

— В последнее время не было случаев, когда оружейная оставалась открытой и без присмотра?

Шелли смутился и покраснел:

— Боюсь, что был. Вчера днем, во время парада. Я, как всегда, открыл оружейную для мальчиков, и тут меня скрутило — спазм в желудке. Майор Солтмарш, наш командир, освободил меня от парада. Мне было так плохо, что я ушел в дежурку и просидел там несколько минут, совсем забыв про дверь. Это было неправильно, знаю. Думаете, тогда и взяли револьвер?

— Возможно, — ответил Фен. — Но на вашем месте я бы не слишком переживал. Убийства произошли бы в любом случае, заперли вы дверь или нет. — Он оглядел два маленьких окна. — Никто не мог пробраться через окна. Похоже, их не открывали уже много месяцев.

Они снова вышли на улицу, и профессор, по-

прощавшись с Шелли, зашагал обратно к Дому Хаббарда. Фен думал, что зря не позаботился сохранить отпечатки пальцев, но поскольку он и так хорошо знал, кто похитил оружие, это не имело особого значения. В остальном разговор с сержантом не добавил ничего нового.

Площадь стремительно пустела. Автомобили тахтели моторами и разъезжались. В Доме Хаббарда Фен нашел Стэгга, завершавшего свои тщетные поиски, и вкратце рассказал о том, что узнал от Этериджа и Шелли. Суперинтенданта это не вдохновило.

— Проблема в том, что сначала мы должны прояснить хронологию событий, — заметил он, — а уж потом устанавливать алиби. Здесь я закончил, так что отправлюсь пока в город и займусь комнатами Сомерса и его банковским счетом. Кроме того, я поручил одному сотруднику в участке провести эксперимент с бланками и хочу посмотреть, как там дела.

— Я тоже поеду, если не возражаете, — сказал Фен. — У меня к вам один вопрос: есть какие-нибудь новости о Брэнде Бойс?

Стэгг покачал головой.

— Нет, сэр. Мы сделали все необходимые запросы и искали везде, где могли, но она словно сквозь землю провалилась. Проблема в том, что у нас попросту не хватает людей. За ленчем я увижусь с начальником полиции: уверен, он захочет обратиться в Скотленд-Ярд.

Они отправились в Кэстривенфорд на машине Стэгга. Это был старый торговый городок, который мог похвастаться неплохой архитектурой и отсутствием трущоб. Местные фермеры преуспевали, а вместе с ними преуспевал и Кэстривенфорд. У него имелась своя славная история, правда, в несколько провин-

циальном стиле: во времена Йорков и Ланкастеров в округе состоялись сражения, а в самом городке родилась пара-тройка знаменитостей, увековеченных незатейливыми памятниками. Магистральная дорога проходила мимо, так что жизнь здесь протекала относительно спокойно. В этот солнечный июньский день город выглядел красивым и уютным.

Автомобиль остановился возле небольшого особняка в палладианском стиле, где проживал Сомерс, и Фен вместе с суперинтендантом и присоединившимся к ним домовладельцем поднялись в его комнаты. Во время обыска они не нашли в них ничего примечательного, если не считать книги «Четвертый подлог», которую Фен полистал: речь шла о подделке рукописей Шекспира. Частная документация также не представляла интереса и состояла из нескольких скромных квитанций и счетов. Что касается личной переписки, то ее не было совсем: домовладелец сообщил, что постоялец не получал писем. Фен сделал вывод, что Сомерс не имел друзей и, очевидно, питал склонность к затворнической жизни.

Потратив на квартиру не более десяти минут, они отправились в банк. Управляющий, оказавшийся личным другом суперинтенданта, охотно предоставил им сведения о счетах Сомерса и Лава. Финансовые дела последнего находились в полном порядке: в отношении денег Лав был столь же скрупулезно педантичен, как и в остальном. На счету Сомерса оказалось всего сорок восемь фунтов, но накануне он неожиданно снял сотню фунтов одной банкнотой. Разговор с клерком, выдававшим деньги, ничего не прояснил: Сомерс ни словом не обмолвился о том, зачем ему понадобились средства.

— Странно, — пробормотал Стэгг, когда они вы-

шли из банка. — Ни при нем, ни в его квартире таких денег не было. Куда он их дел? Может, деньги забрал преступник?

Но Фен ничего не ответил. Они поехали в полицейский участок и пробыли там пять минут, когда узнали о третьем убийстве.

Глава 8

СМЕРТЬ ВЕДЬМЫ

Здесь в нашем повествовании неожиданно появляется новый персонаж — Питер Пламстед, лондонский клерк из страховой компании. Мистер Пламстед находился на отдыхе и наслаждался двухнедельным турпоходом. В этом году он решил взять отпуск пораньше: во-первых, Пламстед был неженат и мог отвечать только за себя, а во-вторых, придерживался странной теории, что смена времен года в Англии подверглась изменениям и теперь хорошую погоду можно застать скорее в начале лета, чем в бархатный сезон. Правда, в первые дни проливной дождь несколько поколебал его уверенность в этой гипотезе, зато потом она с блеском оправдалась. Теперь он, весело распевая, шагал по полям и лужайкам под щедрым солнцем. Мистер Пламстед был серьезный, добросердечный молодой человек с зелеными глазами и жесткой каштановой шевелюрой, с трудом поддававшейся расческе. Одет он был, как и подобало туристу, в летние шорты, спортивные туфли и рубашку с широким воротом. За его плечами висел рюкзак, а в руках блестела ясеневая трость.

— Вот как жить хотел бы я, — пел он во все горло, — нужно мне немного, да еще дорога.

В Уорвикшире, говорил он себе, гораздо лучше и красивее, чем в Лейстершире. Мистер Пламстед начал свое путешествие с того, что доехал на поезде до Лейстера, а теперь возвращался обратно в Лондон через Уорвикшир, Оксфордшир, Бакс и Миддлсекс. В Лейстере он посетил Иудейскую стену, замок Этли в Нанитоне и уорвикский госпиталь графа Лейстера, а в Стрэтфорде заглянул в Фестивальный театр и посмотрел «Как вам это понравится» прямо на берегу Эйвона. В конце концов вышло так, что утром актового дня, о котором он, впрочем, ничего не знал, наш герой оказался на тихой лужайке милях в четырех от Кэстривенфордской школы.

— Спать на листьях, есть и пить, хлеб макая в реки, — пел мистер Пламстед, — вот какую жизнь жить я хочу вовеки!

Он находился в отличном настроении. В поле цвели бубенчики, в лесу — колокольчики. Вдоль изгородей белели кисти боярышника, а на сливах распускались свежие бутоны. Фиалки прятались в густой траве, буйно разросшейся по краям лужаек: сорвав один цветок, он вставил его в петлицу. В легком воздухе оглушительно пели и трещали птицы, а по дальним холмам, поросшим темным лесом, горячим золотом разливалось утреннее солнце. Небо над головой было ярко-голубым, и солнечный диск в нем сиял, как огромный огненный опал.

В начале двенадцатого мистер Пламстед подошел к коттеджу. Дом располагался на правой стороне лужайки: елизаветинский стиль, определил он, а может, и что-то еще более старое. Соломенная крыша прохудилась, дымовые трубы покосились. Квадратные окошки смотрели тускло и угрюмо, а одичавший сад зарос так, что в нем невозможно было раз-

личить ни одной дорожки или клумбы. Задняя часть дома тонула в хвое мрачных лиственниц. За расшатанными воротами стояла большая грязная утка и вызывающе гладела на него сквозь щели в досках. Мистер Пламстед, уже прошагавший в это утро восемь миль, остановился и ответил на ее воинственный взгляд. Птица раздраженно удалилась, и турист возобновил осмотр коттеджа.

Не считая этой утки, дом казался необитаемым: в пустых окнах не было штор, а из печных труб не вился дымок.

Однако вскоре в одном из окон появилась пожилая женщина. Она не обращала на мистера Пламстеда никакого внимания; впрочем, из-за толстого слоя грязи на стеклах и сумерек трудно было сказать наверняка. Вроде бы она говорила, но с кем? Сама с собой? Нет, за ее спиной маячил силуэт, мужской или женский. Охваченный любопытством, мистер Пламстед даже привстал на цыпочки, чтобы лучше разглядеть окно через доски покосившейся ограды, но обе фигуры уже исчезли из поля его зрения. Мистер Пламстед вернулся на пыльную дорогу.

И тут он услышал крик. В этом крике не было ничего мелодраматического. Больше всего он напоминал, как позднее описывал мистер Пламстед, глухой полузадушенный вой, оборвавшийся так быстро, что можно было усомниться в том, слышал ли он его вообще. Мистер Пламстед замер. Кто знает, если бы он поспешил, то, может, избавил бы многих людей от крупных неприятностей и даже обрел бы свое скромное бессмертие среди любителей елизаветинской поэзии. Но страх выставить себя дураком приковал его к месту. Через несколько минут он заставил себя открыть ворота и войти в заросший сад.

Увидев мистера Пламстеда, утка всполошилась, словно испуганный придворный при появлении монарха, и засела в кустах, издавая душераздирающее криканье. Приблизившись к дому, мистер Пламстед осторожно постучал в дверь, но внутри царила тишина. После короткой паузы он надавил на дверь, и она открылась. В нос ему ударил затхлый запах. Он заглянул в полутемный коридор.

— Эй! — крикнул мистер Пламстед. — Есть кто-нибудь?

Ответа не было; обитатели дома, как зачарованные слушатели в поэме Де Ла Мара, хранили молчание.

— Эй!

Ни всхлипа, ни дыхания, ни скрипа половицы. Мистер Пламстед, подавив внезапную вспышку страха, вошел в дом. Его нога скользнула по пустой бутылке из-под джина, и он судорожно взмахнул руками, чтобы не упасть. Бутылка откатилась в сторону и ударилась о стену. Мистер Пламстед остановился, чтобы перевести дух и успокоиться.

Внутри коттедж выглядел таким же неухоженным, как снаружи. Убогая обстановка, спертый воздух. Мистер Пламстед прикинул, что первая дверь направо должна вести в ту комнату, в которой он видел пожилую женщину. Он толкнул ее и шагнул в какое-то подобие гостиной.

Всюду лежала пыль. Посреди комнаты стояло потертое кресло с продавленным сиденьем и торчащими пружинами. У стола одна ножка была короче других, а на скатерти громоздился натюрморт из сухой буханки, грязного стакана и треснувшей тарелки с куском заветренной свинины и застывшим жиром. В углу валялась горка пустых бутылок; еще одна, на-

половину полная, стояла на камине рядом с оплывшей свечой, торчавшей из воска. Стены были обшиты темным дубом. В широком очаге, с виду таком же древнем, как и сам дом, на груди золы лежала куча мусора, состоявшая из картофельных очистков. Июньское солнце тускло и мутно пробивалось сквозь маленькое окошко, но половина комнаты пряталась в тени. Вот почему мистер Пламстед не замечал лежавшей на полу женщины до тех пор, пока буквально не споткнулся о ее труп.

— Господи, — растерянно пробормотал он и воскликнул: — Вот черт!

Наверное, даже в молодости эта женщина была не особенно красивой, и возраст отнюдь не пошел ей на пользу. Ее маленькое лицо совсем сморщилось, острый нос торчал кверху, словно птичий клюв, а седые волосы засалились и слиплись в космы. На ней было ветхое черное креповое платье и пара допотопных туфель, облепленных засохшей грязью, хотя дождь в последний раз был несколько дней назад. На полу рядом с ней валялась длинная тяжелая кочерга.

Впрочем, даже если мистер Пламстед и заметил все эти подробности, надолго он на них не задержался. Через мгновение к его горлу подкатила тошнота: он увидел проломленную в черепе дыру и раздробленные кости, смешанные с мозгами и кровью.

Это зрелище повергло его в такой шок, что на несколько секунд он оцепенел, бессвязно бормоча что-то себе под нос. Вероятно, поэтому не услышал легкое и быстрое движение за спиной и вообще ничего не замечал до той минуты, пока его сознание не раскололось на созвездие ослепительно-ярких искр, брызнувших в черную бездну. Рухнув на труп старухи, мистер Пламстед почувствовал глухой удар,

и ему почудилось, будто чьи-то пальцы схватили его за правое запястье. Сердце в груди вмиг распухло, превратившись в грохочущую наковальню, и его поглотила тьма.

Позднее он узнал, что пролежал без памяти минут пять. Для горожанина у мистера Пламстеда была удивительная живучесть и на редкость крепкая голова; к тому же удар, пришедшийся по затылку, нанесли не очень точно. Очнувшись, он поспешил слезть со своего жуткого ложа. Потом медленно и осторожно поднялся. В комнате не было никого, кроме него и трупа. В поисках воздуха и света мистер Пламстед бросился к входной двери. Солнце резануло ему по глазам. Он ухватился за дверную ручку, и его стошнило на цветы на глазах у возмущенной утки.

После этого Пламстеду стало лучше — настолько лучше, что он задумался о помощи. Идти назад бесполезно: за последние две мили он не видел человеческого жилья. Поэтому он поплелся дальше по лужайке, осторожно ощупывая шишку на голове и проявляя меньше прыти, чем полчаса назад.

Примерно через четверть мили мистер Пламстед увидел здания: от крайнего дома тянулся телефонный провод. Выросший перед ним коттедж был примерно такого же размера, как тот, что он только что покинул, но современнее и привлекательнее на вид. Мистер Пламстед остановился у ворот, за которыми открывался аккуратный ухоженный сад. Прочистил горло. Молодая женщина, лежавшая на коврике посреди лужайки, недовольно подняла голову. Это была симпатичная блондинка в легких сандалях и самом узком бикини, какое только можно вообразить. Правда, в эту минуту мистер Пламстед был слишком подавлен, чтобы отдать должное тело-

сложению молодой особы и ее загорелым формам. «Кхм», — нерешительно произнес он, после чего дама сняла темные очки и с недоумением посмотрела на него.

— Чем могу помочь? — спросила она.

— Телефон, — краснея, промямлил мистер Пламстед. — Мне нужен телефон. Кажется, произошло убийство...

Дама быстро поднялась с коврика.

— Что? — воскликнула она.

— Убийство, — сконфуженно повторил мистер Пламстед. — Надо позвонить в полицию.

— А кого убили? Где?

— В коттедже — там, дальше по дороге. Пожилую леди.

— Вы хотите сказать — миссис Блай?

— Неизвестно. Значит, ее так зовут? Я просто проходил мимо дома, услышал крик и решил посмотреть, что там случилось, и вот... она там лежит.

Молодая женщина смерила его испытующим взглядом.

— Ладно, — кивнула она. — Заходите.

Мистер Пламстед послушно последовал за ней. Скромность требовала, чтобы он отвел глаза — костюм девушки выглядел более чем скандальным, — но сама она держалась так естественно, что он сразу об этом забыл. Телефон находился в залитой солнцем прихожей.

— Звоните через «ноль», — объяснила хозяйка, — а потом... Боже, что с вашей головой?

— Кто-то ударил меня сзади, — скромно ответил мистер Пламстед. — Она кровоточит?

— Немного. Я принесу йод. А вы пока звоните.

— Скажите, где я нахожусь? Что это за место?

— Деревня Рэйвенсуорд, а дорога — Мэйденлейн, — ответила она. — Как называется коттедж миссис Блай, я не знаю. Побудьте пока здесь. Я сейчас вернусь.

Она взбежала вверх по лестнице. Мистер Пламстед набрал «ноль» и сообщил о происшедшем городской полиции.

Хозяйка вернулась с пузырьком йода, переодевшись в белое муслиновое платье. Мистер Пламстед не мог не отметить, что хотя этот наряд гораздо больше соответствовал правилам приличия, он не только не скрывал, но даже усиливал ее красоту. «Выпьете пива?» — спросила она и, когда он ответил благодарным кивком, принесла четыре бутылки и два бокала и поставила все это на коврике посреди лужайки. Потом они присели, и она осмотрела его голову.

— Все не так уж плохо, — заметила хозяйка. — Пейте пиво, а я обработаю рану йодом.

Пальцы у нее были прохладные и ловкие. Как редко, подумал мистер Пламстед, опасные приключения приводят к столь приятному концу... После того как она закончила, он пробормотал:

— Большое спасибо. Кстати, я забыл представиться — Питер Пламстед.

— А я — Дафна Сэвидж. — Она с удовольствием выпила пиво и, поставив бокал, добавила: — И мне ужасно хочется узнать, что произошло.

Мистер Пламстед все ей рассказал. Как человек честный, не стал скрывать ни одной детали, даже свою постыдную нерешительность, о какой предпочел бы умолчать.

Дафна долгое время молчала, а потом произнесла:

— Как по-вашему, почему на вас напали?

— Похоже, тот человек боялся, что я увижу его.

— Но вы действительно видели его через окно. Можете его опознать?

Мистер Пламстед покачал головой:

— Это был просто силуэт. Я даже не знаю, кого видел — женщину или мужчину. Как вы считаете, почему кто-то мог отважиться на столь чудовищный поступок?

— Не представляю. Вероятно, у миссис Блай были спрятаны в доме деньги. По правде говоря, я о ней ничего не знаю. Это коттедж моей тети, я провожу здесь двухнедельный отпуск. Миссис Блай была довольно мерзкой старой ведьмой, но такая смерть... — Дафна поежилась, несмотря на жару.

Через пару минут они заговорили о другом. Оказалось, что Дафна работает стенографисткой в Сити, и у них с мистером Пламстедом нашлось немало общего. Они обсудили дешевые ресторанчики в центре Лондона и уже опять принялись за пиво, когда из-за поворота появилась машина Стэгга.

По приезде в участок Стэгга и Фена ждало много новостей. Прежде всего поступили сведения об эксперименте с бланками. Этим занимался мрачноватый молодой констебль с высшим образованием. Он доложил:

— Как вы приказали, сэр, я обратился к мистеру Этериджу, и он передал мне список отчетов, которые мистер Сомерс должен был закончить после десяти вечера. Я взял несколько чистых бланков у секретаря директора и постарался быстрее скопировать записи мистера Сомерса. На работу ушло пятьдесят пять минут.

— Именно так, как вы предсказывали, сэр, — пробормотал Стэгг, обратившись к Фену.

Профессор кивнул.

— Вы быстро пишете? — спросил он констебля.

— Да, сэр. Быстрее, чем большинство людей.

— Значит, у нас есть минимальный промежуток времени, — подытожил суперинтендант. — Это нам поможет, когда мы начнем проверять алиби.

Остальная информация оказалась не такой обнадеживающей. Вскрытие Сомерса не дало никаких результатов, а баллистическая экспертиза подтвердила мнение Стэгга, что обе пули были выпущены из одного оружия. Стэгг собирался поделиться кое-какими соображениями по поводу этого обстоятельства, когда поступил звонок от мистера Пламстеда.

Разумеется, они немедленно направились на место преступления. Стэгг сел за руль, Фен устроился рядом, а сержант с саквояжем занял место на заднем сиденье. Полицейский врач последовал за ними в своей машине.

— Нет, по-моему, это уже чересчур, — бурчал по дороге суперинтендант. — Исчезновение и три убийства — за одни сутки! Хотя последний случай мало похож на остальные. — Он горько усмехнулся. — Конечно, это нам мало чем поможет, если только мы не раскроем его прямо на месте. В чем я, честно говоря, сомневаюсь.

У коттеджа Дафны они забрали мистера Пламстеда, и Стэггу пришлось приложить немалые усилия, чтобы увести его в автомобиль Фена. Ведь он «положил глаз» на пиво и симпатичную хозяйку. После этого все вместе отправились к дому миссис Блай.

Коттедж находился в том же состоянии, в каком его оставил мистер Пламстед. Он во всех деталях описал суперинтенданту свое участие в этом деле и согласился, чтобы у него взяли отпечатки пальцев

(чтобы можно было отличить их от следов, оставленных преступником, как объяснил суперинтендант). Врач выдал заключение: миссис Блай получила удар тупым предметом, возможно, кочергой, и умерла на месте. Фен убедился в том, что ни на одной опыленной порошком поверхности не осталось следов ног, и стал в задумчивости бродить по комнатам. Царившее в них запустение было неопишваемым. Правда, одна деталь оказалась примечательной: в комнате стояла новенькая кухонная плита, при установке которой, судя по всему, пришлось разрушить старую каменную печь.

Вскоре Фен выбрался из дома в сад, где попытался наладить дружеские отношения с домашней уткой. Он был все еще занят этим малополезным делом, когда появившийся из двери Стэгг предложил ему пройтись в сторону дороги.

— Ну, что? — спросил Фен.

— Единственные отпечатки пальцев, обнаруженные на кочерге, принадлежат Пламстеду, — ответил Стэгг.

— С какой руки?

— С правой.

— Но он левша.

— Да, я заметил.

— На кочерге должны быть и другие отпечатки. Как насчет старой дамы?

Они подошли к машине. Стэгг остановился и поставил ногу на подножку. Дорога в этом месте была покрыта гудроном, который размяк на солнце и прилипал к подошвам.

— Все остальное с кочерги стерли, — сообщил Стэгг. — Вопрос только кто? Пламстед или кто-либо другой?

— Значит, вы считаете его подозреваемым?

— Почему бы нет? Он мог убить старую леди, вытереть с кочерги отпечатки пальцев, а потом нарочно приложить к ней свою правую руку, чтобы все приняли это за неловкую попытку подставить его. А шишку на голове поставил себе сам: она выглядит не слишком убедительно.

— Вам не кажется, что это чересчур сложно? Местность тут довольно пустынная. Если Пламстед действительно убил ее, проще всего было уничтожить следы своего присутствия и тихо удалиться. Насколько я понимаю, он не местный, и никому бы не пришло в голову связать его с убийством.

Стэгг побарабанил пальцами по горячему капоту.

— Да, вы правы. У нас нет никаких причин думать, что Пламстед лжет. Одно сходится с другим, да и на маньяка-убийцу он не похож.

— А вы считаете, что это был маньяк?

— Необязательно. Возможно, у женщины имелись деньги, и преступнику нашлось чем поживиться.

— Все это лишь предположения, — заметил Фен. — Есть какие-нибудь другие зацепки, кроме отпечатков пальцев?

— Пока нет. По-вашему, между этим делом и другими убийствами есть какая-нибудь связь?

— На первый взгляд нет. Но пока мы не знаем мотив, ничего нельзя сказать наверняка. Мне не нравится, что у нас нет мотива: это противостоит естеству. Проблема не в том, что мы не можем сложить все фрагменты головоломки. У нас их нет. — Он помолчал. — Что собираетесь делать дальше?

Стэгг посмотрел на часы.

— Сейчас двадцать минут первого. Я отвезу Пламстеда в участок и сниму с него письменные по-

казания, а потом попрошу задержаться на пару дней в Кэстривенфорде. Поскольку он в отпуске, это не составит труда. За ленчем у меня встреча с начальником полиции. А дальше... — Суперинтендант вздохнул. — Столько всего надо сделать, что у меня голова кругом.

— Сообщите, когда появятся данные по алиби.

— Хорошо, сэр. Вас подбросить до школы?

— Нет, я хочу побыть здесь немного. К счастью, обед будет только в половине второго. Далеко отсюда до школы?

— Около трех миль.

— Где бы мне найти автомобиль, который отвезет меня обратно? Жаль, я не приехал на своей машине.

— Я могу прислать вам такси из Кэстривенфорда.

— Отлично, — кивнул Фен. — В четверть второго перед местным пабом, как бы он ни назывался.

— Он называется «Маяк». И еще, сэр. Я нашел это в кармане миссис Блай. Как вы думаете, это нам поможет?

Он протянул профессору небольшой предмет. Это была миниатюра, сделанная на серебряной основе и обрамленная простенькой оправой из того же материала. На ярко-голубом фоне выделялась голова молодого человека в черном камзоле с белыми разрезами и широким воротником. У него были темно-каштановые волосы и широко расставленные глаза под набрякшими веками. Молодой человек был чисто выбрит, если не считать маленьких усиков над губой. Кончик его носа красиво закруглялся на конце, а пухлый рот выглядел чувственным. Слева от головы стояла надпись: «AE SVAE 29».

Фен рассмотрел вещицу с большим любопытством.

— Конечно, я не специалист, — пробормотал он, — но миниатюра, несомненно, ценная. Елизаветинская эпоха. Автор, вероятно, Хиллиард. Поскольку коттедж тоже в елизаветинском стиле, можно предположить, что миссис Блай нашла его здесь.

— Ясно. — Стэгг взял миниатюру и бережно убрал в карман. — Если она нашла еще что-нибудь столь же ценное, вероятно, мотивом было ограбление. Хорошо, сэр, я об этом позабочусь. А пока нам пора двигаться.

Он вернулся обратно в дом. Фен, постояв немного, вышел на дорогу и направился с визитом к Дафне Сэвидж.

Глава 9

ВОЗНАГРАЖДЕННЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ

Фен мог бы сказать о преступлениях то же самое, что Льюис Кэрролл говорил о детях: «Я не всеяден — как свинья». Да, он был разборчив в своих вкусах. И если бы миссис Блай действительно убил какой-нибудь бродяга, решивший пожить в ее доме, он бы с удовольствием передал дело в руки Стэгга.

Но от этой истории было не так-то просто отмахнуться. Во-первых, если верить Пламстеду, она намекала на явные несообразности в поведении преступника, а во-вторых, по месту и по времени подозрительно совпадало с предыдущими двумя убийствами. Вполне возможно, что между ними существовала какая-то связь, а раз так, он не зря потратит время, если попробует со всем этим разобраться.

В клубах пыли, поднятой автомобилем Стэгга, Фен подошел к воротам коттеджа. Дафна уже снова устроилась на коврике посреди лужайки, но, увидев его, расцвела приветливой улыбкой.

— Вы хотите пива, — утвердительно произнесла она, и Фен отдал должное ее проницательности.

Не дожидаясь ответа, Дафна поспешила в дом и вернулась с холодным пивом и новым бокалом.

— Вы на редкость гостеприимны, — заметил Фен. Он растянулся на траве и жевал зеленый стебель.

— Я просто умираю от любопытства. — Дафна села рядом и наполнила бокал. — Мне не терпится узнать, что произошло.

Фен с улыбкой посмотрел на нее. В своей белой безрукавке Дафна выглядела впечатляюще. Пепельные волосы были стянуты крепким узлом, который тяжело покачивался над плечами, а широко расставленные зеленые глаза смотрели весело и энергично. Она протянула ему бокал, и он сделал большой глоток.

— Найдется совсем немного женщин, — заметил Фен мечтательным тоном, — которые могут понять, что ты хочешь пива, и притом хорошего и в бокале размером с пинту. Завидую тому, кто на вас женится.

Дафна рассмеялась.

— Мои недостатки так же велики, — возразила она и, помявшись, добавила: — Простите, но я не пойму, кто вы такой? Полицейский?

— Избави боже. Я профессор.

— Профессор чего?

— Английского языка.

Она резко выпрямилась:

— Вы случайно не Джервейс Фен?

— Он самый.

Дафна просияла:

— Я столько о вас слышала. У нас есть общий друг.

— Да? И кто это?

— Девушка по имени Салли Карстейрс.

— Подумать только! — воскликнул Фен. — Я не видел ее с тех пор, как она унаследовала кучу денег от мисс Снейт. Чем она занимается? Вышла замуж?

— Пока нет. У нее квартира в Лондоне.

— Прошло уже лет десять... Господи, как же я постарел! Когда увидите Сару в следующий раз, передайте, что с ее стороны весьма нелюбезно пропасть невесть куда и не послать мне даже весточки.

— Ее мучает совесть, — заверила Дафна. — И она постоянно говорит о магазине игрушек, мисс Тарди, Ричарде Кадогане и всей этой истории.

Фен вздохнул:

— В те времена я был еще легкомысленным и беспечным. Но с тех пор поуменел и начал предаваться ностальгии, что свидетельствует об упадке жизненного тонуса. Впрочем, неважно. Передайте ей мои наилучшие пожелания.

— Обязательно. Но зачем вы приехали в эти места?

— Раздавать награды выпускникам, — объяснил Фен, — в Кэстривенфордской школе.

— А потом случайно услышали по убийство миссис Блай и решили им заняться?

— Да, — невозмутимо солгал профессор. — Преступление жесткое и грубое, но, как говорил Холмс, в нем есть интересные моменты.

Дафна удобнее устроилась на коврике и одернула юбку.

— Расскажите мне обо всем, — попросила она. — Если вы, конечно, не хотите оставить это дело в тайне.

Фен вкратце изложил ей факты. Она слушала внимательно, напряженно нахмутив лоб.

— Насколько я поняла, мистер Пламстед рассказал правду? Когда его посадили в полицейскую машину, мне показалось...

— Лично я в этом не сомневаюсь.

Фен предложил ей сигарету.

— Нет, спасибо. Я решила бросить курить, чтобы экономить средства. Непонятно одно — зачем вообще кому-то понадобилось ее убивать?

— Нас это тоже удивляет. — Фен закурил и, подув на спичку, бросил ее в клумбу. — Я надеялся, может, вы нам что-нибудь проясните.

Дафна покачала головой:

— Я ничего не знаю о миссис Блай. Это коттедж моей тети, а я просто приехала погостить к ней.

— Вот как, — протянул Фен. — Я не знал. Но вы можете порекомендовать кого-нибудь из местных, кто в курсе дела? Например, вашу тетю.

— Ее сейчас нет. Пожалуй, вам следует заглянуть в паб. Я хорошо знаю его владельца, мистера Бересфорда, и могу вас представить ему.

Фен вскочил с такой прытью, что Дафна усомнилась в «упадке его жизненного тонуca».

— Прекрасно! — воскликнул он. — В этом плане есть еще и то преимущество, что я смогу угостить вас выпивкой. Паб далеко?

— Нет, близко. — Она поднялась с места так же живо, хотя с гораздо большей грацией. — Я хотела спросить вас еще кое о чем.

— Да?

— Что полиция собирается делать с мистером Пламстедом?

— Его просто отвезли в участок для дачи письменных показаний.

— А он, случайно, не говорил, собирается ли сюда вернуться?

Дафна постаралась произнести это небрежным тоном.

— Если у него есть мозги, то он вернется при первой же возможности. В полиции его попросят задержаться в Кэстривенфорде на пару дней.

— Но он не сможет!

— Почему?

— Все отели и пансионы заполнены родителями школьников.

— В таком случае я посоветую ему остановиться в комнатах при вашем пабе.

— Я совершенно уверена, — серьезно заметила Дафна, — что это его единственный шанс.

— А я прослежу за тем, чтобы он им воспользовался, — пообещал Фен. — Кстати, что вы о нем думаете?

Дафна уже направлялась к воротам.

— Я думаю, что с ним все в порядке, — ответила она.

Деревушка под названием Рэйвенсуорд была слишком мала, чтобы обзавестись собственной церковью. Это было тихое и скромное местечко, состоявшее из ветхих домишек, самый новый из которых построили не позднее начала девятнадцатого века. В центре имелась маленькая площадь, поросшая густой травой, а под горбатым мостиком бежала мелкая речка, больше заслуживавшая статуса ручья.

Горстка чумазных школьников, возвращавшихся после уроков, пыталась удить в ней рыбу. В остальном на улице не было ни души.

«Маяк», местный паб, располагался по соседству с небольшой лавкой, торговавшей мылом, бечевкой, сладкими тянучками, булавками и канцелярскими товарами. Его старое здание, выдержанное в приятной черно-белой гамме, было обшито деревом и выделялось крутой остроконечной крышей, над которой торчали высокие трубы дымоходов. К услугам гостей имелся отдельный бар-салон, по большей части пустовавший. Что касается общего бара, куда вошли Дафна и Фен, то он представлял собой невысокое помещение, темное и прохладное, с вытертыми до блеска старыми деревянными скамьями и поблескивавшими в полумраке рядами оловянных кружек. В просторной комнате, не имевшей на стенах даже плакатов, не было никого, кроме самого хозяина.

Мистер Бересфорд оказался серьезным и солидным пожилым мужчиной с ярким румянцем. Он поздоровался с Дафной, и та церемонно представила его Фену: похоже, в «Маяке» не особо жаловали незнакомцев. Профессор заказал полпинты пива для своей спутницы и по пинте горького для себя и мистера Бересфорда.

— Профессор Фен хочет расспросить вас о миссис Блай, — объяснила Дафна.

— Вот как? — Хозяин приподнял брови. Несколько секунд он внимательно разглядывал Фена, словно раздумывая, не проскользнуло ли в его поведении какой-нибудь фривольности, и, похоже, остался удовлетворенным. — Что ж, если это ваш друг, мисс Сэвидж...

Он вышел из-за стойки, и они направились к столу у окна. Пока все рассаживались, не было произнесено ни звука: в атмосфере этого заведения казалось немыслимым делать два дела сразу. Мистер Бересфорд осведомился о здоровье своих посетителей, и они ответили ему должным образом; потом все выпили. Наконец он отставил кружку, достал трубку, набил ее чашку табаком и произнес: «Итак...»

Дафна вопросительно взглянула на Фена, тот молча кивнул.

— Не знаю, слышали ли вы новости, мистер Бересфорд, — начала она. — Насчет миссис Блай.

— Новости, мисс Сэвидж? Какие новости? Сегодня утром она, как обычно, вернулась домой. Это все, что мне известно.

— Ее убили, мистер Бересфорд.

Они замолчали, чтобы посмотреть, как хозяин воспримет эту информацию. Но мистер Бересфорд, судя по всему, не имел склонности выражать сильные эмоции. После продолжительной паузы он сказал:

— Убили, вы говорите? Вот как. Плохо. Очень плохо.

После этого заявления, не содержавшего никаких особых откровений, но произнесенного таким веским тоном, словно оно содержало в себе все глубины философской этики, мистер Бересфорд замолчал, а Дафна сообщила об обстоятельствах смерти миссис Блай. Хозяин слушал ее внимательно.

— Это плохо, — повторил он, когда она закончила. — Чертовски плохо. — Казалось, его загипнотизировало слово «плохо», и он повторял его, будто заклинание. — А этот джентльмен, — он кивнул на Фена, — работает в полиции?

— Да, он работает на них, — подтвердила Дафна. — И я ему сказала, что если кто-нибудь и сможет нам помочь в Рэйвенсуорде, то это вы.

Мистер Бересфорд быстрым и решительным движением сунул трубку в зубы и закурил.

— Плохо, — произнес он и запыхтел трубкой.

Фен не возражал против неторопливости провинциальной жизни, но грядущий день обещал быть трудным, и он решил немного ускорить дело.

— Мне нужна самая общая информация, — небрежно заметил он. — Друзья, родственники, привычки.

— Да, да, — промолвил мистер Бересфорд. — Разумеется, я расскажу вам все, что мне известно.

Но при этом он продолжал кивать и дымить трубкой, словно желая собраться с мыслями. Наконец глотнул пива и произнес:

— Она не местная. Появилась здесь лет пятнадцать назад.

Фен наклонил голову, показывая, что прекрасно понимает значение это факта.

— Да и с нашими жителями не особо ладила. Некоторые, — сурово продолжил мистер Бересфорд, — даже считали ее ведьмой. Не могу сказать, что разделяю данную точку зрения. Возможно, в прежние времена здесь и были ведьмы — не отрицаю. Но наука с ними давно покончила, правда, сэр?

Фен подтвердил — не без сомнений, — что дело обстоит именно так.

— Значит, у нее не было друзей? — уточнил он.

— Ни единого. Я скажу вам больше, сэр. — Хозяин внушительно наклонился вперед и постучал пальцем по столу. — Она пила! — Он откинулся на стул, чтобы посмотреть, какой эффект произвели его сло-

ва. — Пила! — со значением повторил он. — Нет, само собой, я тоже пью, но вы же понимаете: пить можно по-разному. Не знаю, как вы, сэр, а я не доверяю людям, которые пьют дома в одиночку. По моему, это неестественно.

Фен пробурчал что-то в знак согласия.

— А родственники у нее есть? — спросил он. — Или муж?

— Что касается мужа, то я его никогда не видел, — ответил мистер Бересфорд. — Говорят, он бросил ее, когда она стала пить, но это слухи. Я бы им не доверял. Твердо могу сказать только одно: я его никогда не видел. — Хозяин паба отхлебнул пива, жестом показав, что еще не закончил. — Что касается родственников, то, насколько мне известно, у нее есть сын. Он женат. Время от времени она его навещает, хотя невестка ее терпеть не может.

Он покачал головой, представив, какими тяжелыми должны быть отношения в такой семье.

— А где живет ее сын? По соседству? — поинтересовался Фен.

— По крайней мере, не близко, думаю, в каком-то большом городе. Забавно, что вы меня об этом спрашиваете.

— Почему?

— Был еще один джентльмен. Сегодня суббота? Значит, это случилось в четверг. Он тоже расспрашивал меня про матушку Блай: что она, да как, — а я ему ответил, что она поехала проведать сына, и тогда он начал выяснять, где живет сын. — Мистер Бересфорд помолчал. — Очень любознательный был джентльмен, только от меня он мало что узнал. Представьте, даже полпинты не заказал... Видимо, трезвенник.

В голове Фена мелькнула идея.

— Он, случайно, был не из школы?

— Наверное, сэр. Учителя иногда сюда заглядывают — благо тут недалеко — пропустить пинту-другую. Но раньше я его здесь не видел.

— Можете его описать?

— Мужчина в возрасте, худой, жилистый, с седыми волосами.

Описание было расплывчатым, но походило на Лава. А раз так, подумал Фен, у них появился намек на связь между смертью миссис Блай и убийствами в школе. Связь, которая до сих пор была основана лишь на его догадках.

— Что еще интересно, — продолжил мистер Бересфорд, — то, как он отреагировал, когда я сказал, что ничего не знаю о ее сыне. Он с досадой щелкнул языком и вообще вел себя так, словно это его огорчило. Потом спросил, не знаю ли я, когда вернется матушка Блай, и я ответил, что в субботу. Это его немного успокоило, и он ушел, даже не пожелав мне доброго утра. Вот так.

Он сделал большой глоток пива, словно заливая давнюю обиду, а Фен спросил:

— Значит, миссис Блай находилась в отъезде?

— А я вам что говорю? — Мистер Бересфорд посмотрел на профессора со скорбным удивлением, точно усомнился в его умственных способностях. — Она поехала навестить своего сына — дайте-ка припомнить, — ну, да, в среду. Точно в среду. В среду утром она ждала автобуса в Кэстривенфорд. «Снова уезжаете, матушка Блай?» — спросил я. «Только до субботы. В субботу вернусь». И она вернулась — сегодня утром.

Из чего следует, заключил Фен, что сын живет где-то недалеко. Он поинтересовался, на какие средства жила миссис Блай.

— На пенсию, — ответил мистер Бересфорд. — Ну, и сын ей иногда помогал. Иначе откуда она брала деньги на выпивку?

— Вы не знаете, у нее было в доме что-нибудь ценное? Какие-нибудь дорогие вещи, которые могли привлечь воров?

— Сомневаюсь, сэр. Все, что ее интересовало, — это выпивка. Она продала бы душу за бутылку джина.

— Но я заметил, что у нее в кухне стоит новая плита.

Хозяина, видимо, тоже смущало это явное противоречие.

— Вы правы, — пробормотал он. — Странно. — Последнее слово он произнес с суровым осуждением, словно подводя итог всей истории человеческих причуд. — Мистер Тавернер, — добавил он, — вот кто должен быть в курсе.

— Мистер Тавернер?

— Это он ставил ей плиту.

— Мистер Тавернер — здешний слесарь и плотник, — объяснила Дафна.

— Скоро он здесь появится, так что вы сможете сами с ним поговорить. Кстати... — Мистер Бересфорд помолчал. — Пожалуй, это интересно.

Фен подавил желание спросить, что он имел в виду, и терпеливо ждал, когда хозяин соблаговолит объясниться. Тот еще долго посасывал свою трубку, пока в конце концов не произнес:

— Вы тут спрашивали, сэр, не было ли у ма-тушки Блай каких-нибудь ценных вещей... Так вот, я вспомнил, что когда мистер Тавернер устанавливал новую плиту, он нашел несколько старинных вещей. Они были спрятаны в кухонном очаге. Насколько

я помню, там находилась какая-то старая картина и что-то еще. Правда, я не знаю, кому может понадобиться красть старую картину, тем более что она была совсем маленькой, но раз уж вы завели об этом речь, думаю, вам надо знать.

Старая картина, подумал Фен; возможно, та самая миниатюра, которую они нашли в кармане миссис Блай, а если так, логично предположить...

— Надеюсь, мистер Тавернер расскажет мне об этом больше, — заметил он.

— Несомненно, сэр. Возможно, мне не следовало об этом упоминать, но...

— Я очень рад, что вы об этом упомянули, мистер Бересфорд.

У Фена появилось странное томящее предчувствие, будто он стоит на пороге какого-то невероятно-го открытия. Позднее, вспоминая этот момент, он всегда удивлялся, что ему уже тогда не пришло в голову, о чем идет речь. Мистер Бересфорд сообщил новые факты, они могли быть полезны для расследования дела. А именно: миссис Блай со среды находилась в отъезде и вернулась только сегодня утром. Лав — если это был Лав — расспрашивал о ней. Обычно в ее доме не было ничего пригодного для кражи, но недавно в старом очаге нашли несколько старинных вещей. Да, ему необходимо поговорить с мистером Тавернером. Но была еще одна ниточка, за которую он мог потянуть прямо сейчас.

— Скажите, — обратился он к хозяину паба, — вы не знакомы со школьным учителем Сомерсом?

— Да, я знаю его, сэр, — охотно ответил мистер Бересфорд. — Можно даже сказать, что он мой постоянный клиент. Приятный молодой джентльмен, только очень тихий. Приходит почти всегда один.

— Мистер Сомерс как-то связан с миссис Блай?

— Насколько мне известно, нет, сэр. Никогда не слышал, чтобы он о ней упоминал.

— Ясно. — Фен был разочарован. — Он заходил к вам на этой неделе?

Мистер Бересфорд допил пиво и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Дайте-ка подумать. Да, он был здесь в понедельник и во вторник вечером, но с тех пор я его не видел. В понедельник он говорил с мистером Тавернером. А во вторник был такой веселый, что я даже спросил его: «Мистер Сомерс, вы сегодня прямо светитесь, уж не досталось ли вам наследство?» А он ответил: «Что-то вроде этого, мистер Бересфорд, что-то вроде этого» — и усмехнулся.

Мистер Бересфорд для наглядности даже изобразил эту усмешку. То, что произошло потом, оказалось для всех полной неожиданностью. Хозяин паба вскинул руку, хлопнул ею по столу и воскликнул: «Подождите-ка!» — таким громовым голосом, что Дафна опрокинула остатки пива. Мистер Бересфорд извинился. Его бесстрастное лицо было взволнованным, насколько оно вообще могло выражать какие-то чувства. Пока Дафна вытирала платье платком, а Фен пытался спастись от пивной Ниагары, низвергавшейся со стола, трактирщик внушительно поднял указательный палец, чтобы подчеркнуть осенившую его мысль.

— Чарли Молотилка, — объявил он изумленным слушателям. — Чарли Молотилка!

Сначала им показалось, будто владелец паба говорит о каком-то новом сельскохозяйственном агрегате, но он рассеял это заблуждение.

— Он видел! — добавил мистер Бересфорд. — Видел, как тот выходил из дома!

Фен попросил разъяснений.

— Чарли Молотилка, вот я о ком. — Мистер Бересфорд уже остыл от своего первого порыва и слегка сконфузился. — Надеюсь, вы не испортили свое платье, мисс Сэвидж?

— Нет, все в порядке, — заверила Дафна. — Расскажите нам, что видел Чарли Молотилка.

Она с еще большей силой стала тереть подол.

Но мистер Бересфорд уже пришел в себя. Он схватил со стойки тряпку и тщательно вытер стол. Только когда эта операция была закончена, а Фен заказал еще пинту пива, он вернулся к теме разговора.

— Вы меня спрашивали, сэр, не был ли мистер Сомерс как-то связан с матушкой Блай. И я ответил «нет», но совсем забыл про Чарли. Видите ли, Чарли немного не в себе. — Мистер Бересфорд постучал пальцем по виску. — На его слова трудно полагаться. Поэтому когда он сказал — это было во вторник, перед закрытием, — что видел, как мистер Сомерс накануне выходил из коттеджа матушки Блай, я не обратил внимания. Подумал, будто ему померещилось. Вот почему я не сразу вспомнил.

Он с видом кающегося грешника глотнул пива. Фен молчал: прикидывал, что можно извлечь из новой цепи событий, которая возникла перед ним за последние несколько минут. Мистер Тавернер обнаружил какие-то «старые вещи» в коттедже миссис Блай; мистер Тавернер говорил с Сомерсом; Сомерс посетил миссис Блай и после этого выглядел «веселым». Фен посмотрел на часы, висевшие над стойкой: стрелки показывали почти час.

— Вы ждете мистера Тавернера? — спросил он.

— Он приходит ровно в час. Будет с минуты на минуту, сэр. И он вам поможет, не сомневайтесь. Мистер Тавернер — образованный человек, сэр, и прекрасный проповедник.

— Проповедник?

— Да, хотя и без сана. Он читает проповеди по всему графству. Но сам совсем не святоша, — одобрительно добавил мистер Бересфорд. — В любой день, кроме воскресенья, непременно пропустит пинту.

Он замолчал и прислушался: на крыльце слышались шаги, и, как только часы пробили час, дверь распахнулась. В паб вошел мистер Тавернер, за которым робко и неуверенно последовал долговязый юноша.

Не считая одежды, заляпанной краской и испачканной в опилках, деревенский плотник больше походил на старшего дворецкого. У него было красное мясистое лицо с мешками под глазами и широкая фигура, напоминавшая по форме грушу. Все в его внешности было внушительно и тяжеловесно. Половицы скрипели под весом тела. Из нагрудного кармана торчало долото. Сильным и звучным голосом почтенного пастора он пожелал собравшимся хорошего дня. Затем, с достоинством прошествовав к стойке, потребовал пинту горького пива, которое мистер Бересфорд немедленно налил ему, и предоставил юноше сделать собственный заказ. Далее последовал короткий разговор, по завершении его мистер Тавернер с тем же грузным и несокрушимым видом проследовал к столику Фена и Дафны. Он отвесил даме почтительный поклон и повернулся к профессору.

— Полагаю, сэ, — произнес он, — вы не откажете мне в чести с вами познакомиться?

Фен встал, пожал ему руку и пригласил присесть. Мистер Тавернер пододвинул свободный стул, крепко ухватил его за спинку, основательно потрянул, проверяя, достаточно ли он надежен, и, поставив подальше от солнца, удовлетворенно опустился на сиденье. Потом, степенно сделав глоток пива, отодвинул кружку. Тощий юноша, получив полпинты легкого пива, сел от него слева и немного позади. Вероятно, он был кем-то вроде помощника или секретаря и испытывал к мистеру Тавернеру благоговейный трепет. Фен подумал, что, наверное, так же средневековые подмастерья относились к мастерам. Мистер Бересфорд удалился в дальний угол бара по каким-то хозяйственным делам.

Мистер Тавернер прочистил горло.

— Посреди мирской жизни, — сказал он, — нас подстерегает смерть. — Он смерил Фена оценивающим взглядом, словно подбирая ему подходящий гроб, и выдержал значительную паузу, чтобы дать возможность осмыслить его слова. — Смею вас заверить, сэ, я глубоко потрясен внезапной кончиной миссис Блай. Думаю, не будет преувеличением сказать, что буквально ошеломлен этой новостью. — Фен подумал, что редко видел человека, который был бы более устойчив к потрясениям, чем мистер Тавернер. — Не сомневаюсь, что мой помощник, мистер Тай, — он бросил холодный взгляд на юношу, — скорбит о ней так же, как и я.

— Да, мистер Тавернер, — послушно подтвердил мистер Тай.

— В общем, — продолжил мистер Тавернер, — я с удовольствием окажу вам любую посильную по-

мощь в поимке преступника. — Он осмотрелся по сторонам, будто оглядывая поле грядущей битвы, и воинственно взмахнул рукой. — Так же, как и мистер Тай.

— Да, мистер Тавернер, — отозвался тот.

— Это очень любезно с вашей стороны, — улыбнулся Фен. — Если не возражаете ответить на несколько вопросов...

— Мои ответы будут: «да», «да» и «нет», «нет», — величественно промолвил плотник. — Остальное, сэр, в ваших руках.

— Меня в основном интересует новая плита, которую вы недавно установили в коттедже миссис Блай.

— О, да! Признаюсь вам, сэр, что меня удивил данный заказ, и я не хотел за него браться. Верно, мистер Тай?

— Да, мистер Тавернер, — ответил тот.

— По понятным причинам у меня возникли сомнения, получу ли я достойную награду за свои труды. Но все вышло по-другому: я выполнил заказ и получил деньги. — Словно в доказательство своих слов, мистер Тавернер погремел в кармане монетами. — Прежний очаг, работавший на керосине, почти совсем развалился, и хотя миссис Блай, по правде говоря, не особенно заботилась о ведении хозяйства, готовить пищу ей все-таки приходилось. Сами понимаете, она...

— Я слышал, — кивнул Фен. — Вы обнаружили...

Мистер Тавернер поднял руку:

— Все мое время, сэр. Я как раз к этому и веду. Чтобы поставить новую плиту, мне пришлось разобрать старую печь. Мистер Тай подтвердит, что это дельце не из легких.

— Нет, мистер Тавернер, — сказал тот. — То есть я хотел сказать: да, мистер Тавернер.

Плотник смерил его уничтожающим взглядом, но воздержался от комментариев.

— В общем, я стал вытаскивать кирпичи из кладки. И что я обнаружил? Тайник, сэр, тайник! — Он хлебнул пива, видимо, очень довольный своим рассказом. — Сухая ниша, сэр, — продолжил он, — выложенная известью. Романтично, правда? — Тут мистер Тавернер улыбнулся лукавой и снисходительной улыбкой. — Вот только, увы, никакого сокровища там не оказалось. Ничего, кроме медальона и стопки старых бумаг. Естественно, я сообщил миссис Блай о своей находке.

— Да, да. — Фен уже не мог скрыть нетерпения. — Но что было в бумагах?

— Я сообщил миссис Блай о своей находке, — твердо повторил мистер Тавернер, словно не замечая неуместной взволнованности Фена, и Дафна успокаивающе положила руку на ладонь профессора. — Боюсь, она была разочарована. Полагаю, у мистера Тая сложилось аналогичное впечатление.

— Да, мистер Тавернер, — торопливо поддакнул тот.

— Разумеется, она надеялась, что там окажется нечто ценное, какая-нибудь вещь, которую можно продать. Правда, в тайнике нашелся медальон, а он был серебряный, так что она могла выручить за него несколько фунтов. «А как насчет бумаг, мистер Тавернер? — спросила она. — Я смогу их продать?» Сами понимаете, сэр, я только рассмеялся. «Кому нужны старые бумаги? — сказал я. — Письма можно смело бросить в печку. А вторую пачку, если хотите, попробуйте отдать в музей: вдруг там заплатят пару фунтов». Вы не представляете, сэр, что она мне отве-

тила! Она сказала: «Сто фунтов, мистер Тавернер, вот сколько я с них запрошу. А если откажутся платить, я все брошу в огонь». — У Фена вырвалось нечто вроде стога. — Мы потом здорово над ней смеялись.

Профессор выдавил улыбку. Он так крепко вцепился в спинку своего стула, что у него побелели пальцы.

— Вы можете описать, как выглядели бумаги, мистер Тавернер?

— Несомненно, они были старыми. Очень старыми. Пожелтевшими от времени и потрепанными по краям. Я прав, мистер Тай?

— Да, мистер Тавернер.

— В двух пачках лежали рукописи, написанные одним почерком, ветхие и сильно выцветшие. Одна, как я уже сказал, содержала частные письма. А в другой оказались какие-то стихи, хотя, по правде говоря, их название мне ни о чем не говорило.

Фен подался вперед:

— Что это было за название?

— «Вознагражденные усилия любви», — ответил мистер Тавернер.

Профессор уставился на него так, словно увидел призрака; пожалуй, в каком-то смысле так и было. Произошло нечто невероятное. Он быстро прикинул: Стрэтфорд всего в четырнадцать милях отсюда. И все же он не мог в это поверить.

Даже мистер Тавернер был поражен произведенным им эффектом. У него отвисла челюсть, и он застыл на месте, вытаращив глаза на Фена и начисто забыв про свой помпезный вид. Мистер Тай, ошарашенный, недоуменно переводил взгляд с одного на другого. Дафна сидела неподвижно, чувствуя, что про-

изошло нечто экстраординарное, но не понимая, что это может значить. Минуту-другую царило молчание.

Фен пришел в себя первым; все это время в голове у него крутилась только одна мысль: «Не может быть». Он заставлял себя не думать о такой возможности; но если это правда, если действительно случилось, если письма — письма! — сгорели в печке... Его передернуло. Разумеется, это объясняло убийства: ставки были очень высоки.

Взяв кружку, профессор допил остатки пива, и в следующий момент все вернулось в норму. Плотник закрыл рот, мистер Тай погрузился в раболепное молчание, а Дафна выглядела немного удивленной. Солнце искрилось на бутылках и кружках позади стойки, а на окне раздраженно звенела муха. Фен пробормотал:

— Вы нам очень помогли, мистер Тавернер, очень помогли...

Эта фраза была свидетельством его железной выдержки: ему хотелось схватить его за шею и вышибить из него дух.

— О, вы мне льстите, — промолвил тот, что было чистой правдой. — Вы мне льстите.

Фен услышал вдалеке шум машины — видимо, ехало его такси. Ему осталось задать один вопрос, но он уже знал, каким будет ответ.

— Скажите, мистер Тавернер, в понедельник вечером вы, случайно, не говорили об этих бумагах мистеру Сомерсу, школьному учителю?

Плотник с удивлением посмотрел на него.

— Говорил. Его это очень заинтересовало.

Машина остановилась у дверей. Фен поднялся с места.

— Да, — произнес он, — да, еще бы. Возможно, вам будет интересно узнать, мистер Тавернер,

что вы косвенно ответственны за убийство трех человек и прямо — за уничтожение частной собственности стоимостью, по самой приблизительной оценке, в миллион фунтов стерлингов. Надеюсь, впредь вы воздержитесь от того, чтобы давать дилетантские советы насчет чужой собственности, и сосредоточитесь исключительно на своих отвертках и стамесках. Всего доброго.

В тишине профессор вышел во двор. Он уже открывал дверцу такси, когда к нему подскочила Дафна.

— Вот черт! — воскликнула она. — Что это было?

Фен все еще дрожал от ярости, но заставил себя улыбнуться.

— Простите, — сказал он, — мне не следовало втягивать вас в это.

— Все в порядке. Но о чем шла речь? Что такое «Вознагражденные усилия любви»?

— Это утраченная пьеса Шекспира, — объяснил Фен, — о которой никто не слышал с одна тысяча пятьсот девяносто восьмого года. Не думаю, что ее сожгли, но сейчас она находится в руках убийцы. Извините, я тороплюсь. — Он сел в такси. — Я обязательно напомню мистеру Пламстеду, что он может поселиться у вас в деревне.

Машина тронулась с места, а Дафна осталась растерянно смотреть ей вслед.

Глава 10

РАЗМЫШЛЕНИЯ СРЕДИ МОГИЛ

Обед в доме директора был делом серьезным и официальным. На нем присутствовали: мисс Пэрри, казначей школы, два или три заведующих пан-

сионом, секретарь общества выпускников, мэр Кэстривенфорда и все члены городского совета. Когда прибыл Фен, гости пили херес и мартини в уютной гостиной, под окнами которой хмуро рыскал Винни-Пух — ни дать ни взять призрак Кэтрин Эрншо из «Грозового перевала». Фена едва успели представить, как гонг возвестил о начале трапезы.

Сам обед, хотя и сдобренный должной порцией веселья, проходил не совсем гладко. Глава совета, самоуверенный и болтливый коротышка, очевидно, считал, что это самое подходящее время для анекдотов, и рассказывал их без перерыва от первого блюда до последнего. При этом большинство его историй были настолько неясны и запутанны, что ему приходилось разъяснять их смысл. Не помогало делу и то, что Фен и директор, стараясь избежать этих толкований, пару раз смеялись невпопад. Впрочем, если не считать излишней говорливости председателя, механизм светской вечеринки работал более или менее исправно, и Фен мог наслаждаться беседой с сидевшей рядом мисс Пэрри.

— Мне иногда кажется, — произнесла она, — что в подобных событиях есть какой-то надрыв, нечто вызывающее сострадание.

Профессор посмотрел на лица сидевших за столом гостей и не заметил в них никаких следов надрыва.

— Я говорю не про обед, — сухо объяснила мисс Пэрри, — а про праздник в целом. — Фен выразил вежливое недоумение. — Точнее, об отношениях между родителями и детьми. Кстати, эта спаржа отдает жестью.

Фен попробовал и согласился.

— Так что насчет отношений? — спросил он.

— Мне кажется, многие мальчики втайне боятся, что родители их как-нибудь скомпрометируют. — Мисс Пэрри допила свой бокал и оглянулась на служанку, которая поспешила наполнить его. — И родители, конечно, это понимают. Приезжая сюда, отцы из всех сил стараются выглядеть обаятельными, умными и успешными, а матери надевают свои лучшие наряды, надеясь, что друзья сыновей сочтут их молодыми, привлекательными и элегантными. — Она вздохнула: шампанское было одним из немногих вещей, способных настроить мисс Пэрри на сентиментальный лад. — Разумеется, на деле все решают деньги.

Фен кивнул:

— Да, когда я был мальчиком, мне тоже приходилось испытывать нечто подобное. Но я стыдился этого чувства и стыжусь сейчас. Хотя, согласен, тут есть причины для сочувствия.

— Только не у девочек, — добавила мисс Пэрри. Она потянулась за вторым бисквитом и разломил его пополам. — За исключением, пожалуй, внешности отцов, которую в любом случае невозможно изменить. Девочка с красивым отцом находится в более выгодной позиции, но все понимают, что это дар от бога, так что никто не ревнует.

— Раз уж мы заговорили о ваших девочках. — Фен понизил голос. — Что вы думаете об исчезновении Брэнды Бойс?

— Значит, вы об этом слышали?

Фен уловил в ее голосе холодные нотки. Директриса, очевидно, считала, что это дело находится в ее личной компетенции, и не хотела, чтобы о нем трубили на всех углах.

— Досадная история, — тактично добавил Фен. — Но вы сделали все, что могли.

Мисс Пэрри немного оттаяла.

— Профессор Фен, я уверена, что ее письмо поддельное.

— Неужели?

— Оно написано ее рукой, но стиль иной. Какой-то сухой и принужденный. Не сомневаюсь, что письмо ей продиктовали.

— Под давлением?

— Возможно. — Голос мисс Пэрри дрогнул. — В любом случае было легко подкинуть конверт через открытое окно.

Ее слова подтверждали то, что Фен подозревал с самого начала. Разумеется, преступник совершил ошибку: трюк с письмом был ненужным и рискованным поступком. Он мог просто убить девушку и оставить все как есть.

На него вдруг накатила тошнота, и глоток шампанского, который он сделал, пытаясь с ней справиться, лишь ухудшил ситуацию. Как это случилось? Удар или выстрел сзади? Знала ли она, что с ней произойдет? Рыдала, умоляла пощадить? Или молчала, стиснув зубы? Боролась, пыталась убежать? Ей было всего шестнадцать лет. Шестнадцать! К тому же — Фен только теперь это понял — в ее смерти не было бы никакой нужды, если бы убийца согласился немного изменить свой план и взять на себя чуть больше риска. В эту минуту она могла бы сидеть дома с родителями, обедать, смеяться в радостном предвкушении вечернего спектакля...

Но профессор не доверял вспышкам праведного негодования. Он быстро подавил этот импульс, и тот угас.

После обеда он выбрал время и позвонил Стэггу в участок.

— Мотив, — без предисловий объявил Фен. — Кажется, я его знаю. Убийство миссис Блай связано с двумя другими.

— Любопытно, сэр, — подчеркнуто вежливо отозвался Стэгг. — Как вы это выяснили?

— Сейчас нет времени рассказывать. Мне нужно идти на выступления. Сможете встретиться со мной часа в четыре?

— Если эта задержка не повредит расследованию.

— Нет. К тому же мне бы хотелось получить отчеты насчет алиби.

— Уверен, к этому времени они будут готовы, сэр.

— Прекрасно. Пламстед все еще у вас?

— Да, сэр. Но мы не можем устроить его ни в одну гостиницу.

— Посоветуйте ему остановиться в пабе Рэйвенсуорда. Та молодая женщина — Дафна Сэвидж...

— Да, да, сэр, — перебил Стэгг, сразу уловив суть проблемы. — Я и сам об этом думал. Я ему передам.

— Надеюсь, вы больше не подозреваете его в убийстве миссис Блай?

— Нет, сэр.

— Вот и замечательно. Потому что он тут ни при чем. До встречи.

Фен повесил трубку и отправился наверх, чтобы облачиться в мантию доктора философии. Вся компания постепенно стала перемещаться на школьную площадку.

Они прибыли туда почти в половине третьего, когда толпа родителей и учеников уже входила в здание. На лицах гостей были написаны обреченность и уныние людей, решившихся ради соблюдения при-

личный выдержать пару часов ужасной скуки. И только горстка отцов, просидевших весь обед в местном баре, выражала нечто похожее на веселье. Немалая часть публики отправилась смотреть крикет: матч уже начался, и Фен, заходя в корпус через боковые двери, с сожалением бросил взгляд на зеленое поле, где белые рубашки игроков пестрели на фоне солнечной лужайки. Часы на Доме Хаббарда пробили половину четвертого. Под сдержанный гул зрителей Фен, директор и члены городского совета поднялись на сцену.

Здание внутри было таким же голым, как снаружи. К тому же внешне оно выглядело ненадежным: казалось, что его выстроили из картона, и набившаяся в него публика могла запросто проломить стены и вывалиться наружу. Воздух в зале был спертый, и зрители усиленно обмахивались буклетами с программкой. Впереди на жестких деревянных лавках сидели учителя с кислыми лицами, выражавшими все промежуточные стадии между легкой апатией и глубокой комой. Позади в центральной части зала обливались потом бесчисленные родители. А на верхней галерее, где старые часы с незапамятных времен застыли на без четверти одиннадцать, томились плотно утрамбованные ученики: все, кроме получателей наград, которых уже выстроили в шеренгу в боковом коридорчике, примыкавшем к сцене. Все это шепталось, ерзало и шаркало ногами. Кто-то пытался открыть заклинившее окно. В стеклянные двери под балконом с улицы заглядывали расплывчатые лица.

Фен, директор и глава совета устроились на помосте позади длинного стола, заваленного книгами. Слева от него шуршал бумагами Солтмарш — в его

обязанности, помимо всего прочего, входила покупка и организация раздачи наград. За их спиной на стоявших полукругом стульях разместились члены совета, выполнявшие декоративную роль, но имевшие торжественный и важный вид. Тишину нарушали приступы кашля. Наконец глава совета поднялся с места и произнес речь.

Он говорил длинно, расплывчато, шутливо и нравоучительно. Когда это бесконечное выступление закончилось — публика с облегчением приветствовала его аплодисментами, — встал директор и вкратце описал учебные и спортивные достижения за последний год, традиционно выразив надежду на грядущие успехи. В заключение он представил Фена, который сумел уложиться ровно в пять минут, чем заслужил горячую симпатию собравшихся в зале. После этого он раздал награды. Солтмарш читал по списку имена, а Фен брал со стола книги и вручал их соответствующим мальчикам, крепко пожимая им руки под всплеск аплодисментов. Один из учеников, не выдержав духоты и серьезности обстановки, упал в обморок, и его унесли.

— Кто-нибудь всегда падает в обморок, — меланхолично заметил директор.

Наконец Уимс, учитель музыки, сел за фортепиано и заиграл школьный гимн, аккомпанируя учащимся, которые не столько пропели, сколько проревели его с бурной радостью тюремных узников, выпущенных на поруки. Родители, не зная слов, стояли с суровым видом и раскрывали рты в самых неожиданных местах. На этом торжественная часть завершилась.

Фен оставил мантию в передней, пожал руку главе совета и, заверив директора, что непременно придет на его садовый вечер, вышел на свежий воздух.

Стэгг уже ждал его на улице с портфельчиком в руке, с утомленным видом человека, который тщетно пытается сложить в уме несколько огромных сумм. Обменявшись приветствиями, они переместились по сухой траве в сторону Давенанта и вскоре оказались на достаточном расстоянии от толпы, медленно растекавшейся вокруг площадки для крикета или дрейфовавшей к директорскому кабинету.

— Итак, сэр, — начал Стэгг, — я обедал с начальником полиции. Он позвонил в Скотленд-Ярд, и завтра утром они пришлют своих людей. Не скрою, для меня это большое облегчение.

Фен покачал головой:

— К тому времени, когда они приедут, здесь уже нечего будет делать.

Суперинтендант пристально взглянул на профессора:

— Значит, та информация, о которой вы говорили...

— Сейчас я думаю не о ней. — Фен рассеянно огляделся по сторонам. — Давайте где-нибудь присядем и поговорим.

Неподалеку стояла лавочка, утонувшая в кустах лавра. Они сели на нее и закурили. Фен отмахнулся от осы, назойливо кружившейся у него перед носом.

— Короче, дело вот в чем, — сказал он. — Мотивом преступления послужила рукопись Шекспира и, вероятно, некоторые его письма.

Стэгг выглядел скорее озадаченным, чем удивленным.

— Рукопись, сэр? Она представляет какую-то ценность?

— Да, огромную. Полагаю, не менее миллиона долларов.

— Миллиона? — Стэгг усмехнулся. — Вы шутите, сэр?

— Нет, я говорю серьезно. А если добавить письма, сумма будет в два раза больше.

Суперинтендант, посмотрев в лицо Фену и не увидев в нем никаких намеков на розыгрыш, стал серьезным.

— Надеюсь, вы мне объясните, сэр. Я мало разбираюсь в подобных вопросах.

Фен сорвал лавровый лист и стал отрывать от жилочек зеленую мякоть:

— Вкратце дело обстоит так. В мире существует четыре автографа Шекспира, причем во всех четырех случаях это просто подписи: три на завещании и одна — на свидетельском показании, данном в суде в одна тысяча шестьсот двенадцатом году.

Стэгг поерзал на скамейке:

— А как же его пьесы?

— Оригинальных рукописей нет, только печатные копии: ин-кварто, ин-фолио и так далее. Любой из этих экземпляров стоит десятки тысяч фунтов.

Суперинтендант кивнул:

— Понимаю, сэр. Значит, полная пьеса Шекспира, написанная его собственной рукой...

— Вот именно. Сама мысль об этом кажется невероятной. В Америке наверняка найдутся люди, которые выложат за нее миллион и более. И это еще не все. Дальше будет интереснее.

Стэгг уставился на кончик своей сигареты.

— Продолжайте, сэр.

— Пьеса, о которой идет речь, называется «Вознагражденные усилия любви».

— О, да, сэр. Помнится, я читал ее в школе. Про парней, которые собрались посвятить себя уче-

бе, а их постоянно отвлекали какие-то девчонки. — Стэгг неодобрительно покачал головой. — И закончилось все как-то бестолково.

— Бестолково или нет, — возразил Фен, придерживавшийся, впрочем, примерно того же мнения, — но вы говорите про «Бесплодные усилия любви», а это совсем другая пьеса. Кстати, у вас на воротнике сидит паук.

— Паук к деньгам, — заметил Стэгг, осторожно перенеся его на листочек. — Хотя, если верить вашим словам, ему следует ползать по кому-то другому. Так что там насчет пьесы?

— Никто ее не видел и не читал с одна тысяча пятьсот девяносто восьмого года, когда Шекспиру было тридцать четыре.

Стэгг с сомнением сдвинул брови:

— Но пьеса Шекспира не могла исчезнуть просто так.

Фен прицелился пеплом сигареты в паука, который мирно сидел на травинке, размышляя о своих проблемах.

— Почему же нет? — возразил он. — Многие пьесы Елизаветинской эпохи исчезли без следа, например «Собачий остров» Джонсона и Нэша. Пожалуй, мы вообще бы не знали про «Вознагражденные усилия любви», если бы не одно обстоятельство.

— Какое же?

— В одна тысяча пятьсот девяносто восьмом году ученый Фрэнсис Мирес опубликовал книгу под названием «Сокровищница ума», одна из глав которой называется «Сравнительное описание наших английских поэтов по отношению к греческим, латинским и французским». В этой главе автор говорит о Шекспире, которого боготворил, и приводит список его

пьес. Возможно, он не полный, но в данном случае это неважно: «Из комедий он написал „Два веронца“, „Комедию ошибок“, „Бесплодные усилия любви“, „Вознагражденные усилия любви“, „Сон в летнюю ночь“ и „Венецианский купец“». Как видите, наша пьеса здесь есть. Тот факт, что в списке не упоминается «Много шума из ничего», написанная до одна тысяча девяносто восьмого года, заставил критиков предположить, что «Много шума» — просто другое название «Вознагражденных усилий любви». Но это всего лишь догадки. Правды никто не знает.

— Боже мой, — пробормотал Стэгг, удивленный такими тонкостями шекспироведческой науки. — Вот уж не думал, что все так сложно. — Он покачал головой. — В любом случае, сэр, факт, что эта пьеса новая, — в смысле, что никто ее не читал, — увеличивает стоимость находки, правда?

— Безусловно. И потом, не забывайте про письма, если они, конечно, еще существуют. Не считая нескольких литературных посвящений, нам неизвестно ни одного письма Шекспира, напечатанного или написанного от руки. Вы понимаете, что это значит?

Суперинтендант медленно кивнул.

— Слава, сэр, — ответил он, помолчав. — Подумать только, поэт — поэт! — умер четыреста лет назад, а теперь знаменит настолько, что его рукопись готовы купить за миллион. — Стэгг наморщил лоб и вдруг процитировал: — «Я пару бы имел обломанных клешней и бегал бы по дну морей безмолвных». Наверное, речь идет о крабе или лобстере. Как вы думаете, парень, написавший эти строчки, будет стоить миллион четыреста лет спустя?

Фен рассмеялся:

— Не знал, что вы поклонник мистера Эллиота, суперинтендант.

— Не я, сэръ, моя дочь. Ей пятнадцать лет, но она развита не по годам и без ума от современных поэтов. Я как-то взял одну из ее книжек. Чудно написано. Не могу сказать, что мне не нравится, просто я мало что понял. Чувство такое, будто там что-то есть, вот только ухватиться никак не удается. Однако, — Стэгг взмахом руки отмел эту литературную дискуссию, — давайте лучше к делу. Допустим, манускрипт стоит бешеных денег, но как вы об этом узнали?

Фен рассказал ему о своей беседе с мистером Бересфордом и мистером Тавернером.

— Теперь мы можем легко восстановить цепочку событий, — заключил он. — Сначала Тавернер находит рукописи и миниатюру. Затем рассказывает о них Сомерсу. Тот идет к миссис Блай и возвращается довольным. Миссис Блай отправляется навестить своего сына, который живет неизвестно где. Лав — если это был Лав — ищет ее, но безуспешно. Дальше совершаются три убийства.

— Из чего можно сделать вывод, что Сомерс купил рукопись.

— Верно. Вот почему он читал «Четвертый подлог». Но я не говорю «купил», скорее — только собирался. Вспомните, он приходил к миссис Блай во вторник вечером, а деньги в банке взял вчера.

— Да, сто фунтов. Ведь столько она хотела запросить за манускрипт? Правда, Сомерс мог забрать его уже во вторник, пообещав заплатить за них позднее, когда она вернется от сына.

Фен усмехнулся:

— Миссис Блай мне не кажется доверчивой особой. Кроме того, если бы Сомерс получил рукопись,

никому не понадобилось бы убивать миссис Блай. Нет, я думаю, документ так и не попал в руки Сомерса.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Стэгг. — Кто-то убил Сомерса, чтобы помешать ему приобрести рукопись, а потом убил миссис Блай, чтобы ее украсть. Ему пришлось убить миссис Блай, иначе она бы рассказала, что Сомерс хотел купить манускрипт, и тогда преступника также связали бы со смертью Сомерса. — Он нахмурился и шелкнул пальцами. — Нет, не сходится. Слишком много дыр — не версия, а решето. Почему этот парень не мог просто перекупить находку? Зачем убивать?

— Наверное, у него не было денег. Или Сомерс заставил миссис Блай подписать договор о продаже.

— Договор с отсроченным платежом, — скептически скривился Стэгг, — мало чего стоит.

— Но, мой дорогой суперинтендант, миссис Блай вряд ли это знала.

— Хорошо, сэр. Пусть будет так. Но наши трудности на этом не заканчиваются. Если поставить вопрос ребром — почему он просто не забрался к ней дом?

Фен бросил окурок в лавровые кусты и снова закурил.

— Вы правы, — признал он, — это трудный вопрос. Но на него можно ответить. Видите ли...

— Я сам могу ответить на свой вопрос, — со вздохом пробормотал Стэгг. — В доме была попытка кражи. Мы нашли разбитое окно, хотя погода в это утро и во все предшествующие дни...

— Ясно. — Фен выпустил изо рта колечко дыма. — Красиво получается, не правда ли? Я хочу сказать, что миссис Блай, узнав, что у нее в руках на-

ходится нечто ценное, либо спрятала рукописи понадежнее, либо увезла их с собой. Второе более вероятно.

— Допустим, что дело было так. Сомерс узнает о манускрипте. Кто-то другой тоже об этом узнает. И этот «кто-то» проникает в дом, но не находит то, что ищет. Тогда он убивает Сомерса, поскольку не может перекупить у него находку или по какой-нибудь иной причине. А потом убивает миссис Блай, потому что...

— Потому что не может ни заплатить за рукопись, ни найти ее без помощи миссис Блай.

— Да, сэр. Все сходится — по крайней мере, на первый взгляд.

Они замолчали. С крикетной площадки доносились удары биты по мячу и вялые аплодисменты. Время от времени кто-то из игроков сбивал калитку с перекладины или устраивал «кот-аут»: реакция публики в обоих случаях была примерно одинаковая.

— Единственное, чего я не понимаю, сэр, — задумчиво добавил Стэгг, — каким образом тут замешан Лав.

— Помните, в его незаконченной записке есть фраза: «...которые нельзя охарактеризовать иначе, как откровенное мошенничество»? Когда люди говорят, мол, что-то нельзя «охарактеризовать иначе, как», обычно они подразумевают, что другие могут посмотреть на это дело не так. Я думаю, Лав имел в виду какие-то неприглядные действия, которые не противоречат закону напрямую, но сомнительны с точки зрения морали.

— Например, покупка рукописи у старушки, не знающей ее настоящей ценности, за сотню фунтов, хотя она стоит миллион?

— Да. Видимо, Лав узнал о готовящейся сделке и решил рассказать миссис Блай, что на самом деле находится у нее в руках. Вот почему он спрашивал о ней в «Маяке».

— И вот почему его убили. Да, такие деньги могут толкнуть человека на убийство, и если Лав пытался ставить палки в колеса... Тут есть нестыковка. Манускрипт собирался купить Сомерс, но он не мог убить Лава. Медики говорят, что убийство произошло не ранее десяти часов. Но с десяти до одиннадцати, когда Сомерса нашли мертвым, он пятьдесят пять минут заполнял свои отчеты. Сомерс просто физически не мог за пять минут добраться до дома Лава, убить его и снова вернуться в учительскую комнату.

— Не забывайте, — мягко напомнил Фен, — что Лав написал о двух коллегах, замешанных в мошенничестве.

— Ах, да. Это выпало у меня из памяти. Простите, сэр, но если Сомерс вступил с кем-то в сговор, тогда все выглядит странно. Это ставит под сомнение те мотивы, о каких мы только что говорили, — относительно убийств самого Сомерса и миссис Блай. Какой смысл было убивать ее, если оба сообщника могли заплатить ей деньги? А они, как мы знаем, могли. Что касается Сомерса...

— Возможно, кто-то вел двойную игру, — предположил Фен.

— Не исключено. — Было ясно, что Стэгга беспокоит эта тема. — В общем, в связи с новой информацией я должен предпринять определенные шаги. Во-первых, обыскать весь коттедж снизу доверху, а во-вторых, удостовериться, что именно Лав был тем человеком, который расспрашивал в «Маяке» о миссис Блай.

Он достал носовой платок и вытер свое красное лицо.

— И еще, сэра. Есть ли вероятность, что эти рукописи — подделка?

— Я много об этом думал, — ответил Фен. — Вопрос интересный. И мой ответ — нет. Тут две возможности. Первая — современная подделка, в которой, так или иначе, замешаны миссис Блай и мистер Тавернер. Но мне это кажется невероятным. Деревенский плотник и пьяная старуха фабрикуют рукопись Шекспира? Помилуйте.

— А они являлись посредниками?

— Вряд ли. Но взгляните на финансовую сторону. Три человека, долгие недели упорного труда — и сколько они за это просят? Жалкую сотню фунтов.

— На сей счет у нас есть лишь слова Тавернера.

— Не только. Сомерс снял в банке сотню фунтов. Я беседовал с Тавернером и уверен, что он говорил чистую правду и все произошло именно так, как он сказал. Остается другая возможность — когда-то в прошлом некий шутник с извращенным чувством юмора спрятал в очаге свою подделку, чтобы одурачить тех, кто ее найдет.

— Вряд ли, сэра, — возразил Стэгг. — Шутники всегда любят посмотреть на то, какой эффект производят их шутки.

— Согласен, звучит нелепо и неправдоподобно. Я всего лишь говорю, что подобная возможность существует. Но самый главный аргумент против данной версии — миниатюра, подлинная вещь Елизаветинской эпохи. Прятать ее вместе с фальшивыми бумагами только для того, чтобы создать колорит эпохи — это уж чересчур.

Суперинтендант вытащил из кармана медальон и внимательно рассмотрел его.

— Как вы думаете, сэр, — он почтительно понизил голос, — это он?

— Может быть, — ответил Фен.

— Не похоже на те портреты, какие я видел раньше.

— Пожалуй. Здесь великий бард моложе, чем на стрэтфордском бюсте или гравюре Дройсхута, где он смахивает на свинью. Кроме того, я не верю, что бюст в Стрэтфорде действительно изображает Шекспира: такой человек не мог бы написать «Короля Лира». — Фен выпрямил спину. — Никаких подделок, мой дорогой Стэгг. Я уверен. Только подумайте — Стрэтфорд совсем рядом. — Профессор снова откинулся на скамейку. — Его письма, — мечтательно пробормотал он. — Они могли бы многое прояснить в сонетах. Неужели эта ужасная женщина действительно их уничтожила? И кто жил в этом доме в последнее десятилетие шестнадцатого века? В церковных книгах должны остаться записи. Наверное, какая-нибудь смазливая девица, к которой он ездил, когда уставал от Анны. Молодая красотка. В одна тысяча пятьсот девяносто третьем году ему было двадцать девять.

Но Стэгг не собирался погружаться в пучины сомнительных версий.

— Насчет подделок и прочего — есть еще один момент, сэр, о котором я хотел бы упомянуть. Собирая сведения о местных людях, я узнал много странных вещей, и одна из них — то, что Гэлбрейт, секретарь директора, увлекается старыми манускриптами и хорошо разбирается в подобном.

— Правда? — воскликнул Фен. — Интересно, не говорил ли с ним Сомерс на эту тему? Вряд ли он

стал бы выбрасывать сотню фунтов неизвестно на что. Надо будет спросить его, когда мы увидимся. Но что я действительно хотел бы знать — кто жил в том коттедже.

— А я, — мрачно промолвил Стэгг, — хотел бы выяснить, кто совершил убийства.

— Ваши отчеты об алиби уже готовы?

— Они в этом портфеле.

— Прекрасно, — кивнул Фен. — Так чего мы ждем?

Глава 11

ДУМАТЬ, ЧТОБЫ ОШИБАТЬСЯ

Стэгг открыл портфель и достал пачку аккуратно исписанных листов.

— Результаты не слишком впечатляющие, сэр, — заметил он. — Конечно, мы отсеяли множество людей, но у нас осталось четверо — или скорее три с половиной.

— С половиной? — удивился Фен. — Кого вы имеете в виду? Надеюсь, не ученика?

— Нет, нет, сэр. Человека, который мог убить Лава, но не Сомерса. Я говорю про Гэлбрейта.

Профессор усмехнулся:

— Гэлбрейт не убивал Лава. — Ему только теперь пришло в голову, что Стэгг, похоже, вообще не понимает, что происходит. — Какое у него алиби?

Стэгг пролистал бумаги и нашел нужную запись.

— Он говорит, что весь вечер с половины восьмого находился у себя дома. Поскольку он не женат, ему ничего не стоило выйти и вернуться незамеченным.

— Где Гэлбрейт живет?

— В Снэгсхилле. Недалеко отсюда. Как и большинство учителей. В половине одиннадцатого он позвонил капеллану, чтобы уточнить детали утренней службы, и заметил какие-то нестыковки. Поэтому приехал сюда, чтобы обсудить проблему с доктором Стэнфордом, и находился здесь с десяти сорока пяти до тех пор, пока не обнаружили убитых. Понимаете, что это означает? Ведь Сомерса убили почти в одиннадцать.

Фен вздохнул:

— Да, я понимаю, что это означает. Кто еще остался в числе подозреваемых?

Стэгг снова сверился с бумагами:

— Например, Матисон.

— Ах, да. Постановщик пьесы.

— Он был на заседании Календарного комитета, где его видели все присутствовавшие, с девяти тридцати до десяти сорока четырех. Потом один пошел домой. Там, по его словам, находился до одиннадцати часов вечера. Но никто не может подтвердить это.

— Где Матисон живет?

— Рядом с Лавом. А это довольно далеко. Дорога занимает примерно четверть часа. Но проблема в том, что он мог прийти домой незамеченным в любое время, вплоть до полуночи. Матисон живет с семьей в частном доме — с квартирами у нас вообще плохо, — и до двенадцати ночи там никого не было.

— Ясно. Следующий кандидат?

— Филпотс, — ответил Стэгг. — Учитель химии, обнаруживший пропажу в своем шкафчике. Он тоже находился на заседании Календарного комитета в то же время. Затем отправился домой и пришел, по его словам, без пяти минут одиннадцать. Это соответ-

ствуется пройденному расстоянию, но, опять же, никто не может подтвердить это. Его жена до полуночи была на вечеринке, а дети спали. У него восемь детей, — пояснил Стэгг. — Восемь, — повторил он, видимо, потрясенный подобной плодовитостью. — И никто не слышал, как он вернулся. Они с женой спят в разных комнатах — неудивительно, при восьми-то детях, — так что, по сути дела, никто не видел его с вечера до следующего утра.

— Да, — задумчиво протянул Фен. — Я хотел спросить о другом. Вы вчера говорили с Филпотсом насчет того шкафчика?

— Да, сэр.

— Он вам сообщил, в каких случаях его можно открывать и кто имеет к нему доступ?

— Все учителя точных наук, а их шесть. Шкафчик всегда закрыт, если в комнате нет преподавателя. Филпотс сказал, что они строго соблюдали это правило.

— Хорошо. — Фен достал из кармана носовой платок и аккуратно покрыл им голову, защищаясь от солнца. В таком виде он стал похож на лукавого бедуина. — Вопрос второстепенный, но все-таки важный. А третий подозреваемый?

— Этеридж. У него вообще нет алиби на вечер. Уэллс видел, как в десять часов он выходил из Дома Хаббарда. Учитель сказал, что отправится на прогулку, и вернулся домой только без четверти двенадцать. Вообще, — желчно усмехнулся Стэгг, — я не доверяю людям, гуляющим по ночам. Это естественно.

— Знаете, в вашем списке есть одно серьезное упущение, — произнес Фен.

— Упущение? Что вы имеете в виду?

— Я говорю об Уэллсе, суперинтендант. О безупречном Уэллсе. Все время с десяти до одиннадцати часов он сидел один в своем кабинете, не так ли?

Стэгг вытаращил на него глаза:

— Сэр, вы абсолютно правы. Я велел сотрудникам, чтобы они не трогали его, потому что он уже дал свои показания... а потом совсем о нем забыл. — Суперинтендант поспешно достал карандаш и сделал пометку на одном из листков. — Уэллс. Да, конечно, у него была возможность.

— Вы проверили персонал школы? Включая администрацию — например, казначея, — а не только учителей?

— Да, сэр. Даже смотрителя спортивного инвентаря. Кроме обслуживающего персонала. Может, их тоже включить?

— Нет, — возразил Фен. — Это будет напрасной тратой времени. По-вашему, этим алиби можно доверять?

— Думаю, да, сэр. Вчера вечером состоялось много мероприятий, так что любые показания легко проверить. Все, кого можно исключить из списка, действительно невиновны.

Профессор взял у него бумаги и внимательно просмотрел их. Не считая того, что он уже услышал, там не было ничего интересного. Фен лишь отметил, что между десятью и одиннадцатью казначеями, командующий кадетами, школьный доктор и библиотекарь вместе играли в бридж в доме казначея и подтверждали алиби друг друга.

— Следующее, что нужно сделать, — заметил он, вздохнув, — установить алиби по убийству миссис Блай.

Стэгг кивнул:

— Да, это у нас на очереди.

— В котором часу ее убили?

— Пламстед говорит, между пятью и десятью минутами двенадцатого.

— Во время спортивного парада. Значит, Этеридж тут ни при чем. Я разговаривал с ним в это время.

— Другие учителя тоже присутствовали на параде?

— Немногие. По крайней мере, далеко не все.

— Филпотс?

— Я с ним не встречался. Не знаю, как он выглядит.

— Матисон?

— Нет, его вроде не было.

— Уэллс?

— Его я тоже не заметил. Впрочем, я не приглядывался. — Фен взглянул в унылое лицо собеседника. — Скажите, суперинтендант, что вы сами думаете об этих пятерых?

Стэгг убрал бумаги в портфель, закрыл на замок и поставил на траву рядом со скамейкой. Посмотрел по сторонам: на верхние окна в Доме Хаббарда, на безоблачное небо и на верхушки буков у реки и на саму реку, прохладно серебрившуюся среди зелени. Все это его не вдохновило.

— Трудный вопрос, сэр, — наконец произнес он. — Чертовски трудный. Я как раз об этом размышлял, пока ждал вас на улице. — Он потрогал усы, словно сомневаясь, на месте ли они. — Возьмем, к примеру, убийство Лава. Его нашли мертвым в одиннадцать, а Матисон и Филпотс ушли с собрания только без четверти — слишком мало времени, чтобы добраться до места и совершить убийство.

— Есть велосипеды, — напомнил Фен.

— Разумеется, сэр. Но проблема не только во времени. Нет сомнений, что они оба знали о привычке Лава ровно без пятнадцати минут одиннадцать пить кофе с женой. Кому придет в голову убивать человека, если рядом с ним в комнате сидит его жена?

— Преступник мог провести рекогносцировку и выяснить, что ее там нет.

— Допустим, сэр, но вряд ли он стал бы расхаживать вокруг дома жертвы с револьвером в кармане, рассчитывая на то, что именно в этот вечер она неожиданно нарушит свой распорядок дня.

— Пожалуй. Хотя ничто не мешало Матисону и Филпотсу убить Сомерса.

— Вы правы, сэр. В результате получается вот что. — Стэгг сложил ладони и начал постукивать ими по коленям. — Итак, убийство Сомерса: его могли совершить Матисон, Филпотс, Этеридж или Уэллс. Убийство Лава: такая возможность была у Гэлбрейта, Этериджа или Уэллса. Убийство миссис Блай: похоже, Этеридж сделать этого не мог. Сложим все вместе, и у нас останутся Этеридж и Уэллс. А поскольку у Уэллса нет алиби по миссис Блай, получается, он и есть наш злодей... Правда, тут возникает одна проблема: мы не можем знать наверняка, что все три убийства совершил один и тот же человек.

— Не один и тот же, — промолвил Фен. — Здесь замешаны по меньшей мере двое. Кстати, суперинтендант, убийств было четыре, а не три.

— Четыре, сэр?

— Четвертая жертва — Брэнда Бойс.

— Что?

— К сожалению, у меня нет оснований сомневаться, что эта девушка мертва.

Наступило долгое молчание. На крикетном поле снова раздались аплодисменты, и где-то неподалеку стали насвистывать вальс из «Веселой вдовы». Стэгг прокрутил в голове светскую любезность Этериджа, крепкого, но неуклюжего Матисона, ядовитую враждебность Филпотса. Все это ему не нравилось. Человек по натуре сдержанный, но не бесчувственный, он сознавал, что Фен намного глубже проник в суть этого дела, чем он сам. Наверное, он мог бы официально потребовать от профессора, чтобы тот озвучил свою версию, но ему не хотелось прибегать к подобным методам, — тем более что это вряд ли сработало бы с таким человеком как Фен.

«Ясно, — подумал он, — что я провалил свою работу. Все слишком запутано. Сложно».

Фен догадался, о чем он думает, и в нем проснулась совесть.

— Послушайте, суперинтендант, — сказал он, — думаю, вы понимаете, что у меня сложилась четкая картина насчет всей этой истории. И я надеюсь, вы не обидитесь, если я добавлю, что у вас такой картины нет.

— Да, сэр, признаю, — вздохнул Стэгг. — Я действительно ничего не понимаю в том, что происходит, и не вижу смысла скрывать это. Я полностью в ваших руках.

Фен нахмурился, разглядывая свои ногти.

— Проблема вот в чем, — произнес он. — Я уверен, что знаю все ответы на интересующие нас вопросы, но у меня нет веских доказательств. Дело кажется простым, но оно вполне может развалиться в суде. Как известно, за одно преступление два раза не судят. Но я предлагаю вот что: дайте мне времени до полуночи, и если мне не удастся отыскать

требуемые доказательства, я расскажу вам все, что знаю сам.

— Согласен, сэра. Желаю удачи.

— Какие у вас планы на сегодня? Где мне вас найти?

— Для начала я съезжу в Кэстривенфорд и возьму ордера на обыск. Надо прочесать квартиры Уэллса, Филпотса, Матисона и Этериджа. Манускрипт, оружие и все такое. Скорее всего, преступник к этому готов, но мы сделаем, что можем. В любом случае я оставлю в участке информацию, чтобы меня нашли, если я вам понадоблюсь.

Фен торопливо поднялся и проговорил:

— Тогда вперед! На вечеринке в саду будет много подозреваемых, поэтому я отправлюсь туда. Потом расскажу, как все прошло.

Стэгг улыбнулся:

— Удачной охоты, сэра.

Фен вышел через школьные ворота и направился в Снэгсхилл. Это был зажиточный район с тихими улочками, красивыми домами и уютными лужайками — приятное место, где обычно селились пожилые люди, и обстановка свидетельствовала о респектабельности его обитателей. Но сегодня здесь было оживленнее, чем обычно. По главной улице взад-вперед сновали родители и ученики, приветствовавшие Фена с почтением, а те, кто присутствовал на вручении награды, — и с искренним теплом. В другое время это польстило бы его тщеславию — потому что Фен был человек тщеславный, хотя и любил подшучивать над этим свойством, — но сейчас просто машинально отвечал на приветствия. Фен был слишком занят собственными планами, чтобы думать о чем-нибудь другом.

Конечно, он был прав, заявив Стэггу, что дело пока сырое и его рано передавать в суд. Все его рассуждения о рукописях Шекспира, пока они ничем не подтверждены, будут подняты на смех любым опытным экспертом. Сломанные часы Сомерса и записку Лава можно истолковать совсем иначе. Но в целом решение казалось ему очевидным: он просто не мог представить ничего другого.

Убийца уже совершил две грубые ошибки. Вероятно, его можно подтолкнуть и к третьей. Дело облегалось тем, что преступник не имел представления о том, как далеко продвинулось расследование. Фен размышлял над одной идеей, которая крутилась у него в голове с тех пор, как Стэгг рассказал ему про алиби. Видимо, это не самая хитрая ловушка, но у него нет времени придумывать что-нибудь иное, а человек нервный и мнительный может легко попасться в нее. Не выйдет — значит, не выйдет; все равно положение не станет хуже, чем теперь, а преступника в любом случае надо заставить как-то действовать.

Проблема заключалась в том, что для плана требовался исполнитель: человек, способный разыграть сцену и имевший склонность к актерскому искусству.

Фен приблизился к директорскому дому. Тот располагался в очаровательном и тихом месте на границе Снэгсхилла милый особнячок в стиле королевы Анны, с крутой крышей, заломленной кверху на углах, незамысловатыми дымовыми трубами и роскошно декорированным входом. Перед воротами стоял констебль в штатском, отпугивая незваных гостей. А навстречу профессору по дорожке энергично шагал Уимс, учитель музыки.

Фен заметил Уимса еще раньше, когда тот сопровождал школьному гимну: он напоминал коварного интригана эпохи Ренессанса. Это был смуглый моложавый мужчина, безусловно одетый, с холодным взглядом и макиавеллиевской улыбкой. Правый глаз у него всегда был прищурен, что придавало ему двусмысленный, даже циничный вид. Внешность обманчива, подумал Фен, но если актерские данные Уимса не уступают его вкрадчивым манерам, он может оказать ему большую услугу.

Профессор огляделся по сторонам. Вокруг не было никого, кроме констебля. Он подошел к учителю музыки и заговорил с ним о деле.

Облик Уимса вполне соответствовал его натуре. Он не удивился просьбе Фена и не стал задавать вопросов. У профессора возникло ощущение, будто учитель музыки безо всяких колебаний согласился бы отравить самого директора, если бы Фен придумал для этого достаточно изощренный и хитроумный план.

После того как Фен объяснил ему обстоятельства дела, он спросил:

— Когда мне нужно это сделать?

— Сразу, как представится возможность. Лучше до ужина.

— Хорошо. Насколько я понял, этот человек — убийца?

— Да, — подтвердил Фен. — Но никому об этом не говорите, пока я не дам вам знать.

Уимс обиженно приподнял брови.

— Право, сэр... — с упреком пробормотал он.

Фен направился в дом директора, полностью уверенный, что может доверять Уимсу.

Директор не позаботился о том, чтобы снабдить Фена пригласительным билетом, и ему пришлось

вступить в долгие пререкания с констеблем, который отказывался впускать его. К счастью, на пороге появился Матисон.

— Ради бога, Матисон, — воскликнул профессор, — поручитесь за меня!

— Все в порядке, констебль, — произнес тот. — Это профессор Фен.

Констебль, которому не терпелось выполнить свой профессиональный долг — за весь вечер он так и не шуганул ни одного зеваку, — неохотно отступил в сторону.

— Как идет пьеса? — спросил Фен.

— Неплохо, — ответил Матисон. — Новая девочка, конечно, недотягивает до Брэнды Бойс, — ее французский из рук вон плох, — но в целом все сносно. Пойдете на спектакль?

— Надеюсь, — ответил Фен. — А вам желаю удачи.

Он свернул в сад. Чай здесь подавали уже по второму кругу. На широкой лужайке, обрамленной с одной стороны кустами роз, с другой — густыми буками, и с третьей — стеной дома, расположилась компания родителей и бывших выпускников, которые стояли, разбившись на группы, с чашками и блюдами в руках. Между гостями с благовоспитанным видом расхаживали аккуратно прилизанные мальчишки, предлагая сэндвичи, кексы и бисквиты. По периметру дворика тянулись деревянные столы с закусками, посудой и большими серебряными чайниками: всем этим хозяйством заведовали почтенные дамы в белых платьях. Директор в мантии вежливо беседовал с родителями, которые слушали его в почтительном благоговении, словно дельфийского оракула. Винни-Пух с самодовольным видом поедал са-

довые фиалки. В сапфирно-синем небе собирались дождевые облака, но они появились слишком поздно, чтобы испортить праздник. Оглядев эту шумную, веселую и беспечную толпу, Фен пришел к выводу, что полиция и персонал школы прекрасно справились со своей задачей, и мрачная тайна пока не стала достоянием публики.

Трое мальчиков бросились к нему с чаем и печеньем, и какое-то время Фен развлекался тем, что рассказывал им истории-страшилки, сообразив, что их познания в этой области оставляют желать лучшего. Фен с серьезным видом посоветовал им почитать мистера Мара, мистера Хартли и доктора М. Р. Джеймса. Но тут ему на глаза попался Гэлбрейт, и он вспомнил, что хотел задать ему вопрос. Фен вежливо откланялся и отвел секретаря в сторону.

— Я слышал, — произнес он, — вы эксперт по старым манускриптам.

Гэлбрейт улыбнулся. Это был тихий и скромный джентльмен со светлой кожей, которая легко обгорала даже на неярком солнце.

— Ну, эксперт — сильно сказано, — возразил он. — Скорее это мое хобби. Скажем так — я увлекаюсь подделкой старых рукописей.

— Понятно. Дело в том, что это может иметь отношение к вчерашним событиям в школе, и я хотел узнать, не говорили ли вы об этом с Сомерсом.

— Да, совсем недавно — кажется, в последнюю среду. Он подробно описал мне некий елизаветинский манускрипт и спросил, могу ли я определить, настоящий он или нет. — Гэлбрейт помолчал. — Я не сообщил полиции, потому что не думал, что это важно.

— Мы тоже так не думали, — промолвил Фен, —

вплоть до сегодняшнего дня. Кстати, вы удовлетворили просьбу Сомерса?

Секретарь пожал плечами:

— Разумеется, нет. Для этого нужно иметь документ в руках и провести множество анализов. Изготовление фальшивок в наше время — чрезвычайно сложное искусство.

— Понимаю.

— Видите ли, — продолжил Гэлбрейт, быстро оседлав любимого конька, — можно, например, взять подлинные фрагменты и смешать их с фотогравюрой. А другой способ...

— Да, да, конечно, — перебил Фен. Ему не хотелось слушать лекции. — Сомерса это огорчило?

— По-моему, да. Я посоветовал ему быть осторожным, если предложат купить подобное изделие.

— И он больше не возвращался к данной теме?

— Нет.

Фен поблагодарил его и какое-то время посвятил светским обязанностям. Минут через двадцать, когда он излагал сюжет своего детективного романа озадаченному отцу, который впервые приехал на праздник и, похоже, принимал его за местного учителя, кто-то похлопал его по руке. Обернувшись, Фен увидел пухлую и хорошенькую девушку лет шестнадцати в вечернем платье.

— Вы профессор Фен? — спросила она.

Смущенный отец воспользовался моментом и, пробормотав что-то невразумительное, удалился прочь. Профессор подтвердил, что это он.

— Я видела в газетах ваше фото, — продолжила девушка, — и слежу за вашими расследованиями.

— Неужели? — отозвался Фен, чрезвычайно польщенный. — Немногие читатели Криспина могут

похвастаться тем же самым. Я могу вам чем-то помочь?

— Меня зовут Элспет Мердок, — сообщила юная особа. — Я учусь в Кэстривенфордской школе. — Она выдержала драматичную паузу. — Мне кажется, я могу помочь вам: я знаю, как найти Брэнду Бойс.

Глава 12

ТЕМНЫЕ МЫСЛИ ПОД ТЕНИСТЫМ ДЕРЕВОМ

Минуту Фен молча смотрел на девушку, потом взял ее под руку и отвел подальше от окружавшей их толпы. Элспет послушно последовала за ним в тень раскидистого бука, стоявшего в стороне от лужайки, и присела на зеленую скамейку. Несмотря на полноту, она выглядела привлекательно и сама об этом знала. У нее были темно-синие глаза, каштановые волосы с бронзовым отливом, слегка вздернутый нос, пухлые губы и красивая фигура, которая через год или два обещала стать безупречной. Фен осторожно опустился рядом с ней, сорвал длинную травинку и стал жевать ее.

— Хорошо, — промолвил он. — Расскажите мне об этом.

— Мой брат учится в этой школе, — начала Элспет, которой явно не терпелось рассказать свою историю. — Вот почему меня тоже пригласили на вручение наград. Но я туда не пошла. Слишком жарко. В этот день нас, кстати, полностью освобождают от учебы. Во-первых, из-за пьесы, а во-вторых, у многих, как у меня, здесь братья.

— Любопытно. Так вы сказали, что знаете, где Брэнда Бойс...

— Мне не следовало говорить так определенно. На самом деле я не знаю, где она, и даже не представляю, где ее искать. Но я тут кое-что подумала...

— Ясно. — Фена раздражали длинные предисловия: они напоминали ему статьи в научных журналах. — Тогда объясните, что вы имеете в виду.

— Я уверена, что Брэнда ни с кем не сбежала.

Фен достал свой портсигар. Он предложил Элспет сигарету, но она с сожалением покачала головой:

— Не могу — тут мама и папа. У них куча всяких глупых предрассудков насчет курения. Конечно, я много курю, когда одна, — торопливо добавила она, — но они не должны ничего знать. Родители продолжают обращаться с нами как с детьми, хотя мы давно повзрослели.

Фен выразил сожаление о столь прискорбном свойстве родительских инстинктов и закурил.

— Почему вы уверены, что Брэнда Бойс ни с кем не сбежала? — спросил он.

— Мы с ней близкие подруги, и я знаю, что она никогда не сделала бы подобную глупость. Брэнда не из тех, кто теряет голову от любви. Порой я сомневаюсь, есть ли у нее вообще какие-то эмоции.

— Вот как, — пробормотал Фен.

Элспет усмехнулась:

— Да, звучит некрасиво. Но вы не думайте, мы действительно подруги. Мужчины, разумеется, ей нравятся, но она не стала бы ни с кем сбежать. Письмо к Пэрри — фальшивка.

Это только подтверждает, мысленно вставил Фен, мнение самой Пэрри, а два сходных свидетель-

ства, почерпнутых из разных источников, наверняка соответствуют истине. Он поинтересовался, откуда Элспет узнала о письме.

— Такие слухи быстро разлетаются по школе, — объяснила она. — Мне рассказал Джин Карвел, тот узнал от Джиллиана Понси, а он...

— Ясно, ясно, — торопливо перебил Фен. — Можете не продолжать. Что дальше?

— Если письмо фальшивка, то у нас есть две возможности: либо Брэнда все-таки сбежала, но по каким-то другим причинам, — а я уверена, что тогда бы она нам об этом рассказала, мне и Джудит Линдси, потому что мы ее лучшие подруги и у нее нет от нас секретов, — либо ее похитили. Логично, не правда ли?

— Да, — кивнул Фен. — Я только хочу прояснить один момент. Вы сказали, что если бы Брэнда собиралась сбежать из дома, то рассказала бы это вам или другой девушке, поскольку у нее нет от вас секретов. Если так, то не говорила ли она вам, что ее так поразило после репетиции «Генриха V» позавчера вечером? После этого она вернулась домой сама не своя. С ней там что-то произошло — нечто серьезное.

— Да, это странно. — Элспет обхватила руками колени. — Вчера я весь день не могла с ней поговорить. У нее была история, а у меня английский, на обеде мы сидели за разными столами, потом Брэнда отправилась к мисс Пэрри и ушла сразу после уроков, а мне пришлось задержаться на собрании. Но Джудит заметила, что с ней что-то не так, и спросила, что случилось. Брэнда ответила, что не хочет об этом говорить. Джудит сказала, что она даже плакала, — мрачно добавила Элспет, — а раньше мы никогда не видели, чтобы Брэнда плакала, даже когда она сломала руку на хоккее.

— Скверная история, — сочувственно поддакнул Фен. — Прошу вас, продолжайте.

— Я говорила, что либо она сбежала сама, либо ее похитили, но я уверена, что Брэнду похитили — ради выкупа, конечно, потому что ее отец очень богатый.

— Тогда зачем понадобилось поддельное письмо?

— Чтобы выиграть время, сбить полицию со следа и спрятать ее где-нибудь в надежном месте. Но тут главное детали. Брэнда ушла из школы в четыре часа дня — я говорила с девочками, которые ее видели. Обычно она ездит на велосипеде, потому что до дома ей далеко, но вчера он находился в ремонте, и она отправилась пешком. Брэнда быстро ходит, так что к пяти она уже должна была быть дома. Но она не вернулась. Наверняка ее похитили.

— Должен признаться, — вежливо заметил Фен, — что мне это тоже приходило в голову.

— Не торопитесь! В этом деле мы должны быть очень осторожны. Один ложный шаг в наших рассуждениях — и мы уйдем далеко в сторону. — Сконфуженный Фен пробормотал что-то неразборчивое. — Итак, — продолжила Элпет, — суть в том, что между школой и домом Брэнды есть только одно место, где можно попытаться похитить человека среди бела дня.

Профессор, до этого расслабленно полулежавший на спинке лавки, мгновенно выпрямился. Мысленно он уже давно махнул рукой на этот разговор, считая его бесполезным, но теперь в нем проснулся интерес.

— Что за место? — спросил он.

— Мелтон-Чарт.

— Что это?

— Лес рядом с Кэстривенфордом, к западу от реки. Большой. В нем легко заблудиться и умереть с голоду. В прошлом году там нашли кости какого-то бродяги, а пять лет назад — тела нескольких детей, которых разыскивали целую неделю. — Элспет с видимым удовольствием смаковала детали. — Дорога задевает его только с краю. Понимаете, к чему я веду?

Фен стряхнул пепел на цветок лютика, но тут же сдул его на землю.

— Более или менее, — сдержанно ответил он. — Вы хотите сказать, что Брэнду, — он запнулся, избегая слова «убили», — спрятали где-то в лесу?

— Да так. И тут я как раз могу предложить кое-что. Как я уже сказала, лес большой, и чтобы его обыскать, понадобится несколько дней. Но если бы мы могли найти какой-нибудь след и пустить по нему пса...

— Тогда запах должен быть сильным и отчетливым, потому что прошло много времени. Анис, крезот, кровь — что-то вроде этого.

— Как раз про кровь я и подумала.

— Почему, собственно?

— Сейчас объясню. — Элспет огляделась по сторонам и понизила голос: — Несколько лет назад, еще девчонками, мы играли в войну на поле возле Мелтон-Чарта. — Она смущенно покосилась на Фена. — Ну, дети... Короче, у нас было два лагеря, мы брали пленников и все такое, и Брэнда относилась к этому весьма серьезно. Если уж она во что-то играла, то играла по-настоящему, неважно, какие последствия это могло иметь для нее и для других. Брэнда порой бывала безрассудной. Однажды она проделала что-то совсем уж удивительное. В тот раз Брэнда отправи-

лась одна на разведку, и ее поймали и взяли в плен. По правилам, пленного могли освободить только свои, дотронувшись до его руки. Враг мог увести тебя куда угодно, и ты должен был там оставаться, не подавая никаких сигналов или звуков, чтобы выдать свое местонахождение. Но пока тебя вели на место, ты имел право подать знак криком или как-нибудь еще. Выигравшей считалась та сторона, которая набирала больше пленников после двух часов игры. Мы хотели вернуть Брэнду, ведь она была нашим командиром, но понятия не имели, где ее искать: когда ее схватили, она была слишком далеко, чтобы мы слышали ее крик. Стали прочесывать лес и заметили, что маленькая дворняжка, которая бежала вместе с нами, крутится у пятен крови, разбрызганных у дороги. Она стала нюхать землю, напала на след и пошла по этому следу, а мы последовали за ней. И в конце концов нашли Брэнду. — Элспет перевела дыхание. — Вы знаете, что она сделала?

Фен вынужден был признать, что нет.

— У нее в кармане был перочинный ножик, и когда ее поймали, она незаметно раскрыла его, спрятала в руке, нагнулась, сделав вид, будто хочет подтянуть носок, и глубоко разрешила ногу под юбкой, так, чтобы никто не заметил. Она знала, что у нас есть пес и он нападет на след. Так оно и вышло. Вот к чему я вела. Брэнда хорошо помнит этот трюк, ведь мы часто обсуждали его. И тот нож по-прежнему у нее. Я уверена, что если ее похитили, она могла проделать то же самое.

Фен внимательно слушал ее.

— Моя дорогая леди, — с упреком произнес он, — почему вы до сих пор никому об этом не сообщили?

— Ох, я такая дура! — воскликнула Элспет с покаянным видом, который очень шел к ее хорошенькому лицу. — Но, поверьте, я только сейчас об этом вспомнила! А потом увидела вас здесь, заметила, что вы говорите с суперинтендантом, и сообразила, что речь может идти о Брэнде. Тогда я и решила рассказать вам обо всем.

Раздача чая продолжилась, и толпа посреди лужайки стала перемещаться. Фен рассеянно взглянул на гостей и бросил окурок за ограду.

— В любом случае мы должны действовать. Я поговорю со Стэггом.

— Нет, только не с ним! — воскликнула Элспет.

— Почему?

— Он лишил водительских прав моего отца. Мама водить не умеет, а я еще слишком молода, поэтому нам везде приходится ходить пешком.

Фен согласился, что ситуация не самая приятная.

— Хотя, — добавил он, — не можем же мы просто так оставить эти сведения при себе.

— Мы могли бы сами найти Брэнду и натянуть нос полицейским.

— Для начала нам понадобится блаухаунд.

Элспет кивнула на Винни-Пуха, который, одурев после своего цветочного пиршества, с хмурым видом таранился на толпу гостей.

— Как насчет него? — спросила она. — Вот вам блаухаунд.

Она произнесла это тоном человека, не допускающего возражений, однако Фен все-таки решился заметить:

— Пес старый, и вообще, я слышал, что с ним лучше не связываться.

— Ну, пожалуйста, профессор Фен! Давайте хотя

бы попытаемся! Если вы скажете полиции, мне не разрешат участвовать в поисках, а это несправедливо, потому что я сама все придумала.

Фен помолчал. У него были веские причины считать Брэнду Бойс убитой, а если так, то их дилетантские поиски совершенно ни к чему не приведут. Однако он не видел в них особого вреда; а если они помогут ему захлопнуть ловушку, которую он приготовил для преступника, это пойдет на пользу делу.

— Хорошо, — кивнул он. — Попробуем. Когда начнем?

— Немедленно! — решительно ответила Элспет. — У вас есть машина?

— Да.

— Отлично. Но прежде чем мы отправимся, я представлю вас своим родителям, чтобы они не подумали, будто у вас что-то дурное на уме. Ну, начнете распускать руки и все такое. — Фен был шокирован. — Идемте.

Когда они собрались — и переоделись, по настоянию Фена, в более теплую одежду, — было уже семь вечера. Ясное небо, чистое и нежно-голубое, уже наполовину затянулось облаками, обещавшими мелкий дождь. Винни-Пух долго упрямылся, не желая залезать в автомобиль.

— Он все делает наоборот, — заметил Фен после того, как их усилия потерпели крах. — Давайте попробуем прогнать его.

Они попробовали, и трюк сработал. Пес мгновенно запрыгнул на место водителя и принялся лизать рулевое колесо, покрыв его липкими слюнями, после чего устоялся в переднее стекло. Прошло еще много времени, прежде чем им удалось сдвинуть со-

баку в сторону. Наконец Элспет крепко ухватилась за его ошейник, и профессор тронул с места свою «Лили Кристин». Раздраженный Винни-Пух поскреб лапой окно, проверяя его на прочность, но убедился, что сбежать нельзя, и застыл в мрачной неподвижности.

По указаниям Элспет Фен выехал от директорского дома на главное шоссе, примерно в миле от школьных ворот свернул на проселочную дорогу и потащился по ее колдобинам в окружении буйной зелени и диких мальв.

— Самый короткий путь, — извиняющимся тоном объяснила Элспет. — Можно ехать по шоссе, но так будет гораздо дольше.

— Все в порядке, — сказал Фен, стараясь увернуться от бродивших по дороге кур. — Винни-Пух еще с нами?

Элспет оглянулась. Пес подпрыгивал на заднем сиденье, и вид у него был одновременно свирепый и озадаченный, словно его одолевали сомнения относительно целей экспедиции. В какой-то момент он рванулся вверх, пытаясь достать пролетевшую мимо мышку, но потерял равновесие и тяжело плюхнулся на спину Фена. Но из машины никуда не делся.

— Винни-Пух в порядке, — сообщила Элспет. — А мы почти приехали.

Они миновали пшеничное поле, просторный луг с мирными овечками и полуразвалившуюся ферму. Впереди маячила стена темного густого леса, и трава перед ним пестрела лютиками и маргаритками. В вечернем воздухе пахло сеном, заходившее солнце тлело и плавилось в ветвях огромных вязов. Возле черного амбара, смотревшего на окраину Кэстривенфорда и серебрившуюся вдали ленту реки, они

повернули на ровную дорогу, и скоро деревья обступили их со всех сторон.

— Мы на месте, — сказала Элспет.

Фен остановил машину. Винни-Пух, временно впавший в ступор, безучастно смотрел по сторонам. Под деревьями почти стемнело, и в лесу царила тишина.

— Здесь не очень оживленно, — заметил Фен. — Вы правы, это самое подходящее место. Какой план кампании?

— Вы оставите меня тут и проедете до конца леса. Чтобы напасть на след, надо найти следы крови. Разделившись, мы пойдем навстречу друг другу, пока не встретимся или пока кто-нибудь из нас не найдет то, что мы ищем.

— По обеим сторонам дороги?

Элспет покачала головой.

— Нет. Видите, слева лес совсем неглубокий? Надо смотреть только по правой стороне.

— Ясно. Кто возьмет Винни-Пуха?

— Пусть он идет с вами. Кажется, вы ему нравитесь.

— Все так говорят, — пробурчал Фен. — Даже если это правда, сомневаюсь, что это комплимент.

— Если что-нибудь найдете, крикните. «Пусть эхо вторит имени любимой».

Фен приподнял брови.

— Боже милосердный, — пробормотал он. — Какая начитанная девушка.

Элспет улыбнулась.

— Просто я писала реферат по Шекспиру, — объяснила она. — До встречи.

Профессор двинулся дальше, и вскоре лесная чаща расступилась. Он поставил автомобиль на обочине, вылез из салона и подозвал Винни-Пуха.

— Теперь ты будешь охотничьей собакой, — объявил Фен. — Ищи кровь.

Дорога была узкой и неровной. Он направился обратно в лес вдоль высокой насыпи, густо поросшей лебедой и чертополохом. На обочине стоял покосившийся знак, предупреждавший об опасности разжигания костров. Высоко в кронах дубов дрожали бледные блики вечернего солнца, а в свежем воздухе влажно пахло березовой корой. Винни-Пух, заметно оживившись, начал бодро обнюхивать землю, и Фен приступил к поискам.

В наступающих сумерках это была нелегкая задача, а разросшаяся зелень по краям дороги делала ее еще труднее. К счастью, часть насыпи с плотными зарослями папоротника и ежевики выглядела нетронутой — там явно никто не ходил, — поэтому можно было сосредоточиться на небольших просветах с тянувшимися в чашу тропками, где виднелись следы. Но даже это не внушало Фену большого оптимизма. Когда через час из глубины леса донесся призывный крик Элспет, он уже не сомневался, что из их затей ничего не получится.

Глава 13

ЗНАКОМЬТЕСЬ — УБИЙЦА

Но Элспет нашла, что искала. Когда Фен подбежал к ней вместе с запыхавшимся Винни-Пухом, она внимательно рассматривала маленькое пятнышко, темневшее на пыльной и перемешанной с песком траве у обочины дороги. Пес сразу проявил к нему живейший интерес. Наверное, в его памяти воскресли подвиги далекой юности: обнюхав пятно, он из-

дал довольное урчание и, не отрывая морды от земли, начал медленно взбираться вверх по насыпи.

— Ну, вот! — Глаза Элспет сияли от возбуждения. — Это кровь!

— Может быть, — осторожно пробормотал Фен.

— Ах, бросьте! Конечно, кровь.

— Не стану вас разочаровывать, — возразил профессор, — но даже если так, ее мог оставить какой-нибудь раненый кролик.

— Неважно. Мы все равно пойдем по следу. У вас есть бумага?

— Бумага? Зачем?

— Если мы зайдем в лес слишком далеко, то должны оставить след. Иначе нам придется долго искать обратную дорогу, тем более в темноте. Мы можем заблудиться, и наши кости склюют вороны.

— Вороны? — нахмурился Фен, представив эту картину. — Господи Иисусе.

Он пошарил в карманах своего плаща и, к собственному удивлению, извлек из него маленькую Библию.

— Пятьсот страниц, — сообщил Фен. — Если экономить, то на какое-то время хватит.

Тем временем Винни-Пух с трудом карабкался на насыпь, скользя лапами по склону и тяжело пыхтя. Нагнав его сзади, Фен дал ему легкого пинка, и они вместе забрались наверх. У входа в лес столбом клубилась туча мошкары. Впереди между деревьями зеленел густой подлесок, состоявший в основном из лесной крапивы, желтого дрока, колючей ежевики и огромных, похожих на пагоды, разлапистых папоротников. В этой непролазной чаще кое-где виднелись черные поляны и просветы, выжженные пожаром и окаймленные зарослями пурпурной

аквилегии. Тропинку преграждали упавшие стволы, обвитые мелким плющом. Не успели они сделать и двух шагов, как их поглотило странное, глубокое молчание большого леса.

Винни-Пух, уткнувшись носом в землю, хаотично вилял в траве: профессор надеялся, что это указывало на поиски следа.

Следующие полчаса они молча шли в быстро сгущавшейся темноте, вырывая и бросая на землю странички Библии, но почти не продвигаясь вглубь. Проблема заключалась не только в том, что им приходилось постоянно продираться сквозь дремучий травостой — безнадежно испортивший их одежду, как с грустью заметила Элспет, — но и в необъяснимом поведении Винни-Пуха. Если в первое время тот сломя голову мчался вперед, уверенно идя по следу, то в конце Книги Левит вдруг потерял ко всему интерес и принялся обнюхивать кроличьи норы. На Книге Притчей пес неожиданно сделал стойку и уставился куда-то вдаль с величественным видом Кортеса, озирающего Тихий океан с вершины Дарьен. Фен, и без того не питавший особого доверия к способностям Винни-Пуха, начал сомневаться, что тот вообще понимает, чего от него хотят.

Увы (хотя в свете следующих событий следовало бы сказать — «к счастью»), поведение Винни-Пуха демонстрировало признаки старческого слабоумия. Фен давно подозревал, что их четвероногий спутник воспринимает происходящее как приятную прогулку. Но пару раз его чутье позволило им наткнуться на новые капли крови, и это убедило их двигаться дальше, хотя и без надежды на успех. Ко всему прочему, в голове у Фена крутилась мысль, что если они вдруг действительно найдут Брэнду Бойс, она на-

верняка будет мертва, может, обезображена, и это вызовет у Элспет сильный шок. Он сосредоточенно молчал, прикидывая, как лучше всего поступить в подобных обстоятельствах. Сама Элспет, поначалу оживлявшая путь своей милой болтовней, тоже притихла. Ее угнетала мысль, что лучшая юбка и чулки медленно, но верно превращаются в лохмотья, и только гордость мешала сдаться и повернуть назад.

— Господи, ну и жуть здесь, — пробормотала она, поеживаясь.

Действительно, потемневший лес выглядел устрашающе. Не считая дальних криков совы, вокруг не было слышно ни звука. По мере того как угасал последний свет, деревья угрожающе обступали их со всех сторон, плотнее смыкая свои ряды. Элспет радовалась, что она здесь не одна, иначе ей было бы трудно отделаться от чувства, что кто-то или что-то следует за ними по пятам. Она готова была поклясться, будто раза два между деревьев мелькнула бледная тень, и кусты слева и справа от них постоянно шевелятся. «И вот за бедным мальчиком, чтобы догнать его и разорвать в клочья или расправиться каким-нибудь не менее страшным способом, увязалось жуткое, подпрыгивающее существо в белом». В голове у нее вертелась эта фраза, вычитанная из страшного рассказа.

Что-то мягкое и скользкое опутало ее лицо. Элспет вскрикнула.

— Это паутина, — весело объяснил Фен, посветив на нее фонариком.

— Простите, — прошептала она, покраснев. — Не знаю, что на меня нашло...

Они двинулись дальше, и вскоре начался дождь, поначалу мелкий и легкий, тихо шуршавший в ли-

стях у них над головой. Несмотря на протесты Элспет, профессор заставил ее надеть свой плащ. Он поднял воротник и начал сквозь зубы насвистывать похоронный марш из «Героической» симфонии. Фен заметил, что они добрались уже до Деяний апостолов. На Апокалипсисе Библия закончится, и придется возвращаться обратно.

Но посреди Первого Послания Коринфянам Винни-Пух неожиданно придал делу новый поворот. В последние несколько минут он двигался медленно и наконец просто уселся на землю, показывая, что больше не сдвинется с места. Очевидно, предполагалось, что обратный путь они должны тащить его на руках. Фен и Элспет остановились рядом.

— Кажется, на этом наша экспедиция закончилась, — заметил профессор.

— Ради бога, извините, — пробормотала Элспет, пытаясь сдерживать слезы разочарования. — Мне не следовало втягивать вас в эту глупую историю.

— Дорогуша моя, вам не за что извиняться, — мягко возразил Фен. — Я явился сюда по собственной воле, зная, что скорее всего из этого ничего не получится. Дело в том, что...

— Тихо! — резко перебила девушка.

Они прислушались. Элспет встрепенулась, и все ее страхи исчезли. Странно, даже в эту минуту, мысля трезво и разумно, она не могла отделаться от ощущения, что за ними следят, но теперь это не имело значения.

— Что там? — прошептал профессор.

— Мне показалось, кто-то кричал.

— Вы уверены, что это не сова?

— Нет! Вы ничего не слышите?

— Ничего.

Минуту они стояли молча.

— Ерунда, — наконец пробормотала Элспет. — Наверное, послышалось.

Фен вздохнул:

— Ну что, домой?

— Пожалуй.

— Не представляю, как поступить с Винни-Пухом. Похоже, он не может идти и, насколько я понимаю...

— Слушайте!

На сей раз услышали оба. Где-то неподалеку звучал голос, тихий и слабый: он звал на помощь.

— О господи, — выдохнул Фен. — Вы были правы. Откуда он доносится?

Элспет выхватила у него фонарь и бросилась в чашу.

— Скорее! — крикнула она.

Фен поспешил за ней. Винни-Пух, видимо, решив, что его хотят бросить умирать от голода, вскочил и потрусил следом, разразившись истошным лаем. Минуту или две они бежали, цепляясь одеждой за колючки и спотыкаясь о корни и траву. По пути профессор шлепнулся в лужу, вымазался с ног до головы в грязи и помчался дальше, подгоняемый обезумевшим от погони псом. С соседней ветки вспорхнула испугнутая сова. Захлопав крыльями, она с криком исчезла в темноте.

Вскоре они выбежали на небольшую поляну, где еще держался сумеречный свет. Посреди нее в траве призрачно белела россыпь маргариток. Они остановились, не зная, что делать дальше.

Не сомневался только Винни-Пух. Он проследовал прямо к зарослям папоротника и обнюхал их. Потом улегся на землю и уставился на них.

Фен и Элспет приблизились. В листьях папоротника лежала девушка примерно того же возраста, что Элспет. Ее золотистые волосы сваялись, веки распухли и покраснели от слез, на горле темнели багровые отеки, а одна нога неестественно вывернулась набок.

Но, слава богу, Брэнда Бойс была жива.

Элспет опустилась рядом на колени.

— Брэнда! — крикнула она. — Это я, Элспет!

Лицо Брэнды было очень бледным, по щекам струились слезы изнеможения и радости.

— Отвезите меня домой, — прошептала она. — Прошу вас, отвезите меня домой.

Элспет сглотнула комок в горле; у нее пересохли губы.

— Брэнда, тебе плохо?

Фен тронул ее за плечо, и она отодвинулась в сторону. Он держал в руках фляжку с виски.

— Выпейте, — попросил он. — Вам станет легче.

— Пожалуйста, я хочу только...

— Пейте, пейте! — мягко, но настойчиво перебил Фен. — Вам это необходимо. Элспет, держите фонарик ровно. Господи, да не светите ей в глаза.

Он поднял голову Брэнды, положив на сгиб своего локтя, и поднес фляжку к ее губам. Девушка сделала глоток. Очевидно, алкоголь придал ей сил: она шевельнулась и попыталась улыбнуться сквозь слезы.

— От виски меня всегда тошнит, — пробормотала она. — Жаль, у вас нет джина с лаймом.

— Характера вам не занимать, — с одобрением заметил Фен.

Он повернулся к Элспет, которая после всех переживаний разразилась беззвучными рыданиями.

— Прекратите истерику, — строго сказал он, — и займитесь чем-нибудь полезным. Нужно как можно скорее добраться до телефона. — Элспет вытерла глаза и кивнула. — Возьмите «Лили Кристин», если справитесь с управлением. Позвоните в полицию и сообщите суперинтенданту, что случилось. Если его нет в участке, попросите немедленно с ним связаться. Скажите, что нам срочно нужны «Скорая» и доктор. Потом подождите у дороги и приведите их сюда.

— Оставить вам фонарик?

— Нет. Без него вы не найдете путь назад. Подождите минутку. Снимите плащ, пожалуйста.

Элспет повиновалась, и Фен накинул плащ на Брэнду.

— Вот так лучше. Ради бога, Элспет, перестаньте хныкать и бегите за помощью.

— Но она...

— С ней все в порядке. — Профессор приложил ладонь ко лбу Брэнды. — Даже лихорадки нет. Она в полной безопасности и уже через неделю будет здорова. А вот лежать на мокром папоротнике ни к чему. Поспешите, пожалуйста.

Элспет вскочила.

— Хорошо, — кивнула она. — Я пойду. Пока, Брэнда. Я скоро вернусь.

Она побежала в лес, а Фен повернулся к Брэнде, снял с себя пиджак и, свернув его в подушку, подложил ей под голову. До чего же она все-таки хороша, подумал он, — более хрупкой и утонченной красотой, чем ее подруга, но и более жесткой, угловатой; впрочем, через пару лет это пройдет, а пока он мог только мысленно аплодировать вкусу Дж.Х. Уильямса. Разумеется, то, что Брэнда выжила, было чу-

дом, но удушение не всегда проходит удачно, и эти следы на ее шее...

Дождь на открытом месте полил сильнее, и тонкая рубашка профессора промокла насквозь. Он зябко поежился.

— Вы простудитесь, — прошептала Брэнда.

— Ни в коем случае, — весело ответил Фен. — А вот вы провели здесь всю ночь и наверняка замерзли.

— Да, и проголодалась. Горло теперь лучше, и порезы почти затянулись, но нога... болит ужасно. Похоже, я ее сломала.

— Можно взглянуть?

— Да.

Фен осторожно ощупал ногу.

— Перелома нет, — сообщил он. — Вы просто вывихнули колено — это не страшно, но очень больно. — Он ободряюще улыбнулся, хотя в темноте это было бесполезно: они едва видели друг друга. — Хотите, я вам вправлю его?

Помолчав немного, Брэнда спросила:

— Будет больно?

— Вероятно, — честно ответил Фен.

— Ладно, — пробормотала она. — Все равно придется это сделать, так зачем тянуть? Давайте.

Брэнда закрыла глаза и прикусила губу, крепко вцепившись в его руку. Когда он взялся за колено, она дернулась и ахнула. Ее мышцы напряглись, она с трудом подавила крик. Раздался громкий щелчок, и по телу разлилось блаженное чувство облегчения. Брэнда открыла глаза.

— Совсем не больно, — промолвила она.

— Вот и отлично, — улыбнулся Фен. — Нога сильно распухла, так что придется несколько дней полежать в постели, но потом все пройдет.

Он снял с себя галстук и обвязал ее колено.

— Вот так. Пока это все, что я могу сделать. Черт бы побрал этот дождь... Но скоро нас отсюда увезут.

— Мне уже лучше, — заметила Брэнда. — Расскажите, кто вы и как вы меня нашли.

— Меня зовут Джервейс Фен, — начал профессор.

— Неужели? — воскликнула Брэнда. Ее голос окреп, и она приподнялась на локте. — Элспет часто говорила мне про вас. Она будет в восторге.

Фен огляделся в поисках более удобного местечка.

— Природа, — со вздохом произнес он. — Честно говоря, никогда ею особенно не увлекался...

— Значит, Элспет рассказала вам про кровавый след?

— Да, — кивнул профессор, отмахнувшись от какой-то ветки, которая лезла ему в лицо. — Правда, она вспомнила об этом только сегодня днем.

Он схватил что-то со своей шеи и бросил в темноту. Брэнда уловила его движение.

— Что там? — спросила она.

— Пауки.

— Да, они тут постоянно ползают. Раньше я их жутко боялась, но теперь мне безразлично.

— Еще виски?

— Да, спасибо.

Фен протянул ей фляжку.

— Крепкое зелье, — пробормотал он. — Но сейчас как раз то, что нужно.

Брэнда отпила глоток и вернула фляжку.

— Здорово, — выдохнула она. — Знаете, я даже не надеялась, что кто-нибудь вспомнит про этот случай с кровью, но надо же было что-то делать. Больше всего я боялась, что все поверят тому письму.

— Никто не принял его всерьез, — заверил Фен.

— Почему?

— Все считают, что вы вряд ли согласились бы с кем-либо убежать. И потом, мисс Пэрри заметила, что у вас другой стиль.

— Это была глупая ошибка, правда? Простая психология.

— Детский сад.

Брэнда немного помолчала.

— Я думала, уже никто не придет, — вздохнула она. — Двигаться я не могла и только кричала, кричала, хотя от этого не было никакого толку. Раз двадцать я теряла сознание, а иногда меня тошнило.

— Теперь все позади, — улыбнулся Фен. — Скоро мы будем дома. Пьяные в стельку, — добавил он, и Брэнда рассмеялась.

Свет фонарика, который унесла Элспет, давно исчез среди деревьев. Вокруг сгустилась крошечная тьма, все звуки тонули в шуме дождя.

— Если обопретесь на меня, сможете проковылять хотя бы пару ярдов? — спросил Фен. — Под деревьями будет суше, а я не хочу, чтобы вы, вдобавок ко всему прочему, подхватили пневмонию.

— Дождь мне не повредит, — отмахнулась Брэнда. — Но я могу попробовать.

— Хорошо. — Фен встал. — Подождите минутку, я схожу на разведку.

Он сделал несколько шагов в сторону леса, на ходу нащупывая в кармане спички. Но тут произошло нечто такое, чего он никак не ожидал. Где-то рядом в кустах послышался явственный шорох. Опасность. Фен застыл на месте, беспомощно глядя в темноту. У него не было с собой ни оружия, ни фонаря — ничего, кроме коробки спичек. Он не мог даже опреде-

лить, с какой стороны донесся звук. Только одно он знал наверняка: убийца совсем близко, и в этом его, профессора, вина. Фен выругался вслух.

Внезапно среди стволов вспыхнул яркий луч и ударил ему в глаза. Дождь пронизывал его тысячами игл. Задержавшись на профессоре на мгновение, свет скользнул в сторону и упал на Брэнду. Потом на другом конце луча блеснул черный металл, и Фен увидел, как девушка повернула голову и открыла рот, словно пытаясь что-то сказать.

На миг вся эта сцена застыла, словно ее высекли из камня. В следующую секунду она разлетелась вдребезги. Яростно взревев, Винни-Пух кинулся на человека с фонарем. Лес прорезали яркая вспышка и оглушительный хлопок. Брэнда закричала. Луч погас, и они услышали быстрый топот и удалявшийся лай Винни-Пуха.

Фен бросился к Брэнде.

— С вами все в порядке? — спросил он, задыхаясь. — Вы целы?

— Да, — ответила она, и профессор облегченно перевел дух. — Я в порядке, только... очень испугалась. Что произошло?

— В меня стреляли, — солгал Фен.

Он нащупал ее руку и крепко сжал в своей. Пальцы Брэнды дрожали.

— Нет, — тихо возразила она. — Это в меня стреляли. Вы думаете, они вернуться?

— Вряд ли.

— Вернутся. Господи, почему они не оставят меня в покое? — Брэнда громко всхлипнула. — Я больше не могу. Я этого не вынесу...

— Тише, тише. — Он крепче сжал ее руку. — Не плачьте, сейчас все пройдет.

Она сглотнула слезы.

— Боже мой, какая я все-таки трусиха! Поймите, мне столько пришлось перенести... и... это так несправедливо.

— Попробуйте лучше встать, — произнес Фен.

Он помог ей подняться. Она покачнулась, ухватившись за его шею. Плащ упал в грязь.

— Все хорошо? — спросил профессор.

Брэнда нервно рассмеялась.

— Я справлюсь.

Фен не удержался и мягко поцеловал ее в лоб.

— Благослови вас Бог, дитя мое, — пробормотал он. — Идемте, только тихо и без разговоров.

Мелтон-Чарт снова погрузился в тишину. Винни-Пух, судя по шумной возне и сопению в траве, благополучно вернулся назад. Пока они ковыляли — увы, слишком громко — под покров леса, Фен обдумывал ситуацию, и по его спине бежал холодок. Кто-то пытался убить Брэнду. Разумеется, он не ограничится одной попыткой. Брэнду оставлять нельзя. Единственный шанс на спасение — бежать через лес, быстро и часто меняя направление, но ей это не под силу. На них устроят охоту, как на беспомощных животных. Враг вернется, выследит их, выберет безопасную дистанцию и расстреляет как мишени.

Самым скверным и ужасным было то, что именно он, Джервейс Фен, создал эту ситуацию. Расставил ловушку и, как последний дурак, угодил в нее сам, утянув за собой Брэнду. Уимс прекрасно сделал свою работу, теперь Фен не сомневался. Жаль только, что он вряд ли сможет выжить, чтобы его поблагодарить. Возможно, Стэгг доберется к ним, подумал он с тем оптимистичным легкомыслием, которое просыпалось в нем в минуты большой опасности.

Если Стэгг сядет и подумает недельку... Главный вопрос: как давно ушла Элспет? Вероятно, им удастся продержаться до прихода помощи. Полчаса? Нет, вряд ли. Минут десять.

Дождь лил как из ведра. Миновала целая вечность, прежде чем они добрались до края леса. Винни-Пух, пыхтя и отдуваясь, тащился вслед за ними. Скорее бы уж все закончилось, подумал Фен. Лучше так, чем бессмысленные и жалкие попытки уйти от неизбежного.

Очевидно, его желание было услышано. Ударивший из леса свет заставил их застыть на месте. Профессор прикинул расстояние и сообразил, что если броситься в ту сторону, его убьют раньше, чем он добегит до середины. Фонарик держали твердо и спокойно: луч света не дрожал и не плясал, а бил ровно и прямо, выхватывая из темноты нагромождения причудливых теней. Самого человека Фен не видел, лишь смутную фигуру, сжимавшую в руке блестящий черный револьвер.

Он подавил желание метнуться между лучом и Брэндой и заслонить ее от выстрела. Это было бесполезно: одна пуля для него, другая для нее, и все. Брэнда подняла голову: странно спокойная, почти безмятежная, как ребенок.

— Не бойся, — прошептал Фен.

Он не принял во внимание только одно — Винни-Пуха и его приступы человекоубийства. Судя по всему, труды и волнения этого вечера оказали на пса губительное действие: он вскочил и застыл в боевой стойке, злобно рыча и роняя из пасти пену. Шерсть на хребте встала дыбом, как иглы дикобраза. Винни-Пух весь кипел от ярости. В следующее мгновение он сорвался с места и бросился на свет.

Электрический луч дрогнул, пытаясь уследить за его движением, и прогремел выстрел. Фен увидел, как пес дернулся от удара пули. Для любой другой собаки — тем более для собаки в таком почтенном возрасте — этого было бы достаточно. Для любой другой, но не для Винни-Пуха. Казалось, в этот момент он сумел выйти за свои физические пределы. Пес помчался дальше, лишь немного снизив скорость. Человек снова выстрелил, но промахнулся. Еще через мгновение Винни-Пух с леденящим душью рыком вцепился в него.

Фонарик упал и покатился по земле, наполнив лес фантастическими силуэтами. Почти оглохнув от грохота, Фен увидел, как из пятна мрака метнулась чья-то тень. Он кинулся ему наперерез, и их тела столкнулись. Фен наугад махнул кулаком, ахнув от боли, когда костяшки его пальцев врезались в тяжелый револьвер. Оружие отскочило вниз, ударив его по колену. Незнакомец отпрянул куда-то в сторону и исчез.

Фен не стал преследовать его. Он поднял револьвер, подобрал фонарик и вернулся к Брэнде, которая сидела на земле. Она смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

— Это его немного остудит, — спокойно заметил Фен. — У него нет другого револьвера и фонарика, так что он уйдет и оставит нас в покое. Все закончилось, моя дорогая.

По ее щеке скатилась слеза. Минуту или две они слышали отдаленный лай Винни-Пуха. Потом он затих, и в Мелтон-Чарте воцарилась тишина.

Но где-то там, в темноте, Винни-Пух лежал под деревом, жмуря померкшие глаза и уткнувшись носом в мокрую траву. Приятные запахи лесной дичи

и зверья слабели по мере того, как жизнь покидала его. Он сражался как герой и победил, но теперь все было кончено. Пес лежал спокойно, не скуля, только тихо урча себе под нос. Так, без гнева, примиренный с собой и с этим миром, он встречал свою смерть.

Через полчаса лес наполнился огнями. Рядом со Стэггом и Элспет шли бородатый доктор и два санитара. Фену показалось, что никогда в жизни он не видел такого прекрасного, сладостного света.

Глава 14 ГЕРОЙ УХОДИТ, ЗА НИМ ОСТАЛЬНЫЕ

Доктор с невозмутимым видом вышел из спальни Брэнды. Он пожал руки Стэггу и Фену, которые ждали его за дверью в узком коридоре, застеленном зеленым ковром.

— Можете с ней поговорить, — произнес он. — То, через что ей пришлось пройти, могло убить любого человека, но, судя по ее аппетиту, опасность ей больше не грозит. В любом случае я отправляюсь домой.

— Как ее колено? — спросил Фен.

Без пиджака и галстука, с всклокоченными волосами, он напоминал безработного.

— С коленом все в порядке. Горло немного поболит: не будь она так голодна, у нее возникли бы проблемы с глотанием. Субконъюнктивальное кровоизлияние. Но через неделю-другую все пройдет. Это была работа дилетанта.

— Повезло, — пробормотал Фен.

Доктор на прощание махнул им рукой и исчез.

Они вошли в спальню. Это была небольшая комната в пастельных тонах. В миниатюрном камине горел огонь, а на окнах висели голубые шторы, за которыми шумел проливной дождь. На стене над каминной полкой на них тарасила глаза детская сумка в форме панды. Изящный туалетный столик в стиле Людовика XVI (Фен с удивлением отметил, что это подлинник) являл взору такое количество косметики, что ее свободно хватило бы на нужды нескольких взрослых дам. Обшарпанная подставка в виде деревянной утки — еще один трогательный сувенир из детства — предлагала гостям три яркие книжки: «Поэзию Шелли», «Искусство верховой езды» и потрепанный роман Чейни. В воздухе едва уловимо пахло цветочными духами; их аромат заставил Стэгга сдвинуть брови, чье пуританское воспитание связывало любые благовония с картинами разгульной жизни. Молодая сиделка в белом платье суетливо сновала по комнате, приводя ее в порядок. Здесь же находились Элспет и родители Брэнды. Сама Брэнда в блестящем черном пеньюаре и желтой ночной кофте сидела в кровати, опершись на взбитые подушки, и с большим аппетитом поедала свинину с зеленым горошком.

Профессор с облегчением заметил, что буря эмоций, вызванная их недавним драматичным возвращением домой, утихла. А тогда в доме рыдали все: Брэнда, мать Брэнды, Элспет, женская прислуга, — только отец Брэнды не плакал и возбужденно пожимал руку каждому, кто попадался на глаза. Фену сразу предложили теплый халат, кресло у камина, сушилку для волос и бренди; но он принял только последнее, отказавшись от других даров с видом закаленного в боях спартанца. Однако теперь кризис

явно миновал, и в спальне снова воцарилась атмосфера мира и покоя.

— Ммм, — промычала Брэнда с набитым ртом. — Садитесь, профессор Фен. Вы не голодны?

— Нисколечко.

Он говорил правду, хотя не успел поесть. Глядя на Брэнду, Фен наслаждался живостью и беспечностью цветущей юности. Сам он до сих пор не оправился от шока. Не так уж часто человеку случается оказаться на волосок от смерти, а потом живым и невредимым вернуться в прежний мир, чувствуя себя немного глупо и не в своей тарелке, словно по ошибке занял место, которое предназначалось не тебе. Но Брэнда выглядела великолепно. После еды она слегка покраснелась и пребывала в игривом настроении.

Мистер Бойс, невысокий, лысый, преуспевающего вида мужчина средних лет, в десятый раз пожал руку Фену.

— Я навечно у вас в долгу, сэр, — заявил он. — Брэнда рассказала мне все.

— Вы должны благодарить Винни-Пуха, — возразил профессор. — Как, впрочем, и я. Если бы не он, нас бы сейчас здесь не было... Брэнда, я смотрю, вы уже пришли в себя.

— Да, только проклятое горло, — неосторожно ответила Брэнда и, увидев вытянувшиеся лица родителей, густо покраснела. — Но в остальном, — быстро добавила она, — я цвету как роза мая. — Фен улыбнулся, поняв, что мисс Пэрри подразумевала под «стилем Брэнды». — Большое вам спасибо, профессор Фен. Мама, ты принесла галстук?

— Да, дорогая. Вот он, профессор. Я его погладила. Только, боюсь, пиджак мокрый. Позднее я вычищу его и отправлю вам.

— Нет, нет, не беспокойтесь, — отозвался Фен, подходя к зеркалу, чтобы поправить галстук. — Я заберу его с собой.

Какое-то время они вежливо пререкались на эту тему, и Стэгг начал проявлять признаки нетерпения. Он громко откашлялся и обратился к мистеру Бойсу:

— Если не возражаете, сэр, я хотел бы задать пару вопросов вашей дочери.

— Ах, да, простите! Разумеется. Дорогая, мы должны на минутку оставить этих джентльменов. А что касается ближайшего будущего...

— Я поставлю у двери надежного человека, — пообещал Стэгг. — Хотя уверен, что теперь, когда ваша дочь может обо всем нам рассказать, никакой опасности нет.

— Рад слышать. — Мистер Бойс нахмурил брови. — Но пока преступника не поймали...

— До тех пор, сэр... — Суперинтендант посмотрел на Фена. — Впрочем, мы надеемся, что это произойдет очень скоро. До тех пор, сэр, я лично отвечаю за безопасность вашей дочери.

— Прекрасно. — Мистер Бойс повернулся к жене. — Идем, дорогая. А тебе, Элспет, лучше вернуться домой, пока родители не начали беспокоиться. Брэнда, мы скоро придем. Джентльмены, надеюсь, перед уходом вы не откажетесь пропустить со мной стаканчик виски?

Фен улыбнулся Элспет и протянул ей руку. Вместо того чтобы сделать то же самое, девушка — к общему удивлению и тайному недовольству Брэнды, — обвила руками его шею, страстно поцеловала и, залившись слезами, выскочила из комнаты. Мистер и миссис Бойс, состроив неодобрительные гримасы, последовали за ней.

Фен, Стэгг и сиделка остались с Брэндой. Сиделка деликатно удалилась в угол и стала греметь какими-то склянками. Мужчины сели в кресла у кровати. Профессор закурил.

— Итак... — протянул Стэгг.

Брэнда, покончив со свининой, перешла на грушевый пирог. Вместо ответа суперинтенданту она вдруг улыбнулась.

— Я надеюсь, — заметила Брэнда, лукаво взглянув на Фена, — профессор не откажется продемонстрировать нам свои способности.

— Каким образом, мисс? — поинтересовался Стэгг.

— Пусть заранее расскажет нам обо всем, что могу рассказать я.

Фен широко улыбнулся.

— Не в моих правилах выставлять себя напоказ, — возразил он. — Но если настаиваете...

Профессор достал из кармана блокнот и карандаш (на лице Стэгга отразилось явное неудовольствие), вырвал страничку и что-то быстро писал на ней пару минут. Закончив, протянул листок Брэнде. Она прочитала, широко раскрыв глаза.

— О боже, — пробормотала Брэнда. — Я просто пошутила, а вам и правда все известно. Хотя я ничего вам не говорила, и никто не может знать того, что знаю я. Понимаю: он во всем признался.

— Вовсе нет. То, что вы видите, — величественно объяснил Фен, — лишь результат дедукции.

— Прошу прощения, однако кое в чем вы все-таки ошиблись.

— Неужели? — Фен не выглядел расстроенным. — Простите, что разочаровал.

Стэгг шевельнулся в кресле.

— Пожалуйста, мисс...

Брэнда с невероятной быстротой доела пирог и, приняв от сиделки какое-то мутное лекарство, проглотила его не поморщившись. Затем попросила сигарету — Фен охотно дал, невзирая на протесты сиделки, — и, откинувшись на подушки, затаилась с неловким видом новичка.

— Все началось, — произнесла она, — позавчера вечером, когда мы репетировали «Генриха V». Как вам известно, я играла Екатерину — ну, а теперь роль скорее всего отдали Шейле Уотерспун, у которой огромный бюст и полное отсутствие актерского таланта. Короче, после этого мы должны были встретиться с Джереми Уильямсом в научном корпусе. Разумеется, все было вполне невинно, — добавила Брэнда, неловко поерзав под одеялом и покосившись на сиделку. — Мы оба очень интересуемся... цветами. Как говорит Фрейд...

Стэгг осторожно покашлял.

— Хорошо, избавлю вас от Фрейда, — усмехнулась Брэнда. — В общем, я закончила репетировать раньше Джереми и направилась в научный корпус, точнее, в биологический класс, где мы обычно... то есть где мы договорились встретиться. Какое-то время я там сидела — в темноте, конечно, потому что боялась включать свет, — и начала нервничать. Джереми не появлялся, а я не могла понять, куда он запропастился, и потом, я не люблю лаборатории, и мне было неудобно.

Фен мог легко представить эту картину. Тусклый блеск мензурок и пробирок, белеющий в углу человеческий скелет, слабо освещенный фонарем, жутковатые картинки с лимфатической системой на стене и острый, бьющий в ноздри запах заспиртованных

лягушек. Не самое подходящее место для восторгов романтической любви.

— Без четверти десять, — продолжила Брэнда, — я решила уйти, поскольку знала, что Джереми должен быть дома в десять. Я подумала, что он меня продинамил, и возмутилась.

— Еще бы, — пробормотал Фен. — Остаться без приятной беседы о цветах...

Брэнда удивленно посмотрела на профессора.

— Туше! — воскликнула она. — Очко в вашу пользу! На чем я остановилась? Ах, да. Я собиралась отправиться домой, как вдруг на лестнице раздали шаги. Господи, как же я перепугалась! Джереми не мог явиться в такое время, и я подумала, что меня застукает этот зануда Уэллс (который уж точно настучит на меня директору, а тот — мисс Пэрри), а если спрячусь, меня запрут здесь на ночь. Второй вариант был не так уж плох, потому что я могла выбраться через окно. Гораздо хуже, если бы меня поймали: я не представляла, как объяснить свое присутствие в таком месте, тем более что некоторые люди почему-то не верят, когда им говоришь, что увлекешься цветами... Классы химии и биологии расположены рядом, и из одного можно перейти в другой. Точнее, в биологию можно попасть только через химию. Я спряталась за приоткрытой дверью и заглянула в щелочку в химический класс. Через минуту в него вошел какой-то человек с фонариком...

Брэнда немного помолчала.

— Знаете, меня это сразу удивило. Если бы он просто хотел взять что-нибудь в комнате, то включил бы свет. К тому же он двигался бесшумно, и я не сразу догадалась, кто это такой. Я только ждала и надеялась, что он не зайдет ко мне. Но он и не собирал-

ся. Постояв немного и прислушавшись, он шагнул к шкафчикам в углу и осветил на них фонариком. В шкафчиках стеклянные дверцы, и можно было рассмотреть, что внутри. Наверное, он не нашел, что ему было нужно, потому что перешел ко второму шкафчику, затем к третьему и так далее, пока не обнаружил то, что хотел. Тогда он достал большую отвертку, вставил ее между дверцами и взломал замок. Когда свет от фонарика упал на его руки, я увидела, что он в перчатках.

Брэнда невольным движением прижала руку к горлу, на котором остались синяки.

— Мужчина взял с полки какой-то пузырек, — продолжила она, — вытащил из кармана маленькую бутылочку и перелил в нее его содержимое — совсем немного. Он действовал осторожно, а от пузырька шел пар: я догадалась, что это может быть, и мне стало не по себе. Потом он плотно заткнул бутылку и убрал ее в карман, а пузырек поставил назад на полку и захлопнул шкафчик. Нервы у меня были на пределе, но я все-таки заметила, куда он поставил пузырек, чтобы позднее проверить, что он взял. И тут случилось это...

Брэнда беспомощно развела руками.

— То самое, что обычно происходит в книжках или фильмах. Я чихнула! Знала, что чихну, но не сдержалась. Только зажала ладонью рот, но звук все равно получился громкий.

— Надо было потереть переносицу, — заметил Фен.

— Правда? Можете вообразить, что я почувствовала. Я бы отдала что угодно за то, чтобы это была мисс Пэрри, а не преступник с бутылкой кислоты в кармане. В общем, он меня услышал. И, по-мо-

ему, сначала перепугался даже больше, чем я. «Кто здесь?» — спросил он дрожащим голосом. Меня это приободрило, и я решила, что не двинусь с места. Но дальше... дальше он меня нашел. Похоже, даже обрадовался, что это я. Хотя вид у него все равно был злой. «Какого черта вы здесь делаете?» — прошипел он. И я ответила тоже шепотом — не знаю, с чего мне вздумалось шептать: «Уж точно не взламываю шкафчики». Это был глупый ответ, и он взглянул на меня так, что во мне все похолодело. «Боюсь, вы видели слишком много, мисс, — сказал он. — Вам известно, что в пузырьке?» Я кивнула. «Если вы кому-нибудь сообщите об этом, я выплесну это в ваше хорошенькое личико, а вам это очень не понравится. Если вздумаете обратиться в полицию, имейте в виду, что у меня есть друзья, и, даже если меня арестуют, они разберутся с вами. Скажите спасибо, что я не убил вас прямо сейчас. А теперь убирайтесь отсюда и держите рот на замке».

Рассказ Брэнды казался странной смесью реальных чувств с мелодраматической игрой. Матисон не зря назвал ее хорошей актрисой: она с удовольствием исполняла свою роль и наслаждалась производимым эффектом. Несмотря на это, ее страх был искренним и неподдельным, хотя он скорее мешал, чем помогал достоверности описываемых ею событий.

— Мужчина схватил меня за руку и потащил из комнаты, но я успела бросить взгляд на шкафчик и сообразила, что он искал. — Брэнда взглянула на Фена. — В этом пункте вы ошиблись. Это была серная кислота.

— Витриол, — объяснил Фен, — просто другое название серной кислоты.

— Да, — кивнула Брэнда. — Тогда извините еще раз, профессор. Короче, мы вышли на улицу, потом он нырнул куда-то в темноту... и был таков.

— Но кто он? — спросил Стэгг. — Вы разглядели его лицо?

— Конечно, — ответила Брэнда. — Майкл Сомерс.

Суперинтендант протер пальцами глаза, словно желая убедиться, что не спит. Очевидно, он ожидал чего-то другого.

— Сомерс? — повторил он. — Вы уверены, мисс?

— Разумеется. Раньше я с ним не общалась, но хорошо знала его в лицо. Мы часто встречались по пути на велосипедах, когда он ехал в город, а я возвращалась домой из школы.

Стэгг покачал головой.

— Ладно, мисс. Давайте дальше.

— Нечего и говорить, что я была страшно напугана. Я видела «Призрак оперы», и мне совсем не хотелось, чтобы кто-то плеснул кислотой в лицо. Я вернулась домой, надеясь, что мама и папа ничего не заметят, но они заметили и стали расспрашивать меня. Конечно, поняли, что я от них что-то скрываю. На следующее утро — то есть вчера утром, — они позвонили мисс Пэрри, и та меня вызвала и тоже принялась расспрашивать. В конце концов она решила, будто меня изнасиловали, и тогда я испугалась, что она скажет об этом маме и папе, а они ей поверят.

Брэнда перевела дух, вытерла кстати наворачивающуюся слезу и стряхнула пепел на тарелку.

— Я знала, что должна пойти в полицию и плевать на то, что будет, но... Он сказал, у него есть друзья и они до меня доберутся. Конечно, я догады-

валась, что он скорее всего соврал, но все-таки это могло быть правдой, а полиция не сможет охранять меня всю жизнь, поэтому... — Она помолчала. — Нет, я не верила в истории про месть — «Долина страха» и тому подобное, — но, наверное, подобное иногда случается.

— Мы вас прекрасно понимаем, мисс Бойс, — сочувственно вставил Стэгг. — Вам было бы лучше обратиться в полицию, но я не уверен, что на вашем месте у меня хватило бы духу это сделать.

Брэнду это немного успокоило.

— Как раз об этом я думала, возвращаясь вчера днем из школы. Об этом и еще кое о чем. Рано или поздно пойдет слух, будто я что-то скрываю, и если он об этом узнает, то подумает, что я проболтаюсь, — а так действительно могло случиться, — поэтому он наверняка захочет что-либо предпринять. Я пожалела, что у меня нет велосипеда, на дороге там довольно пусто, а мой сломался. Я позвонила на переменке маме и попросила встретить меня на машине, но у нее были гости, и в результате я пошла пешком. Самым жутким участком, конечно, был Мелтон-Чарт — нигде ни души, — и я едва успела пройти его наполовину, как он выскочил из леса — я имею в виду, Сомерс, — и сбежал ко мне по насыпи. В руке у него был револьвер. Я подумала: ну, вот и конец. Но не собиралась сдаваться без борьбы. У меня в кармане лежал перочинный нож, и я надеялась, что кто-нибудь вспомнит про ту давнюю игру.

— Игру? — удивился Стэгг. Они ему объяснили. — Угу, — пробормотал он. — Понятно. Продолжайте, мисс.

— Он сказал: «Ни звука и без фокусов. Сейчас мы немного прогуляемся».

Фен сомневался, что Сомерс выразался именно таким образом, но, вероятно, Брэнда передавала только общий смысл.

— Но я все-таки рискнула. Нагнулась и сделала надрез, чтобы получился кровавый след, — сгоряча даже глубже, чем хотела, — а он подумал, будто я подтягиваю чулок, и не обратил внимания. Это заняло всего секунду. Ну, а потом я разыграла небольшую сцену: испуг, слезы и все такое, — чтобы немного задержаться на дороге и дать крови вытечь на землю. Вниз я не смотрела, но когда он потащил меня в чашу, я надеялась, что мне все удалось.

Брэнда вздохнула:

— Итак, мы пошли через лес, и он постоянно подталкивал меня сзади дулом револьвера. Скажу вам честно, — добавила она, побледнев, — никогда бы я не хотела испытать такое еще раз. Я думала, что каждый следующий шаг станет для меня последним. Вскоре мы выбрались на поляну, где вы меня нашли, и он достал бумагу, ручку и конверт и продиктовал то дурацкое письмо для мисс Пэрри. Он не позволил мне написать его своими словами: видимо, боялся, что я вставлю какой-нибудь тайный знак. Потом заставил меня подробно рассказать, где находится моя классная комната. Если бы я соображала получше, то направила бы его в другой класс — тогда письмо сразу возбудило бы подозрение, — но я была слишком напугана, и мне это даже не пришло в голову. В следующую минуту — я стояла к нему спиной, — он бросил револьвер на землю и, прежде чем я сообразила, что происходит, схватил меня за горло. Я стала бороться, мы оба упали, мою ногу пронзила жгучая боль, и дальше я ничего не помню... Очну-

лась я в темноте. Не могла двигаться и лежала, пока не появились вы и Элспет.

После долгого рассказа Брэнда охрипла. Она закашлялась, и сиделка подскочила к ней с какой-то микстурой.

В голове у Фена вертелась мысль: почему Сомерс решил задушить Брэнду, а не застрелить? Может, ему было приятно сознавать, что его пальцы коснутся ее белой шеи? Впрочем, Фен не собирался вдаваться в детали этого жалкого и гнусного преступления.

— Сомерс сваял дурака, — заявил он. — Решил, что задушил вас, хотя вы были без сознания. Вам очень, очень повезло, Брэнда.

— Вы знали все это заранее, сэр? — обратился к нему Стэгг.

Брэнда протянула ему записку Фена, и суперинтендант прочитал ее вслух:

— «Вы увидели, как Сомерс взломал шкафчик в научном корпусе и украл витриол. Он пригрозил убить вас, если проговоритесь. Встретил вас в Мелтон-Чарт по пути из школы, продиктовал письмо, выяснил, где находится ваш класс, и попытался задушить». Хм. — Стэгг ограничился тем, что покачал головой; присутствие третьего лица не позволяло ему яснее выразить свои чувства. — Все абсолютно точно.

— И что теперь? — спросила Брэнда. — Вы его арестуете?

— Боюсь, что нет, — ответил Фен. — Сомерс уже недосыгаем для человеческого правосудия. Дело в том, Брэнда, что пока вы лежали в Мелтон-Чарт, произошло несколько важных событий. Не стану вдаваться в подробности, но были убиты три человека, в том числе — Сомерс.

Она с недоверием посмотрела на него.

— А что же тогда было в лесу? — воскликнула она. — Кто это делал? Зачем?

Фен встал.

— Вот это нам и надо выяснить. Но вы останетесь под надежным присмотром, не волнуйтесь. Мы должны идти, а вам нужно немного отдохнуть.

Он склонился над кроватью и поцеловал ее в кончик очаровательного носа.

— Пользуетесь положением? — лукаво улыбнулась Брэнда. — Я думала, вы решитесь на нечто большее.

— Я женатый человек, — возразил Фен, — поэтому не тратьте на меня понапрасну свои чары. И потом, подумайте, как вам будет приятно снова вернуться к Джереми и запаху проспиртованных червей.

— К черту! — рассмеялась она. — Приходите завтра и расскажите все, что сможете узнать.

Брэнда устала, ее глаза стали закрываться.

— Непременно, — пообещал Фен. — Приятных снов.

Они вышли в коридор, оставив девушку на попечении сиделки и дежурившего у двери констебля.

— Надеюсь, с ней все будет в порядке, — озабоченно заметил Стэгг, когда они спускались по лестнице. — Я искренне восхищаюсь этой юной леди.

— Все будет хорошо, — уверенно ответил Фен. — Больше с ней ничего плохого не случится.

Часы пробили полночь, когда, пропустив стаканчик виски с мистером Бойсом, они вышли из дома. У ворот были припаркованы две машины: «Лили Кристин» и маленький «Моррис» Стэгга, — и они немного постояли на улице, прежде чем сесть

за руль. Дождь закончился, подул холодный ветер, и облака стали расходиться в стороны, словно театральный занавес, открывший звездный небосвод.

— Кое-что мне теперь ясно, сэр, — произнес Стэгг, — и я готов дать себе пинка под зад за то, что не понял этого раньше. Но черт меня побери, — добавил суперинтендант, с сердцем хлопнув кулаком по своей ладони, — если я понимаю все остальное. Два убийцы сразу — это не укладывается у меня в голове.

— Все закончилось, суперинтендант, — устало промолвил Фен. Он перекинул пиджак через руку. — Теперь у нас есть улики.

— Я жду вашего следующего шага, сэр.

— Мы должны составить полную картину. И я надеюсь, что нам удастся застать директора на месте.

Они сели по машинам и направились обратно через Мелтон-Чарт к директорскому дому. Но директор, как им сообщили, все еще находился в школе. Фен воспользовался моментом, чтобы насухо вытереться полотенцем, переодеться в чистую одежду и проглотить для профилактики три таблетки аспирина — лекарство, которому он доверял. Потом они отправились к Давенанту, где находился кабинет директора. Площадь была пустой и тихой в ярком свете фонарей.

Директора они застали одного. Он сидел, вытянувшись в мягком кресле, и пил виски, глядя на погасший камин. Его длинный нос блестел в свете лампы, темные волосы были в беспорядке, а глаза полны усталости. Но при их появлении Стэнфорд сразу встал и налил им выпить. По словам директора, он сидел в кабинете уже полчаса, после того как ему

удалось избавиться от особенно назойливых родителей, желавших пообщаться с ним после пьесы.

— Как прошел спектакль? — спросил Фен.

— Неплохо, — рассеянно ответил директор. — Но где находились вы, мой дорогой друг? Я не видел вас после того, как вы исчезли с садовой вечеринки.

Фен коротко изложил ему события последнего вечера и рассказ Брэнды Бойс.

— Боже милостивый, — пробормотал Стэнфорд. — Сомерс... Он мне никогда не нравился, но мне и в голову не приходило...

Он погрузился в молчание. Стэгг посмотрел на Фена.

— Простите, сэр, но я должен знать, — произнес он. — Я должен знать, чтобы работать дальше. Вы можете дать мне хоть какие-то зацепки?

Фен поднял бокал и сделал глоток виски.

— Суть алиби Сомерса, — проговорил он, — его наручные часы, записка Лава о мошенничестве, общепринятый взгляд на манускрипты, отчеты об алиби и сегодняшняя попытка убить Брэнду.

Стэгг молча выслушал эту шараду.

— Нет, так не пойдет, сэр, — заявил он после долгого молчания. — Просто расскажите, что вы знаете.

Фен поставил бокал на стол.

— Прежде всего, вы должны иметь в виду, что Сомерс убил Лава.

Директор шевельнулся в кресле.

— Но, позвольте, ведь он не мог...

— Минутку, сэр, минутку. — Стэгг предупреждающе поднял руку. — Допустим, вы правы. Но...

— Вы хотите знать, кто убил Сомерса и миссис Блай? Все очень просто. — Профессор улыбнулся. — Это мог сделать только...

Он вдруг остановился, прислушиваясь к звукам, подбежал к двери, распахнул настежь и выглянул в коридор. Там никого не было.

— Подождите, — буркнул он и исчез за дверью.

Через несколько секунд они услышали его голос под окном.

— Скорее! — крикнул Фен. — Ради бога, скорее! Он уходит!

Глава 15

ПОГОНЯ

Дальнейшие события стали причудливой смесью фарса и трагедии. Выскочив из подъезда, Фен услышал быстрые шаги, удалявшиеся в сторону ворот. Предупредив криком Стэгга и директора, он бросился вдогонку. Возможно, убийце не удастся покинуть Англию, думал он, но если он упустит его сейчас, то потеряет навсегда.

Не успел Фен сделать и нескольких шагов, как услышал звук хлопнувшей дверцы и шум взревевшего мотора. Профессор прибавил ходу. Ярдах в ста от него включились мощные фары, и длинная серая тень скользнула мимо в сторону главной дороги.

— Проклятие! — воскликнул Фен.

Он кинулся назад к Стэггу и директору, которые бежали к нему со стороны корпуса.

— Он поехал туда, — объяснил он на ходу.

Все бросились к своим машинам. Фен первым сорвался с места. Не разбирая дороги, помчался прямо по лужайкам и клумбам, безжалостно давя колесами цветы, и выбрался на главное шоссе. Профессор сомневался, что его капризная и вздорная «Лили Кристин» сумеет догнать такой резвый автомобиль,

как «Испано Сюиза», — именно в нем, судя по всему, ехал преступник, — но твердо решил достичь финиша. Стэгг не отставал от него ни на дюйм, директор следовал за ним. Вскоре вся их маленькая каравалькада пронеслась через школьные ворота.

Фен успел вовремя, чтобы заметить, как фары «Испано» вильнули в сторону и свернули на дорогу, уходившую в Рэйвенсфорд. Со стороны беглеца это было ошибкой: узкая и разбитая проселочная дорога сводила на нет разницу между классами автомобилей. На перекрестке директор мужественно свернул за Феном, а Стэгг помчался дальше: решил схитрить и двинуться в объезд, чтобы перехватить «Испано» на полпути. Но объездная дорога оказалась слишком длинной, и он вернулся точно на то же место, откуда отбыл: между Феном и директором.

Несколько минут они с ревом неслись в ночной тьме, тревожа сон мирных деревушек. Пригороды быстро сменились сельским пейзажем. Деревья, заборы и телеграфные столбы пролетали мимо, как осенняя листва. Поздние прохожие шарахались от них в канавы, а перепуганные курицы выскакивали из-под колес. Вскоре промелькнул сам Рэйвенсфорд: мостик, площадь, паб, — и дорога стала поворачивать к коттеджу миссис Блай. Похоже, беглец осознал свою ошибку и решил вернуться на главное шоссе.

Но тут «Лили Кристина» показала свой характер. Под ее капотом слышались странные хлопки, быстро превратившиеся в оглушительную пулеметную стрельбу. Двое запоздалых влюбленных, нежно обнимавшихся в тени ограды, отпрянули друг от друга, словно их разделили огненным мечом. Педаль акселератора заклинило, мотор заглох, машину повело в сторону. Фен с проклятиями вырулил на край лу-

жайки и увидел, как Стэгг и директор, не останавливаясь, полетели мимо.

— Стойте, стойте! — прокричал он им вдогонку. — Подождите!

Влюбленная парочка, приблизившись, превратилась в знакомые фигуры Дафны Сэвидж и мистера Пламстеда.

— О боже! — воскликнула Дафна. — Это профессор Фен. Но как вы...

Она в изумлении уставилась на него. Он вылез из автомобиля и пробормотал:

— Бесполезно.

Аварии всегда повергали его в уныние.

— Что, сломались? — грубовато спросил мистер Пламстед. — Давайте я починю. — Очевидно, он тешил себя иллюзией, что разбирается в машинах. — Наверное, полетело уплотнительное кольцо.

— Поразительно, — произнес Фен, — ученые всегда похваляются тем, как благотворно их открытия влияют на судьбы человечества, а сами не могут придумать ничего стоящего, чтобы разобраться с простой поломкой.

Мистер Пламстед пропустил его сентенцию мимо ушей. Он открыл капот и, судя по всему, собрался разобрать весь двигатель. У его ног росла гора деталей. Мистер Пламстед громко дышал.

— Он умница, правда? — восхищенно заметила Дафна, и, не дождавись от Фена подтверждения, добавила: — Что вас сюда привело?

Фен объяснил ситуацию, пока мистер Пламстед продолжал крушить его автомобиль.

— Боже милостивый! — ахнула Дафна. — Кто...

Она остановилась. Шум погони давно затих где-то за деревней, но теперь с той стороны слышался

звук приближавшейся машины. Еще через секунду появились ее фары, и Фен увидел, что это та же самая «Испано Сюзиса». Он сообразил, что произошло. Пытаясь оторваться от погони, преступник свернул с дороги, выключил свет и заглушил мотор, а когда автомобили преследователей пролетели мимо, развернулся и помчался в обратную сторону. Это помогло ему выгадать немного времени, хотя Фен видел, что две другие машины по-прежнему висят у него на «хвосте».

— Быстро! — крикнул он.

Мистер Пламстед вздрогнул и выпрямился, ударившись головой о трубку радиатора.

— Толкайте автомобиль на дорогу! — скомандовал Фен.

Началась суматоха. Мистер Пламстед отогнал Дафну от опасной зоны; Фен кинулся к рычагу ручного тормоза; наконец с огромными усилиями они сдвинули «Лили Кристин» с места, и та покатила вперед. Но «Испано» была уже рядом; чуть вильнув в сторону, она коснулась колесами обочины и промчалась мимо.

— Черт! — крикнул Фен.

«Лили Кристин» по инерции ползла дальше, пока не встала поперек дороги, перегородив проезд. Прежде чем они поняли, что это означает, из темноты вылетела машина Стэгга и, взвизгнув тормозами, остановилась в дюйме от «Лили Кристин». Спустя секунду то же самое проделал автомобиль директора.

В окне появилось перекошенное лицо суперинтенданта.

— Уберите этот чертов драндулет! — заорал он.

Они поспешили выполнить приказ. Обе машины мгновенно рванули с места.

— Пойдите! — в отчаянии крикнул Фен. — Подождите меня!

Но никто не собирался его ждать. Стэгг, верный долгу, не хотел терять ни секунды, а директор, опьяневший от погони и вошедший в раж, вообще не смотрел по сторонам. Скоро их моторы затихли вдалеке. Фен бессильно опустился на траву. Мистер Пламстед вернулся к полуразобранной машине. Дафна мрачно смотрела на них, стоя на обочине.

Неожиданно они снова услышали шум автомобиля, на сей раз со стороны Рэйвенсуорда. Фен вскочил, всмотрелся в темноту и замахал руками.

— Быстрее! — крикнул он. — Он возвращается!

Действительно, к ним на большой скорости приближалась «Испано». Беглец еще раз проделал свой трюк, но Стэгг успел к нему подготовиться и сократил разделявшее их расстояние до минимума. Фен и мистер Пламстед отчаянным усилием навалились на «Лили Кристин».

Удивительно, но все повторилось так же, как в первый раз. Правда, теперь у «Испано» почти не было времени для маневра, и еще через секунду они смогли бы заблокировать ее раз и навсегда, вероятно, сильно при этом пострадав или даже погибнув в чудовищной аварии. Но автомобиль каким-то чудом проскользнул мимо. Времени освободить путь у них уже не оставалось — и Стэгг с директором застряли посреди дороги. Суперинтендант протаранил «Лили Кристин» и протащил ее несколько дюймов по мокрой глине.

Они не могли видеть лица Стэгга, но знали, что он кипит от ярости.

— Вы спятили? — завопил он срывающимся голосом. — Спятили?

Всей троице пришлось опять впрячься в свою лямку. Но теперь Фен сразу бросил свою «Лили Кристин», даже не поставив ее на тормоз, и плюхнулся на сиденье рядом с директором прежде, чем тот успел нажать на газ. Дафна залезла на заднее сиденье, а мистер Пламстед, несмотря на неуклюжесть, успел вскочить на подножку и вцепился в машину так, будто его хотела оторвать от нее тысяча чертей. Фен мельком увидел разложенные на дороге запчасти «Лили Кристин», и все скрылось за поворотом.

— Весело, правда? — пробурчал директор.

Его автомобиль был оснащен мощным двигателем, поэтому он легко держался вслед за Стэггом, хотя стрелка спидометра показывала свыше шестидесяти миль. Маячившая впереди «Испано» становилась все ближе. Скоро они выскочили на широкий и прямой участок проселочной дороги, в конце которой виднелся маленький мост, еще более узкий и опасный, чем рэйвенсфордский. Вправо от него тянулся крутой откос, отделенный от проезжей части шаткой изгородью из кольев. Все три автомобиля с бешеной скоростью мчались ему навстречу.

— Дальше главное шоссе, — пробормотал директор. Он сидел, согнувшись над рулем, как профессиональный гонщик. — Боюсь, мы его потеряем. Смотрите, он прибавил газу.

Но развязка уже близилась. Всем водителям известен особый закон, по которому наиболее громоздкие и неповоротливые грузовики и фуры встречаются в самое неподходящее время и в самых узких и неудобных местах пути. Так произошло и теперь. «Испано» находилась уже в нескольких ярдах от моста, когда на противоположной стороне выросла многоколесная громадина с гигантским кузовом. Водитель

«Испано» притормозил, но скорость была слишком велика. Они видели, как он попытался уйти в сторону — и в следующий момент грузовик со всей силы ударил ему в бок. Автомобиль проломил ограду и исчез за мостом. Через секунду раздался взрыв, в небо взметнулся столб огня.

Водитель грузовика дал по тормозам и, чертыхаясь, выскочил из кабины. К мосту подлетели машины преследователей. Стэгг вместе с мистером Пламстедом, нырнув в пролом ограды, бросились вниз к пылающим обломкам. Они исчезли в языках пламени и через несколько секунд, показавшихся вечностью, возникли снова, волоча за собой черное изуродованное тело.

— Господи Иисусе, — пробормотал шофер. — Бедный парень. Но он сам виноват...

Раздался второй взрыв. На стоявших у моста людей дохнуло жаром. Пламя внизу превратилось в клокочущий вихрь.

И тут Фен, неподвижно стоявший у дороги, будто очнулся. Он кинулся вниз по склону, в самое жерло адского огня. Однако не успел он сделать и двух шагов, как кто-то крепко схватил его за руку: обернувшись, профессор увидел смуглое лицо Стэгга. Суперинтендант сильно обгорел, а плясавшие в его глазах языки пламени делали его похожим на выходца из преисподней.

— Не надо, сэр, — твердо произнес он. — Даже если вы хотите пожертвовать собой, вам ее не спасти. Да мы и не знаем, там ли она вообще.

Фен остановился, поняв тщетность своей попытки. Он кивнул на сморщенное обугленное тело, у которого стояли Дафна, мистер Пламстед и водитель грузовика.

— Мертв? — спросил он.

— Нет, сэр, жив. Но не более. Я немедленно отвезу его в больницу.

— Вам самим надо в больницу, — возразил Фен. — Он все равно умрет.

— Со мной все в порядке, — мрачно ответил Стэгг. — Я справлюсь.

Он заковылял к своей машине. Фен снова перевел взгляд на пылающий металл. Сзади к нему подошел директор.

— Кто это? — спросил он. — Ради бога, Джервейс, скажите мне, кто?

Фен уставился на него непонимающим взглядом. Директор настойчиво повторил вопрос.

— Дорогой мой друг, — медленно промолвил Фен, — я думал, вы давно уже все поняли... Разумеется, это ваш секретарь, Гэлбрейт.

Глава 16

ИТОГИ

— Сегодня я все утро «подчищал хвосты», — сообщил Фен. — Пообщался с Уимсом, навестил Стэгга, поболтал с Этериджем — кстати, он помог мне найти пару недостающих звеньев, — заглянул к Брэнде, чтобы рассказать ей новости, и пропустил по пинте пива в «Маяке» с Дафной и мистером Пламстедом.

— Как там Брэнда, поправляется? — спросил директор.

— Да, и довольно быстро.

— А Стэгг?

— К счастью, он обгорел не сильно. Разумеется, его забинтовали, но он снова на ногах. Что касает-

ся Пламстеда, то, вытаскивая Гэлбрейта из горящей машины, он не получил ни одного ожога. Наверное, это саламандра. Ему очень нравится «Маяк», и он собирается провести в нем остаток отпуска.

Разговор происходил на следующий день в кабинете директора. Площадь за окном была почти пуста, поскольку ученики проводили этот день с родителями. Вчерашний дождь положил конец солнечной погоде, над школой низко нависали облака. Дул пронзительный холодный ветер: температура упала так сильно, что директор затопил камин. Фен расположился в мягком кресле, почти горизонтально вытянув свое длинное худое тело. Его непослушные волосы были взлохмачены, галстук с рюсалками сдвинут набок, а лицо чисто выбрито и покрыто густым румянцем: результат недавних возлияний в виде пинты горького пива, смешанного (гастрономический кошмар, но Фен никогда не любил пить по правилам) с красным «о-брион» директора.

— Да, Гэлбрейт, — задумчиво протянул директор. — До сих пор не могу поверить.

— Почему? — спросил Фен.

Его интересовала криминальная психология, и он хотел услышать мнение директора.

— Мы долго работали вместе с ним, а мне даже в голову не приходило, что он способен на подобные ужасы. Я хочу сказать — это не тот случай, когда думаешь: не дай мне бог оказаться на его месте. Дело не в ситуации: похоже, в нем самом было нечто ненормальное, а я не замечал. Раньше мне казалось, будто я разбираюсь в людях, но теперь боюсь доверять собственным суждениям.

— Вы хорошо его знали?

— Не особенно. На самом деле я только сейчас начал понимать, что практически ничего о нем не знал. Так, несколько фактов. По правде говоря, хотел навести о нем справки, но решил, что хватит и рекомендаций его прежнего работодателя — а они были блестящими. К тому же и секретарь он был отличный: скромный, сдержанный, тактичный, исполнительный. Может, даже чересчур... Мне следовало догадаться, что за его служебным фасадом скрывается что-то еще. Но до того, как все это случилось, Гэлбрейт казался мне вполне нормальным. Наверное, бедняга мечтал разбогатеть, и эта огромная сумма просто свела его с ума.

— А Сомерс? Вас удивил его поступок?

— Не слишком. Я уже говорил, что Сомерс мне никогда не нравился. К тому же он работал у нас недолго, и я его плохо знал. Джервейс, вы обещали мне выложить всю информацию об этом деле. В утренних газетах ничего нет, кроме общих слов, и мне по-прежнему многое непонятно.

— А что конкретно вы хотели бы услышать? — спросил Фен, широко зевнув.

Он любил поспать, а последние две ночи выдались утомительными.

Директор достал свою трубку.

— Сначала о том, как вы пришли к своим выводам: так сказать, всю логическую цепочку. А затем — точную хронологию событий, с учетом того, что происходило за кулисами.

— Но на это уйдет много времени, — возразил профессор. — Боюсь, так мы просидим до пятичасового чая.

— Ну и что? Все равно, пока я не подыщу заместителя Гэлбрейту, мои руки связаны. Вообразите, —

директор моментально переключился на школьные проблемы, — все, что мне пока удалось найти, это какую-то глуповатую девицу из коммерческого колледжа. Вот увидите, в ближайшие несколько дней нас ждет хаос. Я уже знаю, что принесет завтрашняя почта: бесконечный поток писем от родителей, которые, начитавшись бульварной прессы, будут выражать свою озабоченность и поливать меня грязью.

Фен протянул руку к серебряной шкатулке, где лежали сигареты.

— Суть этого дела, — заметил он, — можно выразить в двух словах: невидимые чернила.

— Отлично, — кивнул директор, протянув ему спички. — Но я хотел узнать все с самого начала.

Профессор тяжело вздохнул, и Стэнфорд понял, что он сдался.

— Ладно. Первое, что я узнал об этом деле — то есть сразу, как к вам приехал, — было следующее. Брэнда назначила свидание в научном корпусе, вернулась домой расстроенная, но отказалась об этом говорить, а потом в химической лаборатории взломали шкафчик. Позднее мы услышали, что Брэнда пропала по пути из школы. Конечно, тут было о чем поразмыслить, но, как я вам тогда сказал, возможных объяснений было слишком много. Прежде всего, мне пришло в голову, что Брэнда стала свидетельницей кражи, и преступник заставил ее молчать. Но это была слабая и ничем не подтвержденная версия. К тому же в данной версии было много всяких сложностей, настолько очевидных, что я не стану о них упоминать. В любом случае исчезновение Брэнды вместе с подброшенным мисс Пэрри письмом, которое она расценила как фальшивку, свидетельствовали о том, что если Брэнда действитель-

но видела грабителя, то это было не совсем простое ограбление: мелкие воришки обычно не заботятся о том, чтобы похищать свидетелей и подделывать их письма. Отсюда я сделал вывод, что за этим случаем скрыто нечто более серьезное. Но остальное оставалось для меня в тумане.

— Мне кажется, вы слишком осторожничали, — заметил директор. — Очевидно, что похищение Брэнды после ограбления класса химии не могло быть просто совпадением.

— Однако совпадения иногда случаются, — возразил Фен. — А я стараюсь опираться только на ясные и простые факты. Имейте в виду, что мои умозаключения строились исключительно на очевидных и бесспорных основаниях, а таковых не было до тех пор, пока мы не занялись убийствами Сомерса и Лава. Вы помните, что, пока мы ждали приезда Стэгга, я попросил вас рассказать мне все, что знаете о жертвах. Тогда вы сообщили две важные детали, хотя поначалу я не обратил на них внимания: первая — о педантизме Лава и вторая — о его пуританстве. Я сохранил их в памяти вместе с прочей информацией. Вскоре приехала полиция, и мы отправились в учительскую комнату.

— Самой первой и самой странной деталью, поразившей в убийстве Сомерса, — продолжил Фен, — был электронагреватель. Я постоянно думал о нем, пока полицейские делали снимки и осматривали место преступления. Первое, что приходило в голову, — это отвлекающий маневр. Но включенный нагреватель ни на что не намекал: это была полная бессмыслица. Объясните, по каким таким причинам, пусть даже самым фантастическим, убийце могло понадобиться воткнуть в ро-

зетку печку, если он хотел просто одурачить следователей?

Директор задумался, но не смог придумать ничего подходящего.

— Хорошо, идем дальше. Я не стал с ходу отбрасывать версию с отвлекающим маневром, однако было логичнее предположить, что тепло использовали по назначению. Спрашивается — зачем? Чтобы согреться? Чепуха — вечер был жарким. Что-нибудь приготовить? Но в комнате не было никаких следов варки или жарки — а они наверняка бы остались, если бы преступник не потрудился их скрыть. Но зачем их было скрывать и как они связаны с убийством? Чтобы согреть труп? Но я уже тогда заметил Стэггу, что нагреватель стоял далеко. Нет, здесь следовало мыслить шире. С научной точки зрения, тепло нужно для того, чтобы вызывать химические реакции. И тут меня осенило: химическая реакция — шкафчик в классе химии — свидание Брэнды в научном корпусе... Выстроилась первая цепочка. Вот только какая химическая реакция и зачем? Допустим, кто-то хотел сжечь бумаги, но электронагреватель для этого не самое подходящее устройство. Я не стану перечислять или опровергать все существовавшие возможности. В конечном счете мои мысли обратились к школьным отчетам, и я решил, что единственная причина, по которой здесь могло понадобиться тепло, это невидимые чернила.

Воцарилось молчание, и в наступившей тишине стало слышно, как в камине трещат дрова.

— Имелись ли этому какие-то подтверждения? — наконец произнес Фен. — Да. Я имею в виду чистый лист промокательной бумаги, который мы нашли в кармане Сомерса, такой же, как те,

что Уэллс разложил вечером по блокнотам. Как вы помните, на столе перед Сомерсом лежала другая промокашка, где в зеркальном порядке отпечатались чернильные записи, какие он делал на школьных бланках. Между тем Уэллс сообщил, что из других блокнотов не пропало ни одной бумаги. Если мы предположим, что Сомерс заранее заполнил отчеты невидимыми чернилами, а потом проявил их с помощью тепла (чтобы создать впечатление, что он написал их прямо в учительской, между десятью и одиннадцатью вечера), ему пришлось бы позаботиться и о той промокашке, что лежала на столе. Не мог же он оставить ее девственно-чистой? Сомерс должен был еще раньше взять такую же бумагу — ее свободно раздают всем школьникам и учителям, — сделать на ней соответствующие отпечатки, принести тайком с собой и положить на стол. А поскольку Сомерс знал о педантизме Уэллса, то предусмотрительно вынул из блокнота один лист и спрятал к себе в карман, чтобы потом не обнаружилось, что в комнате оказался лишний экземпляр. Вы следите за моей мыслью?

— Да, — кивнул директор. — Хотя, мне кажется, имелись и другие подтверждения.

— Да, но не столь очевидные. Вы о недостатке времени? Давайте пока не будем заходить так далеко. Итак, я убедился, что Сомерс использовал невидимые чернила, но зачем? Судя по всему, хотел создать видимость, будто просидел в учительской с десяти до одиннадцати вечера, а сам в это время отправился по своим делам. По каким? Очевидно, не вполне законным. Сомерс тщательно подготовил себе алиби. Если бы на него пало подозрение, он мог бы обратиться к Стэггу с тем же предложением, что и я: про-

верить, сколько времени у него должно было уйти на заполнение отчетов. И тогда бы оказалось, что не менее часа. После чего спокойно заявить: «Вот видите, у меня просто не было на это времени». Существовали и другие факты, подтверждавшие данную версию: Этеридж точно знал, сколько бланков нужно заполнить Сомерсу. Тот подчеркивал, что закончит все к одиннадцати часам. Просил Уэллса зайти за ним ровно в одиннадцать. Уэллс мог подтвердить, что Сомерс пришел в десять и сразу взялся за работу. Но зачем, спрашивал я себя, ему это понадобилось? Для чего он подготовил свое алиби? Я тогда уже слышал о втором убийстве и естественно предположил, что Сомерс придумал схему с бланками, чтобы убить Лава. Но в этом уравнении был один большой «икс»: кто-то убил самого Сомерса. Я знал, что не могу принять свою версию о невидимых чернилах, не рассмотрев возможности того, что этот неизвестный «икс» каким-то образом принимал участие в уловке с отчетами. Тут было две возможности: либо «икс» придумал трюк с чернилами, чтобы полиция раскрыла его и подозрение пало на Сомерса, либо он пошел на эту хитрость для того, чтобы обеспечить себе алиби в убийстве Сомерса.

— В обоих случаях, — произнес директор, — Сомерс был ни в чем не виноват.

— Впрочем, и без сотрудничества Сомерса тут не обошлось. Все бланки были заполнены его рукой.

— Но почерк можно подделать!

— Мой дорогой Гораций, — вздохнул Фен, — подделать подпись — одно, а подделать девяносто семь разных документов — совсем другое. Вы когда-нибудь пробовали симитировать чей-то почерк симпатическими чернилами? Уверяю вас, это труд-

но, когда вы не видите, что делаете. Практически невозможно.

— Да, да, вы правы, — кивнул директор. — Я согласен, что Сомерс сам заполнил бланки.

— Рад, что вы согласны. Итак, у меня было две версии, предполагавшие невиновность и сотрудничество Сомерса. Но я спросил себя — возможно ли это? Какую правдоподобную историю мог бы придумать наш «икс», чтобы побудить Сомерса пойти на такое сложное и трудное дело, не вызвав подозрений? Если кто-нибудь обратится к вам с подобным предложением — под любым предлогом, — наверное, вы сочтете его психом. Поэтому я отбросил этот вариант и вернулся к своей первоначальной версии: Сомерс сам разработал схему, чтобы обеспечить себе надежное алиби. Следующая странность — сломанные часы. Разумеется, для Сомерса это могло быть хорошим поводом, чтобы попросить Уэллса зайти к нему в одиннадцать, но у него не было необходимости ломать их. Часы — сложный инструмент, в котором мало кто что-либо понимает. Никому не известно, почему они вдруг останавливаются или начинают идти снова. Кроме того, он надел их на запястье другой стороной. Я сам всегда ношу часы как Сомерс, и за все эти годы ни разу не замечал, чтобы по рассеянности или каким-то другим причинам надевал их не так, как обычно. Ясно, что с часами Сомерса поработал мистер «икс». Но опять — зачем? Положение рук жертвы мне ни о чем не говорило, и единственное заключение, которое я сделал: мистер «икс» хотел подтвердить алиби Сомерса в убийстве Лава, чтобы обеспечить себе алиби в убийстве Сомерса. Как видите, оно работает в обе стороны. Если Сомерс сел за стол в десять часов вечера и пи-

сал отчеты не менее пятидесяти пяти минут, ясно, что никто не мог убить его раньше, чем без пяти одиннадцать. «Икс» мог легко обеспечить себе алиби на это время, поэтому был заинтересован в том, чтобы поддержать фокус с невидимыми чернилами и завершить схему, какую начал Сомерс.

— Тут есть одна неувязка, — заметил директор. — Из ваших рассуждений следует, что «икс» знал о планах Сомерса устроить себе алиби, а преступники, насколько мне известно, не любят делиться подобным, по крайней мере, пока этого можно избежать.

Фен бросил окуроч в камин.

— Вы правы, — сказал он. — Вряд ли Сомерс с кем-либо делился. Скорее всего, мистер «икс», войдя в учительскую и убив Сомерса, быстро пришел к тем же выводам, что и я. А возможно, он просто застал Сомерса за проявкой невидимых чернил: поймал его с поличным.

— Все равно, одно не вяжется с другим, — покачал головой директор. — Сломанные часы не имели для Сомерса особого значения — они просто пришли к стати. Откуда «икс» мог знать, что Сомерс говорил Уэллсу про сломанные часы? Если, конечно, «иксом» не был сам Уэллс или Этеридж.

— Или если он не подслушал разговор, стоя за дверью учительской, — добавил Фен. — Такое вполне могло произойти, но поскольку Гэлбрейт умер, не приходя в сознание, мы уже никогда об этом не узнаем. В свое время я тщательно обдумал ваши возражения и решил, что моя версия верна — если только «иксом» не был Этеридж.

— Почему не Уэллс?

— У Уэллса не было алиби. Глупо убеждать всех, будто убийство не могло произойти раньше, чем без

пяти одиннадцать, и при этом не обеспечить себе алиби на эти пять минут или на все последующие. Нет, к тому времени я уже полностью исключил Уэллса из списка подозреваемых, и это принесло мне немалую пользу, потому что теперь я мог полагаться на его показания. Часы Сомерса пришлось очень кстати. Очевидно, «икс» сломал их, чтобы подтвердить слова Сомерса, сказанные Уэллсу. Ведь если бы полиция нашла их благополучно тикающими и показывающими правильное время, сразу возник бы вопрос, зачем Сомерсу понадобилось лгать про часы. Дело рассмотрели бы более внимательно и в конце концов могли бы докопаться до невидимых чернил. И тогда алиби «икса» рассыпалось бы в прах.

Но мы идем дальше. Говоря вкратце, в учительской мы установили следующие факты:

1. Сомерса убили выстрелом в левый глаз из револьвера тридцать восьмого калибра, вероятно с глушителем, с расстояния примерно в шесть футов.

2. В здание можно было незаметно попасть — и, соответственно, незаметно из него выйти, — благодаря окнам, расположенным на первом этаже.

3. Неделей раньше Сомерс вывихнул себе запястье.

Из трех этих пунктов: первый — несущественный, ни с чем не связанный и ничего не проясняющий. Второй — подтверждает, что Сомерс вполне мог бродить по окрестностям, пока все думали, будто он сидит в учительской. Третий — скорее всего, просто случайность, которая помогла ему сострять алиби. В любом случае она никак не повлияла на дальнейший ход событий.

Примерно так я представлял эту картину, когда

вышел из учительской. Сомерс убил Лава или совершил (по крайней мере, планировал) еще что-нибудь противозаконное между десятью и одиннадцатью часами вечера. Убийца Сомерса, со своей стороны, постарался обеспечить себе алиби на это время, из чего следовало, что Уэллс тут ни при чем.

Хочу отметить еще пару моментов. Есть множество самых разных рецептов симпатических чернил, но почти все они не дают настоящий черный цвет, — а Сомерс писал отчеты черным. Я знаю только один «правильный рецепт» — разведенная серная кислота. Естественно, я вспомнил сломанный шкафчик и слова Филпотса про «кислоты». Я больше не сомневался, что исчезновение Брэнды не являлось случайным совпадением. Тогда я предположил, что Сомерс украл серную кислоту и, когда Брэнда застала его на месте кражи, заставил ее молчать. Потом, испугавшись, что она все равно расскажет, похитил и убил. После того, как он тщательно подготовил трюк с чернилами, — и задумал то, ради чего ему понадобилось алиби, — она представляла для него серьезную опасность. Стоило Брэнде проболтаться про кислоту, как полиция стала бы выяснять, зачем Сомерс это сделал. Уловка с чернилами выплыла бы наружу, и Сомерсу — конец. Вот почему я был уверен, что Брэнда мертва, — до тех, пока мы не нашли ее в лесу.

Фен в очередной раз не удержался от зевка.

— Не стану уверять, — добавил он, — будто все эта цепочка выстроилась в таком стройном и логичном виде, но ход моих мыслей был именно таков. Затем мы направились в дом Лава. В этом убийстве, как верно заметил Стэгг, практически не было никаких зацепок. Единственное, что меня заинтересо-

вало, это обрывок записки, который я нашел в его столе: «Считаю своим долгом заявить, что двое моих коллег из Кэстривенфордской школы вступили между собой в сговор для совершения действий, которые нельзя охарактеризовать иначе, как откровенное мошенничество...» Слово «коллег», если вы помните, было наполовину зачеркнуто, словно он сомневался в его правильности. Кстати, записка была именно тем, чем казалась: никаких отвлекающих маневров. Я не сомневаюсь, — речь Фена постепенно становилась все менее разборчивой, — что Лав написал ее сам. Причем, судя по анализу чернил, сделал это в середине дня, так что было бы невероятно предположить, что кто-то заставил написать Лава этот документ и затем ушел, а Лав не нашел ничего лучше, как убрать записку в стол, чтобы сбить с толку полицию после его собственного убийства...

Веки профессора сомкнулись.

— Эй, проснитесь! — окликнул его директор.

— Я вас слышу, — раздраженно ответил Фен и встряхнулся, как пес, выбравшийся из реки. — В жизни не чувствовал себя более бодрым и сосредоточенным. Так о чем я говорил?

— О записке Лава.

— Так вот, она была подлинной. И я заметил в ней две интересные детали. Во-первых, оборот «которые нельзя охарактеризовать иначе, как...» Я сразу сказал Стэггу, что Лав имел в виду мошенничество не с точки зрения закона, а с точки зрения морали. Во-вторых: попытка зачеркнуть слово «коллеги». Рядом я нашел школьное сочинение, в примечании к которому Лав распекал какого-то ученика за неудачное использование слова «двусмысленно», — работа настоящего педанта.

— Лав был педантичным, — произнес директор. — Он не терпел неточностей.

— Вы правы. Именно это я и хотел сказать, показав тетрадь Стэггу, но он меня не понял. Очевидно, Лав решил, что слово «коллеги» в его заявлении неточно, и попытался его исправить, но сообразил, что тогда ему придется изменить все предложение, а потом и вовсе отложил записку, видимо, сочтя ее бесполезной. Однако первоначально написал слово «коллеги», а это значит, что хотя бы одного из них он считал близко стоявшим к положению учителя, хотя тот и не являлся им на деле: отсюда и возникла его ошибка. Разумеется, я сразу отсеял жен учителей и членов их семей — Лав никогда не назвал бы их коллегами. Речь шла о сотруднике школы, не входившем в состав преподавателей, или о ее директоре, то есть о вас. Питая к вам уважение, Лав не стал бы...

— Да, я об этом думал, — перебил директор. — Иногда мне приходило в голову, не считаете ли вы меня подозреваемым.

Фен усмехнулся:

— У вас было железное алиби. В общем, чтобы покончить с этой частью моего затянувшегося повествования, скажу одно: записка Лава давала достаточно оснований для его убийства. Потом мы отправились к его жене. Миссис Лав не сообщила нам ничего полезного, кроме того, что она и ее супруг регулярно пили кофе без четверти одиннадцать, и все в школе знали об этом. Это решало еще одну проблему, которая меня немного беспокоила: если Сомерс убил Лава и устроил себе алиби между десятью и одиннадцатью часами вечера, значит, он должен был позаботиться о том, чтобы труп обнаружили до одиннадцати, и полицейский врач засвиде-

тельствовал факт, что убийство произошло не ранее десяти. Понимаете, о чем я? У Сомерса, скорее всего, не было алиби на более ранний или более поздний срок, поэтому если бы Лава не нашли до следующего утра, все его усилия пошли бы прахом. Никто не смог бы назвать точное время смерти. Но Сомерс знал, что жена Лава войдет в его спальню без четверти одиннадцать: об этой привычке было известно всем, и Сомерс решил воспользоваться ею в своих целях. Только не подумайте, — торопливо добавил Фен, — что я уже тогда был на сто процентов уверен, будто Лава убил Сомерс. Но если это сделал он, то смущавшая меня проблема устранилась.

На следующий день я размышлял о слове «коллеги» и попросил вас дать мне список сотрудников школы, не входивших в преподавательский состав. Я сомневался, что Лав мог считать коллегой заведующую медицинским центром, сержанта Шелли, — как я потом выяснил, бессовестного кокни, — смотрителя стадиона, Уэллса или владельца школьной лавки. Зато меня устраивали начальник кадетского корпуса, казначей, библиотекарь, ваш секретарь и, в меньшей степени, школьный врач. Их-то я и взял на заметку.

Стэгг встретил нас в вашем кабинете. Он рассказал, что обе пули были выпущены из одного оружия — факт, который не противоречил выстроенной мной картине преступления, поскольку Сомерс мог убить Лава, вернуться с револьвером в учительскую и положить его на стол. А «икс», войдя к нему в комнату, схватить револьвер, застрелить Сомерса и унести оружие. Заметьте, я не был уверен, что именно так все и произошло, но считал это вполне вероятным. Стэгг с вашей помощью проанализировал али-

би, а я спросил вас, не слышали ли вы накануне вечером шум машины. Рассчитал, что от учительской до дома Лава — четверть часа пешком или пять минут на велосипеде. Разумно было предположить, что Сомерс использовал автомобиль, но вы ответили, что ничего не слышали.

Позднее у меня состоялись две никчемные беседы — с сержантом Шелли и Этериджем. Я надеялся, что Этеридж подбросит мне какие-нибудь факты насчет мотивов преступления, но ошибся. Зато он подтвердил, что все в школе хорошо знали про педантизм Уэллса и привычки Лава, и, следовательно, Сомерс мог учитывать их, разрабатывая план. Этеридж также сообщил, что в последнее время Лав выглядел расстроенным — как он выразился, словно «кто-то оскорбил его в лучших чувствах», — а это можно было сопоставить с «мошенничеством» в записке Лава и тем обстоятельством, что Сомерс всегда ходил в его любимчиках. Я спросил про вывих Сомерса, думая, что тот мог бы его симулировать, но с этим оказалось все в порядке. Наконец я поинтересовался, всегда ли Сомерс использовал черные чернила, и Этеридж подтвердил это. Отсюда следовало, что Сомерс должен был использовать невидимые чернила, которые давали черный цвет, иначе внезапная перемена цвета могла бы вызвать подозрения.

От Шелли я не узнал ничего, кроме факта, что револьвер и глушитель украли из оружейной, причем сделать это мог кто угодно. Мы со Стэггом безуспешно обыскали комнаты Сомерса. Я заметил, что он читал «Четвертый подлог», но в тот момент не обратил на это особого внимания — как и на факт, что в утро перед убийством Сомерс снял с банковского счета сотню фунтов. Деньги мы не нашли, по-

этому я предположил — и думаю так до сих пор, — что их взял убийца.

Позднее мы узнали об убийстве миссис Блай, это открыло нам глаза на существование манускриптов и прояснило мотивы преступления, а заодно и многое другое. Сомерс собирался купить рукопись. Лав — а я не сомневаюсь, что именно Лав расспрашивал в «Маяке» о миссис Блай и по этой причине написал потом в своей записке о «мошенничестве», — попытался сорвать сделку, рассказав миссис Блай об истинной ценности найденных бумаг. Это давало Сомерсу веские основания, чтобы устранить Лава. Его виновность в этом преступлении больше не вызывала у меня сомнений.

Однако оставались неувязки. Каким образом Лав мог узнать о предстоящей покупке? И почему написал про сговор двух коллег? Я считал невероятным, чтобы Сомерс рассказал о своем открытии кому-то еще, рискуя тем, что в последний момент добыча выскользнет у него из рук. К тому же у Сомерса не было причин обращаться к кому-либо за помощью, ведь нужная сумма денег имелась на его счету. И, уж конечно, он не стал бы посвящать в свои планы Лава, «коммерческое пуританство» которого было ему хорошо известно. Я решил, что Лав просто ошибся насчет «сговора», несмотря на то, что этому противоречило обстоятельство, что «икс» почти наверняка убил Сомерса и миссис Блай — из-за рукописей, о существовании которых предположительно знал. Получалось немного зыбко, не спорю, но одно обстоятельство для меня было несомненно: поскольку Лав мог с полным основанием назвать Сомерса своим «коллегой», то второй участник драмы — вероятно, мистер «икс» — и явился причиной ошибки,

заставившей его наполовину зачеркнуть слово «коллеги» в своей записке.

Затем к нам поступили отчеты об алиби. О, это было истинное откровение! Я не собирался учитывать учителей, но когда оказалось, что у Матисона, Этериджа и Филпотса нет никакого алиби с пяти до одиннадцати часов вечера — и, значит, они не ломали часы Сомерса, чтобы подкрепить его трюк с чернилами, — я вычеркнул их из списка подозреваемых. Уэллс выбыл оттуда по той же причине. Оставался один кандидат — Гэлбрейт. Он идеально подходил на роль убийцы. Лав вполне мог назвать его своим коллегой. Остальные четыре кандидата, по чудесному совпадению, весь вечер вместе играли в бридж. А его алиби — причем только его и больше ничье — совпало с тем, чего я ожидал: полная неизвестность до без четверти одиннадцать, но железный свидетель — то есть вы — на остаток вечера.

Стэгг сообщил, что Гэлбрейт увлекался старыми манускриптами. Для меня это стало последним доводом. Если Сомерс и мог рассказать кому-нибудь про рукопись, то именно специалисту в этой области. Он собирался выложить за документ сотню фунтов, почти опустошив свой счет в банке. Понятно, что его беспокоила подлинность рукописи, и он хотел в ней удостовериться, не подвергая себя большому риску. Гэлбрейт казался ему — как и другим — тихим и безобидным человеком, который не станет вмешиваться в его дела и тем более извлекать какую-то выгоду из данной ситуации. Между прочим, во время садовой вечеринки я спросил у Гэлбрейта, не общался ли с ним Сомерс на эту тему, и тот оказался достаточно умен, чтобы ответить утвердительно. Подобный шаг со стороны Сомерса напрашивался сам собой, и хотя Гэл-

брейт мог все отрицать, не опасаясь, что мы уличим его во лжи, было безопаснее и разумнее признать, что Сомерс говорил с ним о манускрипте.

Вчера во время чаепития дело представлялось мне так: Сомерс убил Лава, а Гэлбрейт наверняка убил Сомерса и, вероятно, миссис Блай.

Но у нас не было никаких улик против Гэлбрейта. Мы могли бы проанализировать состав чернил на бланках — что, собственно, и было сделано, — после чего его алиби разлетелось бы на мелкие кусочки. Однако отсутствие алиби само по себе не доказывает вину: мало ли у нас было людей без алиби? Что касается сломанных часов, то любой толковый адвокат разбил бы этот аргумент в пух и прах. «Дамы и господа, — в голосе Фена слышались фальшиво-напыщенные нотки, — всем известно, что даже лучшие из нас могут быть подвержены — ха-ха — необъяснимым приступам рассеянности. Но можно ли повесить человека — и я адресую вопрос ко всем разумным людям, сидящим в этом зале, — можно ли повестить человека только потому, что несчастная жертва жестокого убийства надела часы не на ту сторону руки?» А уж по поводу полузачеркнутых «коллег» и моих соображений насчет того, что Сомерс мог довериться только эксперту по старым манускриптам, присяжных щедро засыпали бы глупостями и софизмами. Хотя на самом деле это обстоятельство очень важно, суд счел бы его чем-то надуманным и незначительным.

Кроме того, у меня оставались сомнения. Конечно, все указывало на виновность Гэлбрейта, но я хотел получить неопровержимые доказательства — для очистки совести и чтобы позднее убедить присяжных. Вот почему я придумал примитивную ловушку.

Я поручил Уимсу завести беседу с Гэлбрейтом

и упомянуть о том, что он подслушал мой со Стэггом разговор насчет поимки убийцы. Стэгг будто бы говорил: «Если сумеем разрушить его алиби, сэр, то сможем передать дело в суд на основании показаний того парня, который видел, как он грабил коттедж. Но если нам это не удастся — а я не вижу, как это можно сделать, — то у нас ничего не получится». Я с ним якобы согласился, но тут мы заметили Уимса и отошли подальше.

— Грабил коттедж? — озадаченно произнес директор.

— Это была только догадка, — объяснил Фен. — Стэгг обнаружил в доме миссис Блай следы взлома, и я предположил, что прежде, чем совершить убийство, Гэлбрейт пытался добраться до рукописи более простым способом.

— Понятно, — кивнул директор. — Но как этот вымышленный разговор мог повлиять на Гэлбрейта?

— Во время званого вечера я хотел объявить о ложном воскрешении Брэнды. Сказать, что преступник пытался убить ее, но она лишь потеряла сознание, а не умерла. Потом мы дали бы Гэлбрейту возможность убить предполагаемую Брэнду — манекена на больничной койке. Даже если бы мы не поймали его с поличным, уже это покушение доказало бы, что Сомерса убил Гэлбрейт.

— Подождите. — Директор нахмурил брови. — Откуда Гэлбрейт мог узнать о Брэнде?

— О, мой дорогой Гораций, — простонал Фен, — раз уж он знал про невидимые чернила, то, наверное, мог догадаться, почему исчезла Брэнда?

— Да, конечно, — сконфузился его собеседник. — Извините.

— И тут произошло совершенно неожиданное событие. Брэнда действительно оказалась жива,

и моя ловушка захлопнулась раньше времени, застав меня врасплох. Кто-то попытался убить девушку. И это стало неопровержимым доказательством виновности Гэлбрейта.

— Каким образом?

Директор явно боялся снова попасть впросак, но решил выяснить все до конца.

— Единственная связь Брэнды с данным делом заключалась в том, что она видела, как Сомерс украл кислоту из шкафчика в кабинете химии. Если бы она выжила, то могла бы рассказать об этом нам, а мы бы стали выяснять, зачем ему это понадобилось, полистали бы научные справочники и в конце концов пришли бы к выводу, что он хотел изготовить невидимые чернила. Но единственным человеком, чья свобода и безопасность зависели от того, выплывет ли наружу правда о чернилах, являлся Гэлбрейт: после смерти Сомерса только он имел мотив для убийства Брэнды. Думаю, не нужно объяснять, что на самом деле он ошибался и раскрытие уловки с чернилами не имело большого значения для его поимки. Но разговор с Уимсом заставил его думать, будто дело обстоит именно так, и если его драгоценное алиби будет разрушено, он потеряет все.

Глава 17

НЕРУШИМЫЙ МИР

Фен сделал паузу, чтобы взять новую сигарету, а директор со вздохом откинулся в кресле.

— Потрясающе, — восхищенно пробормотал он.

— Вовсе нет, — возразил Фен, на сей раз без ложной скромности. — Несмотря на обилие деталей,

дело с самого начало было ясным и простым. А вот за то, что я имел глупость отправиться в Мелтон-Чарт без оружия, мне следует намылить шею.

— Хорошо, — кивнул директор, — а теперь перейдем к последовательному ходу событий. Кое-что насчет рукописей мне не совсем понятно.

— Боюсь, тут мы не сможем обойтись без домыслов, — предупредил профессор. — Все главные участники драмы мертвы, поэтому некоторые эпизоды можно восстановить предположительно. Но в целом реконструкция событий выглядит примерно так.

Все началось в прошлый понедельник в пабе «Маяк», когда Тавернер в случайном разговоре рассказал Сомерсу о найденном манускрипте и, возможно, упомянул его заголовок: «Вознагражденные усилия любви». Сомерс — как мы помним, учитель английского, — сразу заинтересовался новостью и во вторник вечером навестил миссис Блай, чтобы выяснить, как обстоят дела. Решив, что игра стоит свеч, он спросил миссис Блай, сколько она хочет получить за свою находку, и та назвала цену — сто фунтов. Скорее всего, вначале это была просто шутка, но, увидев, как сильно заинтересован Сомерс, она настояла на этой сумме. Сомерс, поторговавшись для виду, видимо, предложил ей чек, но миссис Блай отнеслась к этому с подозрением и потребовала наличных. «Хорошо, — согласился он, — я возьму деньги в банке и принесу их завтра». А она, видимо, ответила: «Нет, завтра я поеду к сыну и вернусь только в субботу, тогда и принесете деньги».

— Послушайте, — перебил директор, — давайте обойдемся без этих «видимо» и «скорее всего». Они сбивают меня с толку. Говорите так, как будто все

произошло в действительности, а если скажете что-нибудь абсурдное, я вас остановлю.

— Я никогда не говорю ничего абсурдного, — холодно возразил Фен. — Но вы правы, так будет лучше. Итак, я продолжу. Сомерс был не в восторге от того, что придется ждать долго: он боялся, что миссис Блай заподозрит истинную ценность рукописей и продаст их кому-то другому за более крупную сумму. Поэтому он попросил ее подписать бумагу с «обещанием о продаже», и она согласилась, ведь для нее сто фунтов являлись целым состоянием. Кстати, мы нашли этот документ у Гэлбрейта: очевидно, он взял его у Сомерса после убийства. Сомерс написал в нем следующее: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь после выплаты мне ста фунтов наличными немедленно передать Майклу Сомерсу из Кэстривенфордской школы рукопись, найденную в моем коттедже и озаглавленную «“Вознагражденные усилия любви”», при условии, что эти деньги будут переданы мне в течение недели со дня подписания этого соглашения». Миссис Блай подписала документ, и Сомерс ушел, взяв его с собой. Поскольку это было условное соглашение, оно не имело юридической силы, но ни Сомерс, ни миссис Блай этого не знали — как и Гэлбрейт, ознакомившийся с ним впоследствии.

Понятно, что у Сомерса, заглянувшего в «Маяк» в тот вечер, был такой довольный вид: учитель не сомневался, что, если рукопись действительно принадлежит перу Шекспира, он будет купаться в роскоши всю оставшуюся жизнь. Наверное, ему приходило в голову, что манускрипт может быть поддельным, но он сразу отмел от себя эту мысль. Сто фунтов — слишком маленькая сумма, чтобы заниматься такой сложной вещью, как подлог, да и Тавернер с миссис

Блай мало походили на ловких аферистов и пройдох. А предположение, что кто-то в прошлом мог спрятать сфабрикованную рукопись в глухом и уединенном месте просто ради шутки, казалось ему невероятным. Кроме того, Сомерс внимательно изучил документ, и хотя он не считал себя экспертом, увиденное показалось ему достаточно убедительным, чтобы пойти на сделку и рискнуть деньгами.

На следующее утро, прочитав несколько книг о подделках шекспировских автографов, Сомерс решил, что ему следует проконсультироваться с Гэлбрейтом, хорошо разбиравшемся в старых манускриптах. Он отвел его в сторону и, целиком полагаясь на законность своего соглашения с миссис Блай, выложил историю. Гэлбрейт проявил любопытство, однако не ответил ничего определенного. Ни он, ни Сомерс не предвидели того, что Лав подслушает их разговор, возмутится поведением своего бывшего любимчика и, ошибочно сочтя Гэлбрейта его соучастником, в бешенстве удалится, пригрозив разоблачить их махинации.

Фен замолчал, жестом показав, что прекрасно понимает, насколько зыбки его построения.

— Это лучшее, что я мог придумать на основании имеющихся фактов, хотя все могло происходить иначе. Сомерс и Гэлбрейт разошлись, охваченные жадной наживы. Сомерс был в ужасе от того, что Лав из-за своих нелепых принципов может расстроить его планы. Конечно, у него было соглашение, но он знал твердую решимость Лава и не сомневался, что тот готов разбить лагерь у дверей миссис Блай, чтобы дожидаться ее возвращения и убедить разорвать сделку, несмотря ни на какие документы. Лав действительно являлся сильным противником и впол-

не мог вырвать из рук Сомерса драгоценный манускрипт. Вывод с точки зрения Сомерса был очевиден: Лав должен умереть раньше, чем миссис Блай вернется в свой коттедж.

Но Гэлбрейт знал, что у Сомерса есть причины избавиться от Лава. Следовательно, рассудил Сомерс, надо обеспечить себе железное алиби — и мы знаем, что он придумал. Я не стану перечислять множество разных обстоятельств, сыгравших ему на руку. Самая большая опасность для его плана заключалась в том, что кто-нибудь из преподавателей в его отсутствие мог зайти в учительскую комнату и увидеть, что она пуста, но, как сказал Уэллс, это было маловероятно. К тому же Сомерс мог сказать, что ходил в туалет на первом этаже. В общем, он решил рискнуть. Главное было раздобыть серную кислоту, поскольку он боялся покупать ее в лавке, но хлипкий шкафчик в кабинете химии решил эту проблему.

В четверг вечером Сомерс проник в лабораторию и был замечен Брэндой. Он ограничился тем, что запугал ее, потребовав хранить молчание. В тот же вечер — или на следующее утро — изготовил симпатические чернила и заполнил ими нужное количество бланков, чтобы их хватило минимум на час работы. В пятницу днем узнал от Этериджа, что Брэнда не в состоянии скрыть волнения и может проболтаться. Тогда Сомерс подстерег ее в лесу, задушил — или, вернее, попытался задушить — и подбросил фальшивое письмо (абсолютно лишний шаг) в ее классную комнату. После этого все было готово.

— А как же револьвер? — спросил директор.

— Очевидно, Сомерс, проходя в пятницу мимо открытой оружейной и увидев, что она никем не охраняется, решил украсть оружие. Убийство можно

совершить и без револьвера, но раз он подвернулся под руку — почему бы нет. Кстати, этот револьвер участвовал потом во многих эпизодах: похищении Брэнды, убийстве Лава, убийстве Сомерса и попытке убить меня и Брэнду в Мелтон-Чарте. Увы, в суматохе вчерашней ночи я сильно подпортил картину с отпечатками пальцев, но к тому времени в них уже не было необходимости.

Итак, в пятницу вечером Сомерс ровно в десять пришел в учительскую и был ошарашен, увидев в ней Этериджа. Но Этеридж почти сразу ушел и при этом невольно помог Сомерсу, посчитав количество бланков, которые тот должен был заполнить.

— Это существенный момент, — заметил директор. — Его алиби выглядело бы очень бледно, если бы какой-нибудь независимый свидетель не подтвердил, что в десять часов вечера на руках у Сомерса была почти сотня чистых бланков. Как бы он добился этого без Этериджа?

— Например, с помощью Уэллса, на чье присутствие мог рассчитывать. Сомерс сказал бы ему что-нибудь вроде: «Послушайте, Уэллс, я заключил пари. Мы с другом поспорили, что я закончу девяносто семь отчетов до одиннадцати вечера. Посчитайте их, пожалуйста, чтобы все знали, что их действительно девяносто семь». Наверняка у него было заготовлено что-то в этом духе.

Директор кивнул:

— Продолжайте.

— После того как Уэллс и Этеридж ушли, Сомерс задернул шторы, чтобы никто не мог заметить, что его нет в комнате, спустился вниз и вылез из Дома Хаббарда через окно. Скорее всего, у него был велосипед: во-первых, потому, что он не хотел отсут-

ствовать дольше, чем необходимо, а во-вторых, по другой причине, о которой я скажу позднее. В любом случае, Сомерс отправился к дому Лава, проник в него через французское окно, застрелил Лава, сидевшего в кресле, и вернулся в учительскую. Все это заняло примерно четверть часа.

— Подождите, если бы у Сомерса был велосипед, то мы заметили бы его на улице.

— Если только его не увез Гэлбрейт, — возразил Фен, — а он вполне мог так поступить. Но я не настаиваю на велосипеде. Хочу лишь подчеркнуть, что Сомерс вернулся обратно не позднее половины одиннадцатого. Пешком это было сделать трудно, хотя в принципе возможно.

Действия Лава в предыдущие дни хорошо известны. В четверг он посетил коттедж миссис Блай, обнаружил, что ее нет дома, попытался выяснить, где она находится, но не сумел. Однако узнал, что она должна вернуться к актовому дню, и намеревался встретиться с ней сразу после возвращения, чтобы сообщить об истинной стоимости манускрипта.

— Но миссис Блай могла ему не поверить, — промолвил директор, — и все-таки продать рукопись Сомерсу.

— Вы правы, хотя сомневаюсь, что Сомерс стал бы на это полагаться. В любом случае, Лав до своей смерти больше не предпринял никаких шагов, если не считать начатой им записки. Что он собирался с ней делать, я не знаю. Вероятно, ему просто хотелось с кем-нибудь поделиться, а листок бумаги в данном случае лучше, чем ничего. Примерно по тем же причинам люди ведут дневники.

— Значит, вы не думаете, что он кому-то об этом рассказал?

— Вряд ли. Лав мог бы это сделать, если бы речь шла только о Гэлбрейте, но Сомерс — другое дело. Сомерс являлся его протеже, и для Лава признать участие Сомерса в такой афере означало получить болезненный удар по самолюбию. Я даже подозреваю, что, несмотря на свое разочарование, Лав все-таки сохранил к Сомерсу какую-то симпатию. Он был готов на все, чтобы расстроить его сделку, но не стал бы публично обвинять самого Сомерса.

Гэлбрейт тем временем не сидел сложа руки. Те же обстоятельства, какие заставляли Сомерса торопиться с приобретением манускрипта, подталкивали и его. Он решил завладеть рукописью. Но как? Соглашение Сомерса с миссис Блай казалось ему непреодолимым препятствием. Наверное, Гэлбрейт мог бы подождать, пока Сомерс купит манускрипт, а затем попытаться его украсть, но Сомерс, будучи здравомыслящим человеком, наверняка сразу поместил бы покупку в банковскую ячейку, и тогда Гэлбрейт уже не смог бы до нее добраться. Промежуточным вариантом было ограбление коттеджа, и Гэлбрейт попытался это сделать, но миссис Блай, впечатленная предложенной ей сотней фунтов, на всякий случай забрала рукопись с собой. В общем, Гэлбрейт не нашел ее. Он решил, что Сомерса надо убить до того, как тот получит манускрипт от миссис Блай, и вместе с ним надо убить и Лава, поскольку он может: (а) помешать ему завладеть рукописью, и (б) сообщить полиции, что у Гэлбрейта были веские причины убрать Сомерса. Избавившись от обоих, Гэлбрейт мог не опасаться, что кто-нибудь свяжет его имя со всей этой историей, поскольку у следствия не будет доказательств того, что он знал о существовании манускрипта. А раз так, у него было не больше мотивов для убийства, чем у остальных.

Похоже, Гэлбрейт действовал без предварительного плана и не пытался раздобыть оружие: он был достаточно умен и знал, что подготовка к убийству повышает риск быть пойманным, оставляя больше зацепок и улик. В пятницу вечером он просто следил за Сомерсом, выжидая удобного момента, и оказался у двери учительской, когда Сомерс сказал Уэллсу, что сломал свои часы. Когда Уэллс и Этеридж вышли в коридор, у него было достаточно времени, чтобы спрятаться в туалете или в одном из классов. Вероятно, он собирался тогда же убить Сомерса, но тот нарушил его планы, тайком покинув здание. Гэлбрейт мог проследить за ним до дома Лава или просто догадаться, что он его убил. Разумеется, ему было известно, что Сомерс желал смерти Лава не меньше, чем он сам. В любом случае, в интересах Гэлбрейта было подождать, пока Сомерс сделает свою работу; а когда это случилось, он проследовал за ним в учительскую комнату и застрелил из револьвера.

После убийства Гэлбрейт разгадал замысел Сомерса и понял, что сфабрикованное им алиби пригодится и ему. Он закончил прогревать отчеты, не проявленные Сомерсом, сломал его часы — по причинам, о которых я говорил выше, — отдернул шторы, чтобы комната выглядела так же, как в момент ухода Уэллса и Этериджа, и забрал у Сомерса сто фунтов и соглашение о сделке, стараясь замести следы. Но Гэлбрейт совершил три грубые ошибки. Во-первых, вытерев часы и оставив на них отпечатки пальцев Сомерса, он надел их на другую сторону руки. Во-вторых, обыскивая труп, он или не заметил, или не понял важного значения листа промокательной бумаги, лежавшего в кармане Сомерса. В-третьих, ухо-

дя из комнаты, — это кажется почти невероятным — оставил включенным электронагреватель.

На часах в тот момент было примерно между половиной одиннадцатого и без двадцати пяти минут одиннадцать. В десять тридцать пять Гэлбрейт позвонил капеллану из телефонной будки у ворот. Сомневаюсь, что он успел бы убить Сомерса и разобраться на месте преступления, когда появился в вашем кабинете. Кстати, именно поэтому я настаивал, что Сомерс вернулся от Лава к половине одиннадцатого. Далее возникает вопрос, на который можете ответить только вы. Проблема с размещением гостей в капелле — она была подстроена?

— Нет, — покачал головой директор, — проблема действительно существовала, и Гэлбрейту не пришлось ее выдумывать. Возможно, ему было не обязательно обращаться ко мне, но то, что он это сделал, не противоречило обычной практике.

— Ясно. Значит, история просто подвернулась вовремя. Выйдя из учительской, он должен был обеспечить себе надежное алиби от без четверти одиннадцать и дальше. Ваш Календарный комитет пришелся как нельзя кстати. Не говоря обо всем прочем, у вас было железное алиби по обоим преступлениям, поэтому полиция могла вам верить. Гэлбрейт позвонил капеллану, чтобы найти повод для позднего визита, немного подождал, сделав вид, будто идет из собственной квартиры, и появился как раз в тот момент, когда заседание комитета почти завершилось.

— Но не мог рассчитывать, что я буду говорить до бесконечности, — словно оправдываясь, пробормотал директор.

— В этом не было необходимости. Гэлбрейт знал, что Уэллис найдет тело Сомерса в одиннадцать, а жена

Лава обнаружит тело мужа в десять сорок пять. Главное, чтобы говорили до одиннадцати часов, а этого вполне можно был ожидать. На следующее утро он убил миссис Блай. Времени для этого у него хватало, поскольку в тот день он не был занят в школе.

— После службы — нет, — подтвердил директор. — Я сказал ему, что он может понадобится в течение дня, но не давал никаких конкретных поручений.

— Что произошло в коттедже, мы точно не знаем. Вряд ли бы он стал убивать хозяйку дома, если бы ему удалось незаметно вынести оттуда манускрипт. Но как только она его заметила, ему пришлось убить ее.

— Зачем?

— Иначе она рассказала бы полиции о визите Сомерса и манускрипте. И если бы после его смерти Гэлбрейт украл, купил или сделал что-либо еще с найденным в коттедже документом, полиция сразу заподозрила бы, что у него имелись веские причины желать смерти Сомерса.

— Разумеется. Продолжайте.

— Как я уже сказал, на этом отрезке времени у нас белое пятно. Миссис Блай могла застать Гэлбрейта во время кражи или... впрочем, здесь много разных возможностей. Главное, что она увидела его, и Гэлбрейту пришлось убить ее. Затем Гэлбрейт оглушил Пламстеда, боясь, что тот заметит, как он покидает коттедж, и сможет опознать его. Вскоре он удалился, прихватив «Вознагражденные усилия любви».

Позднее во время праздника в саду он подслушал мой разговор с Элспет Мердок, которая объяснила, как можно найти Брэнду Бойс. Гэлбрейта это не встревожило, поскольку он, как и я, думал, что Со-

мерс убил ее. Но тут примерно в половине седьмого Уимс поделился с ним якобы подслушанным им разговором между мной и Стэггом. Это могло быть ложью, а могло — и правдой. Если Брэнда действительно жива, рассуждал Гэлбрейт, она может рассказать полиции про историю с чернилами и разнести его алиби в пух и прах. А без алиби, по словам Стэгга, его тут же арестуют. Гэлбрейт решил все проверить и отправился за мной и Элспет в Мелтон-Чарт. Элспет потом говорила, что чувствовала, как в лесу за нами кто-то следил, но сам я ничего не заметил.

Что дальше, вам известно. Не зная, что мы уже раскусили трюк с чернилами и что своими действиями он подписывает себе смертный приговор, Гэлбрейт попытался убить Брэнду. Но у него не получилось. Не представляю, что с ним творилось после этого. Когда Стэгг и я приехали сюда от Брэнды, он в отчаянии попытался выяснить, что нам известно, и подслушал за дверью. Мы бросились в погоню, и, — Фен развел руками, — *sic transit*¹.

Наступило долгое молчание. Фен зевал, разевая рот, и наконец директор спросил:

— Полагаю, Сомерс или Гэлбрейт сумели бы продать рукопись — скажем так, не привлекая к себе лишнего внимания?

— Это можно было бы сделать разными способами, — ответил Фен. — Похоже, оба собирались уехать за границу и жить под другим именем, чтобы никто не мог связать их с событиями в Кэстривенфорде. Алиби было им нужно до конца семестра — а потом тот или другой исчез бы без следа. В этом

---

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

деле есть один момент, который можно толковать по-разному. Вероятно, Сомерс не убил Лава — хотя после того, как он попытался задушить Брэнду, его репутация не должна нас беспокоить.

— Почему вы так решили?

— Сомерс, несомненно, собирался убить Лава. Но его самого могли убить раньше, чем он выполнил свой план. Иными словами, убийцей Лава вполне мог оказаться Гэлбрейт, поскольку у него имелись такие же мотивы для убийства, как у Сомерса. Выберите любую из этих версий. Мы никогда не узнаем правды, хотя обычно в подобных вопросах не остается неясностей.

— А обыск в доме миссис Блай дал какие-нибудь результаты? — спросил директор.

— Ни малейших. Боюсь, миссис Блай последовала совету Тавернера и сожгла письма в печке. Письма! — воскликнул Фен. — Письма Шекспира пусти-ли на растопку...

— Не переживайте, — промолвил директор. — По крайней мере, у нас осталась одна страница из «Вознагражденных усилий любви». Не представляю, как она могла уцелеть среди огня, после которого осталась горстка пепла.

— Я знал, что рукопись должна быть у него, — мрачно заметил Фен. — Но единственное, что мне оставалось, это стоять и смотреть, как она превращается в золу... Впрочем, вы правы, одна страница у нас есть — сильно обгоревшая, но целая и хорошо читаемая. Я попросил суперинтенданта сделать для меня копию.

— Правда? Можно взглянуть?

Профессор достал листок и протянул директору, который надел свои очки в роговой оправе.

Вознагражденные усилия любви

Двор короля Наварры.

1-й придворный

Так, говоришь, они должны вернуться?

2-й придворный

Быстрее, чем вылупившийся из яйца птенец,
Свалившись с дерева, стремится вновь забраться
Обратно в материнское гнездо, —

Так наш всемилостивейший повелитель и король,
А с ним Бирон с Дюменом и Лонгвиль, спешат сюда
Для исполнения священного обета, который дан
Был год назад прелестницам французским.

Живя отшельником в уединенном месте
Среди снегов Карпат, где властвует мороз,
Сковав крестьян в их хижинах убогих,
И даже Феб боится показать свой лик
Холодным иглам ледяных вершин,

Наш благородный господин смягчился сердцем
И стал отзывчивей к чужим невзгодам,
Поскольку испытал их сам. А наш Бирон,
Как тигр, опутанный сладчайшей из сетей,
Утратив все бывшее безрассудство,
Чудесно изменился в той больнице,
Где врачевал он язвы прокаженных
Ради любви прекрасной Розалинды.

1-й придворный

Так, значит, дамы тоже будут здесь?

2-й придворный

Да, мы их ждем с минуты на минуту.

Но погляди — сюда идет Армадо,
нелепейший из чудаков, а с ним слуга.

1-й придворный

Давай послушаем, что скажут эти двое.

Входят Армадо и Мотылек.

Армадо

Мой юный паж, мой маленький мудрец, скажи: не думаешь ли ты, что вожделение и похоть развели мою Нетту и ее супружеские клятвы по разным сторонам нашего существования?

Мотылек

Мой ветхий рыцарь, я бы мог гораздо лучше ответить на ваш вопрос, будь у меня такая же окладистая борода, как у вас: ибо бороды — не что иное, как ключ к женским сердцам.

Армадо

Только к ее сердцу, дитя мое; только к ее сердцу.

Мотылек

Да благословят ее нижние юбки вашу невинность. Но раз уж мы заговорили о женских сердцах, то нет такого сердца...

— Хм, — пробормотал директор, вернув бумагу Фену. — По-моему, наш Бард выглядит тут немного бледновато. Это продолжение «Бесплодных усилий любви»?

— Именно так. Как вы знаете, «Бесплодные усилия любви» обрываются внезапно, а здесь мы видим продолжение истории после возвращения влюбленных. Впрочем, я не исключаю, что перед нами просто сиквел шекспировской пьесы, написанный кем-то

другим. На эту мысль наводит явная бедность стиля — хотя, если вспомнить «Гита Адроника», это не самый веский аргумент. К тому же дальше пьеса могла сильно оживиться с появлением Башки или Тупицы.

— Как насчет почерка?

— Он похож на известные автографы, это ясно.

— Думаете, пьесу когда-нибудь ставили?

— Поскольку о ней упоминает Мирес — вероятно, да. Хотя, скорее всего, в театре она провалилась — сиквелы часто проваливаются, — вот почему ее никто не переписывал и не пытался поставить еще раз. Но на странице нет никаких следов того, что ее использовали как суфлерский экземпляр, — если вы об этом.

— Как, по-вашему, она могла попасть в коттедж?

— Я по-прежнему думаю, что все дело в юной даме, — ответил Фен. — Она попросила его показать ей образчик своих работ, вот он и всучил ей это. Письма могли бы многое прояснить, но... Бог его знает. В академических журналах давно ломают копы на сей счет. Один из самых удручающих моментов в нашей жизни — то, что во всем шекспироведении нельзя найти ни одной гипотезы, с которой были бы согласны все. Я всегда симпатизировал критике, который, потратив много лет на изучение загадки шекспировских сонетов, однажды заявил, что лучше бы он их вовсе не сочинял.

В дверь постучали, и вошел Уэллс с пачкой вечерних газет. Директор бегло просмотрел заголовки.

— О вас ни слова, — с удивлением отметил он.

— Ну, еще бы. Человек в моем положении, — скромно объяснил Фен, — не может позволить себе быть замешанным в столь ужасных историях.

Директор сдвинул брови:

— Надеюсь, это не Стэгг потребовал убрать ваше имя?

— Нет. Он слишком честен и добродушен, чтобы ему могло прийти подобное в голову. Я сам настоял на том, чтобы мое имя нигде не упоминалось. Кстати, задачка оказалась не из легких. Пришлось соврать, будто я обещал жене больше не связываться с криминальными делами, пока мне наконец не удалось его убедить. Но потом — заметьте, потом, а не до того, как мы договорились, — он дал мне это.

Фен достал из кармана маленький медальон, найденный в коттедже миссис Блай, и оглядел его.

— Стэгг мне сказал: «Удивительно, сэр, но никто не видел, как я его нашел, и я о нем ни с кем не говорил, кроме вас. Сдается мне, что вы гораздо больше достойны им владеть, чем сын миссис Блай из Ковентри или кто-либо другой, тем более что сохранившаяся страница рукописи и без того сделает его богатым. Поэтому, если вы готовы признать, что по рассеянности прихватили с собой эту вещицу — в случае, если возникнут какие-то вопросы, — я с удовольствием оставлю ее у вас».

Директор рассмеялся:

— По-моему, нет ничего забавнее, чем когда страж порядка по доброте душевной делает что-то противозаконное.

Фен убрал медальон и взглянул на часы:

— Боюсь, мне пора возвращаться в Оксфорд. Кстати, механики в вашем гараже сотворили чудо с моей «Лили Кристин». После вчерашней работы Пламстеда я думал, что она больше никогда не сдвинется с места, но теперь машина бежит даже резвее, чем раньше. Конечно, она слегка помята, — добавил он, — с той стороны, где в нее влетел Стэгг. Но с этим я разберусь, вернувшись домой.

— Хотите перед отъездом выпить чашку чая?

— Не откажусь. — Лицо Фена вдруг просияло. — А заодно расскажу вам про сюжет своего детективного романа.

Директор застонал:

— Боже мой, Джервейс, если уж вам так нужно сочинить роман — а в наше время кто их только не пишет, — то почему бы вам не использовать события этого уикенда? Что-нибудь в духе Сименона, с психологией и прочими штучками, чтобы угодить высоколобым критикам.

— Гэлбрейт? — произнес Фен. — Сомерс? «Вознагражденные усилия любви»? — Он отмел эту идею пренебрежительным взмахом руки. — Мой дорогой друг, из подобного материала невозможно сделать хороший детектив. А вот та девушка в горах Кэтскилл...

Нам остается добавить совсем немного. Дружба между мистером Пламстедом и Дафной Сэвидж скоро завершилась помолвкой, и мистер Пламстед, уверенный, что только вмешательство Фена спасло его от виселицы, пригласил профессора на свадьбу. Поскольку она приходилась на летние каникулы и Фен в это время все равно собирался находиться в Лондоне, он охотно принял приглашение. В день, когда была назначена церемония, он сел в ранний поезд из Оксфорда до Паддингтона.

— Будем надеяться, я не встречу со старым мореходом¹, — сказал профессор.

---

¹ В поэме Кольриджа «Сказание о старом мореходе» герой встречает на свадьбе таинственного моряка, обреченного вечно скитаться по земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Лебединая песня

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	61
Глава 9	70
Глава 10	73
Глава 11	85
Глава 12	92
Глава 13	98
Глава 14	103
Глава 15	115
Глава 16	121
Глава 17	126
Глава 18	138
Глава 19	144
Глава 20	152
Глава 21	158
Глава 22	162
Глава 23	168
Глава 24	173
Глава 25	177

Любовь покоится в крови

Глава 1. LASCIVA PUELLA.....	189
Глава 2. СВИДАНИЕ КАК УЛИКА.....	197
Глава 3. ОГРАБЛЕНИЕ.....	209
Глава 4. КАТАСТРОФА.....	224
Глава 5. УЛИКИ И СЛЕДЫ.....	233
Глава 6. ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ В КРОВИ.....	257
Глава 7. САТУРНАЛИИ.....	270
Глава 8. СМЕРТЬ ВЕДЬМЫ.....	295
Глава 9. ВОЗНАГРАЖДЕННЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБВИ... ..	308
Глава 10. РАЗМЫШЛЕНИЯ СРЕДИ МОГИЛ.....	328
Глава 11. ДУМАТЬ, ЧТОБЫ ОШИБАТЬСЯ.....	345
Глава 12. ТЕМНЫЕ МЫСЛИ ПОД ТЕНИСТЫМ ДЕРЕВОМ.....	358
Глава 13. ЗНАКОМЬТЕСЬ — УБИЙЦА.....	368
Глава 14. ГЕРОЙ УХОДИТ, ЗА НИМ ОСТАЛЬНЫЕ... ..	383
Глава 15. ПОГОНЯ.....	399
Глава 16. ИТОГИ.....	406
Глава 17. НЕРУШИМЫЙ МИР.....	426

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Криспин Эдмунд

**ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ
ЛЮБОВЬ ПОКОИТСЯ В КРОВИ**

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *М. Лазуткина*
Корректор *М. Мазалова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005—93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92

Факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 07.08.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 2000 экз. Заказ 785.

ISBN 978-5-17-095898-6

9 785170 958986 >

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

В серии вышли:

1. *Найо Марш*. «СМЕРТЬ В БЕЛОМ ГАЛСТУКЕ. РУКА В ПЕРЧАТКЕ»
2. *Джорджет Хейер*. «ТАК УБИВАТЬ НЕЧЕСТНО!
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КИНЖАЛ»
3. *Жаклин Уинспир*. «МЕЙСИ ДОББС. ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ»
4. *Найо Марш*. «УБИЙСТВО В ЧАСТНОЙ КЛИНИКЕ.
СМЕРТЬ В ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ»
5. *Энтони Гилберт*. «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО.
НЕ ВХОДИ В ЭТУ ДВЕРЬ!»
6. *Сирил Хейр*. «ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ. КОГДА ДУЕТ ВЕТЕР»
7. *Николас Блейк*. «ГОЛОВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.
МИНУТА НА УБИЙСТВО»
8. *Энтони Беркли*. «СУД И ОШИБКА. ОСТОРОЖНО: ЯД!»
9. *Патриция Вентворт*. «ВМЕШАТЕЛЬСТВО МИСС СИЛЬВЕР.
КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ ДВЕНАДЦАТЬ»
10. *Найо Марш*. «УБИЙЦА, ВАШ ВЫХОД! ПРЕМЬЕРА»
11. *Патрисия Мойес*. «УБИЙСТВО ОТ-КУТЮР.
КТО ПОДАРИЛ ЕЙ СМЕРТЬ?»
12. *Жаклин Уинспир*. «ПРОСТИТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ.
ВЕСТНИК ИСТИНЫ»
13. *Джорджет Хейер*. «ЗАЧЕМ УБИВАТЬ ДВОРЕЦКОГО?
ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК»
14. *Энтони Гилберт*. «УБИЙСТВО В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК.
ДЛИННАЯ ТЕНЬ СМЕРТИ»
15. *Глэдис Митчелл*. «УБИЙСТВО В СОЛТМАРШЕ.
УБИЙСТВО В ОПЕРЕ»
16. *Агата Кристи*. «БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА.
СМЕРТЬ ЛОРДА ЭДЖВЕРА.
УБИЙСТВО В МЕСОПОТАМИИ»
17. *Найо Марш*. «СЕМЕЙКА ЛАМПРИ. ТАНЦУЮЩИЙ ЛАКЕЙ»
18. *Джон Ле Карре*. «ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ.
УБИЙСТВО ПО-ДЖЕНТЛЬМЕНСКИ»
19. *Николас Блейк*. «СМЕРТЕЛЬНЫЙ РОЗЫГРЫШ. КОНЕЦ ГЛАВЫ»
20. *Патриция Вентворт*. «КЛЮЧ. ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАННИЦЫ»
21. *Джорджет Хейер*. «НАЙДЕН МЕРТВЫМ. ТУПОЕ ОРУЖИЕ»

22. *Агата Кристи*. «КАНИКУЛЫ В ЛИМСТОКЕ» (МАРПЛ)
23. *Сирил Хейр*. «САМОУБИЙСТВО ИСКЛЮЧАЕТСЯ.
СМЕРТЬ В АРЕНДУ»
24. *Найо Марш*. «ПРЕЛЮДИЯ К УБИЙСТВУ. СМЕРТЬ В БАРЕ»
25. *Джозефина Белл*. «СМЕРТЬ НА КАНИКУЛАХ.
УБИЙСТВО В БОЛЬНИЦЕ»
26. *Эдмунд Кристин*. «ДЕЛО О ЗОЛОТОЙ МУШКЕ.
УБИЙСТВО В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК»
27. *Майкл Иннес*. «СМЕРТЬ В АПАРТАМЕНТАХ РЕКТОРА.
ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!»
28. *Френсис Айлз (Э. Беркли)*. «УМЫШЛЕННАЯ ЗЛОБА.
ЗАМУЖЕМ ЗА СМЕРТЬЮ»
29. *Джозеф С. Флетчер*. «УБИЙСТВО В МИДДЛ-ТЕМПЛ.
ТАЙНЫ РАЙЧЕСТЕРА»
30. *Жаклин Уинстип*. «НЕЗАВЕРШЕННАЯ МЕСТЬ. СРЕДИ БЕЗУМИЯ»
31. *Кристианна Брэнд*. «НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВЫ.
ЗЕЛЕНЫЙ — ЦВЕТ ОПАСНОСТИ»
32. *Ричард О. Фримен*. «ПОЮЩИЕ КОСТИ. ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ»
33. *Джорджет Хейер*. «УБИЙСТВО В ЭШЛИ-ГРИН.
ОСТОРОЖНО, ЯД!»
34. *Николас Блейк*. «ТРЕБУЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.
БРЕННА ЗЕМНАЯ ПЛОТЬ»
35. *Этель Лина Уайт*. «КОЛЕСО КРУТИТСЯ.
КТО-ТО ДОЛЖЕН ПОБЕРЕЧЬСЯ»
36. *Энтони Беркли*. «ТАЙНА СЕМЬИ ВЕЙН. ВТОРОЙ ВЫСТРЕЛ»
37. *Рональд Нокс*. «УБИЙСТВО НА ВИАДУКЕ. ТРИ ВЕНТИЛЯ»
38. *Глэдис Митчелл*. «БЫСТРАЯ СМЕРТЬ. ТАЙНА КАМНЯ ДРУИДОВ»
39. *Сирил Хейр*. «НЕСПОРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.
УБИЙСТВА И ДРУГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»
40. *Майкл Иннес*. «ПАНИХИДА ПО СОЗДАТЕЛЮ.
ОСТАНОВИТЬ ПЕЧАТЬ»

Планируются к выпуску:

41. *Ричард Халл*. «УБИЙСТВО МОЕЙ ТЕТУШКИ. УБИТЬ НЕЛЕГКО»
42. *Марджерри Аллингем*. «ПОЛИЦИЯ НА ПОХОРОНАХ.
ЦВЕТЫ ДЛЯ СУДЬИ»
43. *Патриция Вентворт*. «УБИЙСТВО В ЛЕТТЕР-ЭНДЕ.
ПРИЮТ ПИЛИГРИМА»
44. *Джорджет Хейер*. «ШАГИ В ТЕМНОТЕ.
УБИЙСТВО АДАМА ПЕНХАЛЛОУ»

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Первая послевоенная постановка «Мейстерзингеров» Вагнера. Оперный театр в Оксфорде собрал лучшую труппу. Но незадолго до премьеры Эдвин Шортхаус, исполняющий главную партию, был найден повешенным в собственной гримерке. Полиция считает это самоубийством, ведь комната была заперта изнутри. Однако прибывший на место преступления Джервейс Фен уверен — Шортхауса, в ком талант сочетался с невероятно вздорным характером, убили. Но кто это сделал? Молодой дирижер, которого покойный изошренно травил? Первый тенор, за чьей женой Шортхаус безуспешно ухаживал? Или парочка начинающих артистов, явно знающих о случившемся гораздо больше, чем говорят?..

В уважаемой частной школе для мальчиков совершено двойное убийство: кто-то застрелил молодого учителя Сомерса и протезировавшего его Лава. Полиция в недоумении, особенно когда выясняется, что на следующий день в соседней деревушке убита пожилая вдова миссис Блай. Профессор Фен, помогающий полиции вести расследование, подозревает, что все эти три убийства тесно связаны, более того, причины случившегося следует искать в старинных бумагах, которые миссис Блай нашла в своем доме во время ремонта...

**Сюжеты, достойные Агаты Кристи.
Юмор, достойный Вудхауса!**
«Times»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-095898-6

9 785170 958986